

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ
ВАМПИРОВ

книга первая
ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

Annotation

Ни для кого не тайна, что вампиры существуют на самом деле, живут рядом с нами и пользуются порой своими необычными навыками. Но мало кому известно, что в Америке, в самом сердце Монтаны, имеется настоящая Академия, где вампиры обучаются высокому искусству магии. И не знает почти никто, что в мире идут кровавые вампирские войны и расе мороев противостоит жестокое племя стригоев — вампиров, переступивших черту закона и не гнушающихся убийством. Даже стены Академии, святая святых науки, не слишком надежная защита от присков темных сил. Юная моройская принцесса Лисса и Роза, ее подруга и верный страж, однажды убеждаются в этом, оказавшись в эпицентре грозных событий.

- [Райчел Мид](#)
 - [ОДИН](#)
 - [ДВА](#)
 - [ТРИ](#)
 - [ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ПЯТЬ](#)
 - [ШЕСТЬ](#)
 - [СЕМЬ](#)
 - [ВОСЕМЬ](#)
 - [ДЕВЯТЬ](#)
 - [ДЕСЯТЬ](#)
 - [ОДИННАДЦАТЬ](#)
 - [ДВЕНАДЦАТЬ](#)
 - [ТРИНАДЦАТЬ](#)
 - [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ](#)
 - [ПЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ШЕСТНАДЦАТЬ](#)
 - [СЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ВОСЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ДЕВЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ОДИН](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДВА](#)

- [ДВАДЦАТЬ ТРИ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Райчел Мид

**«Академия вампиров. Книга 1. Охотники
и жертвы»**

ОДИН

Я почувствовала страх еще до того, как услышала крики.

Ее ночной кошмар пульсировал внутри, вытряхивал меня из сна, в котором присутствовали побережье и сексапильный парень, втирающий мне в кожу масло для загара. Сознание заполонили ее образы — не мои: огонь и кровь, запах дыма, искореженный металл автомобиля. Страшные картинки обволакивали меня, душили, и так продолжалось до тех пор, пока некая рациональная часть сознания не напомнила, что это чужой сон.

Я проснулась; пряди длинных темных волос прилипли ко лбу.

Лисса металась и кричала во сне. Я выбралась из постели и быстро преодолела несколько разделяющих нас футов.

— Лисс! — Я потрясла ее. — Лисс, проснись!

Крики смолкли, сменившись тихим хныканьем.

— Андрей... — простонала она. — О господи!

Я помогла ей сесть.

— Лисс, ты не там. Очнись.

Спустя несколько мгновений ее веки затрепетали и поднялись; даже в тусклом свете было видно, что сознание в ней начинает брать верх над тем, что держало ее во сне. Бурное, прерывистое дыхание успокаивалось, и она склонила голову мне на плечо. Я обняла ее, провела рукой по волосам.

— Все в порядке, — мягко приговаривала я. — Успокойся, все хорошо.

— Мне снова приснился тот же сон.

— Да. Понимаю.

Так, в полном молчании, мы просидели несколько минут. Почувствовав, что она успокоилась, я потянулась к ночному столику и включила лампу. Она давала мало света, но, в общем, большего и не требовалось. Привлеченный светом, соседский кот Оскар вспрыгнул на подоконник раскрытоого окна.

Он избегал меня — по какой-то причине животные не любят дампиров, — но прыгнул на постель и, негромко мурлыча, потерся головой о Лиссу. С мороями у животных не возникает проблем, и к Лиссе они были в особенности неравнодушны. Улыбаясь, уже практически успокоившись, она почесала его под подбородком.

— Когда было последнее «кормление»? — спросила я, вглядываясь в ее лицо.

Кожа бледнее обычного, темные круги под глазами и общее

впечатление слабости. На этой неделе занятий в школе было много, и я не могла вспомнить, когда в последний раз давала ей кровь.

— Кажется... больше двух дней назад? Три? Почему ты молчала?

Она пожала плечами, избегая моего взгляда.

— Ты была занята. Я не хотела...

— Глупости! — Я уселась поудобнее.

Неудивительно, что она выглядела такой слабой. Оскар, избегающий соседства со мной, спрыгнул на пол, а потом снова на подоконник, откуда мог наблюдать за нами с безопасного расстояния.

— Давай! Нечего тянуть.

— Роза...

— Давай! Тебе станет лучше.

Я наклонила голову и откинула волосы, обнажив шею. Лисса все еще колебалась, но вид моей шеи оказывал слишком мощное воздействие. По ее лицу скользнуло голодное выражение, губы слегка раздвинулись, и стали видны клыки, которые она скрывала, оказываясь среди людей. Эти клыки странно контрастировали с ее обликом. Хорошенькое лицико и светлые волосы делали ее больше похожей на ангела, чем на вампира.

Она потянулась к моей обнаженной коже, и мое сердце заколотилось от страха и предвкушения. Позже мне всегда становилось тошно из-за того, что я испытывала эти чувства, но избавиться от них было выше моих сил — слабость, с которой ничего не поделаешь.

Клыки вонзились в тело, и краткая вспышка боли заставила меня вскрикнуть. Потом боль исчезла, сменившись удивительным, золотистым ощущением радости, растекшимся по всему телу. Это лучше, чем выпивка или травка, лучше, чем секс, — по крайней мере, так мне казалось, поскольку я, увы, не знала ни того ни другого. Покров чистейшего, рафинированного удовольствия окутал меня, даря обещание, что все на свете будет хорошо. Химические вещества в ее слюне инициировали выброс эндорфинов, и я потеряла всякое представление об окружающем мире и даже о том, кто я такая.

Вскоре, к сожалению, все кончилось. Это заняло не больше минуты.

Откинувшись и вытирая рукой губы, она разглядывала меня.

— Ты в порядке?

— Я... Да. — Голова кружилась от потери крови, и я откинулась на постель. — Просто нужно немного поспать. А так со мной все прекрасно.

Взгляд ее бледно-зеленых, «нефритовых» глаз был с тревогой прикован ко мне. Она встала:

— Принесу тебе поесть.

Я запротестовала, но вяло, и она вышла, прежде чем непослушными губами я сумела что-то пролепетать. Кайф от укуса уменьшился, как только она разорвала контакт, но кое-что еще оставалось в моих венах, и я почувствовала, как губы расплываются в глупой улыбке. Повернув голову, я посмотрела на Оскара, по-прежнему сидящего на подоконнике.

— Ты понятия не имеешь, чего лишен, — сказала я ему.

Его внимание привлекало что-то снаружи. Он припал к подоконнику — черная шерсть всталла дыбом, хвост подергивается. Моя улыбка увяла, и я заставила себя сесть. Меня одолел приступ головокружения, и я ждала, пока он прекратится, прежде чем попытаться встать. Но едва поднялась на ноги, дурнота вернулась и на этот раз не желала уходить. Тем не менее у меня хватило сил дотащиться до подоконника и вместе с Оскаром выглянуть наружу. Он настороженно посмотрел на меня, слегка отодвинулся и снова вернулся к тому, что привлекло его внимание.

Теплый ветерок — необычно теплый для портлендской осени — играл моими волосами, когда я высунулась наружу. На улице было темно и относительно спокойно. Три часа утра — единственное время, когда кампус колледжа успокаивался, по крайней мере отчасти. Дом, в котором вот уже восемь месяцев мы снимали комнату, располагался на улице со старыми, разномастными домами. Через дорогу мигал уличный фонарь, чувствовалось, что он вот-вот перегорит. Однако пока он давал достаточно света, чтобы я могла разглядеть силуэты автомобилей и зданий, а в нашем дворе — деревья, кусты... и наблюдающего за мной человека.

Я удивленно отшатнулась. Он стоял на расстоянии около тридцати футов, под деревом, откуда легко заглядывать в наше окно. Достаточно близко, чтобы я могла швырнуть в него чем-нибудь. И уж совершенно точно, достаточно близко, чтобы видеть, чем мы с Лиссой только что занимались.

Он так сильно утопал в тени, что даже своим обостренным зрением я не могла разглядеть его толком, за исключением роста. Высокий. По-настоящему высокий. Едва различимый, он стоял там всего мгновение, а потом отступил и исчез в тени деревьев в дальнем конце двора. Я была уверена, что заметила там еще кого-то. Потом они встретились, и тьма поглотила обоих.

Кем бы они ни были, Оскару они не нравились. Не считая меня, он обычно ладил с большинством людей, начиная тревожиться лишь в том случае, если от кого-то исходила опасность. Тип снаружи никак не угрожал Оскару, но кот что-то почувствовал — что-то, заставившее его насторожиться.

Холодный страх пронзил меня, почти — но не целиком — погасив изумительный кайф от укуса Лиссы. Отойдя от окна, я нашла на полу джинсы, натянула их, чуть не свалившись при этом, схватила наши с Лиссой куртки и бумажники. Сунула ноги в первые попавшиеся туфли и устремилась к двери.

Она была внизу, в тесной кухоньке, рылась в холодильнике. За столом сидел один из наших соседей, Джереми, приложив ко лбу руку и с тоской глядя в учебник математики. Лисса удивленно посмотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь?

— Нужно уходить. Немедленно.

Она широко распахнула глаза, но спустя мгновение в них мелькнуло понимание.

— Ты... Это точно? Уверена?

Я кивнула. Не знаю почему, но я была уверена. Никаких сомнений.

Джереми с любопытством наблюдал за нами.

— Что случилось?

У меня мелькнула идея:

— Лисс, возьми у него ключи от машины.

Он переводил взгляд с меня на нее и обратно:

— Что вы...

Лисса без малейших колебаний направилась к нему. Благодаря нашей психической связи я чувствовала ее страх и безграничную веру в то, что я позабочусь обо всем и мы будем в безопасности. Как обычно, я от всей души надеялась, что стою ее доверия. Она широко улыбнулась и посмотрела прямо ему в глаза. Мгновение Джереми просто глядел в ответ, все еще в недоумении, но потом стало ясно — он полностью подчинен. Глаза остекленели, он взирал на Лиссу, как на божество.

— Нам нужно на время взять твою машину, — мягко сказала она. — Где ключи?

Он улыбнулся, а я содрогнулась. Я обладала высокой сопротивляемостью к принуждению, однако в какой-то степени ощущала его воздействие, когда оно было направлено на других. Ну и вдобавок всю жизнь меня учили, что использовать его нехорошо. Джереми достал из кармана ключи на длинной красной цепочке и вручил Лиссе.

— Спасибо, — сказала она. — Где припаркована машина?

— Дальше по улице. На углу рядом с «Брауном».

В четырех кварталах отсюда.

— Спасибо, — повторила Лисса. — Как только мы уедем, ты вернешься к своим занятиям и забудешь, что видел нас сегодня ночью.

Он услужливо закивал. Складывалось впечатление, что он шагнул бы с обрыва, попроси она его. Все люди восприимчивы к принуждению, однако Джереми, похоже, особенно. Повезло — учитывая момент.

— Пошли, — сказала я Лиссе. — Нужно поторопиться.

Мы вышли наружу и направились к тому углу, о котором он говорил. У меня после укуса все еще кружилась голова, я то и дело спотыкалась и не могла идти так быстро, как хотела. Несколько раз едва не упала и устояла на ногах лишь благодаря помощи Лиссы. Тревога передавалась мне. Я изо всех сил старалась игнорировать ее, у меня и своих страхов хватало.

— Роза… что мы будем делать, если нас схватят? — прошептала она.

— Не схватят. Я не допущу этого.

— Но раз они нашли…

— Они и раньше находили нас. Но не схватили. Сейчас мы поедем на вокзал, а оттуда в Л.-А.^[1] Они потеряют наш след.

Я постаралась создать впечатление, будто проблем никаких нет. Я всегда так делала, хотя что уж тут простого — убегать от людей, которых знаешь чуть ли не с рождения? Мы на протяжении двух лет прятались от них где могли и просто пытались окончить среднюю школу. Выпускной год только-только начался, и, казалось, в кампусе колледжа безопасно. Мы были так близки к свободе!

Больше она ничего не сказала, и я почувствовала, как в ней снова проснулась вера в меня. Так было всегда. Я воплощала в себе действующее начало, хотя временами совершала безрассудные поступки. Она была благоразумнее и, прежде чем начать действовать, старалась осмыслить происходящее, выбрать наилучший вариант. Обе линии поведения имели свои преимущества, однако в данный момент требовалось безрассудство — времени на обдумывание не было.

Мы с Лиссой стали лучшими подругами еще в детском саду, когда воспитательница посадила нас вместе на уроках письма. Заставлять пятилетних детей выводить «Василиса Драгомир» и «Розмари Хэзевей» — это было за гранью жестокости, и мы — или, точнее, я — реагировали соответственно. Я бросила в воспитательницу книгой и обозвала ее фашисткой. Я понятия не имела, что это слово означает, но умения попадать в движущуюся цель мне уже тогда было не занимать.

С тех пор мы с Лиссой неразлучны.

— Слышишь? — неожиданно спросила она. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы уловить то, что более обостренное восприятие Лиссы уже отметило. Шаги, быстрые шаги. Я сстроила гримасу. Нам оставалось пройти два квартала.

— Придется бежать, — сказала я и для поддержки взяла ее за руку.

— Ты не сможешь...

— Бежим!

Понадобилась вся сила воли, чтобы не потерять сознание прямо на дороге. Тело отказывалось слушаться, то ли из-за потери крови, то ли из-за остаточного воздействия на метаболизм вампирской слюны. Но я запретила мышцам брюзжать, вцепилась в Лиссу, и мы рванули. Обычно я без малейших усилий перегоняла ее — в особенности если, вот как сейчас, она была босиком, — но этой ночью только благодаря ей не упала.

Преследующие нас шаги зазвучали громче, ближе. Перед моими глазами плясали черные звезды. Впереди уже показалась зеленая «хонда» Джереми. О господи, только бы добраться до нее...

В десяти шагах от автомобиля прямо перед нами возник человек. Мы резко остановились, и я за руку дернула Лиссу назад. Это был он, тот тип, которого я заметила, когда он наблюдал за мной. Старше нас, может, лет двадцати пяти, и действительно такой высокий, как мне показалось, — скорее всего, шесть-шесть^[2] или шесть-семь. В других обстоятельствах — не тогда, когда он препятствовал нашему отчаянному бегству, — я бы сочла его секапильным. Темные волосы до плеч, связанные сзади в короткий «конский хвост». Карие глаза. Длинное коричневое пальто — пыльник, так это, по-моему, называется.

Однако секапильный он там или нет, сейчас это к делу не относилось. Сейчас он всего лишь препятствие, отделяющее нас с Лиссой от машины и свободы. Шаги сзади замедлились, преследователи догнали нас. Господи! Чтобы вернуть нас, послали почти дюжину стражей. Я просто глазам своим не верила. Сама королева не путешествует с таким эскортом.

Охваченная паникой, я действовала инстинктивно. Отпихнула Лиссу себе за спину, защищая от того, кто, по-видимому, был у них лидером.

— Оставь ее в покое! — прорычала я. — Не прикасайся к ней!

Понять что-либо по его выражению лица не представлялось возможным, но он вскинул руки, по-видимому стараясь успокоить меня, словно я какое-то бешеное животное.

— Я и не собираюсь...

Он сделал шаг вперед... и оказался слишком близко.

Я напала на него в том атакующем стиле, к которому не прибегала уже два года, с тех пор как мы с Лиссой сбежали. Это было глупо — еще одна инстинктивная реакция, порожденная страхом. И бесполезно. Он оказался опытным стражем, не каким-нибудь новичком, кое-как прошедшем обучение. И он, в отличие от меня, не испытывал слабости на грани

обморока. И боже, он был быстр. Я и забыла, насколько быстры стражи, как они могут двигаться и наносить удар, точно кобры. Он отмахнулся от меня словно от мухи, заставив отлететь назад. Не думаю, что в его планы входило нанести мне настолько сильный удар — скорее всего, он просто хотел не подпустить меня к себе, — но в данный момент с координацией у меня прослеживались явные проблемы. Не в силах удержаться на ногах, я начала падать на тротуар. Это могло закончиться плохо. Очень плохо. Но не закончилось.

Так же быстро, как он блокировал мое нападение, человек схватил меня за руку и не дал упасть. Заняв устойчивую позицию, я заметила, что он разглядывает меня — или, точнее, мою шею. Все еще дезориентированная, я не сразу врубилась, в чем дело. Потом медленно подняла свободную руку и коснулась оставленной Лиссой ранки. На пальцах блестела темная кровь. В замешательстве я тряхнула волосами, чтобы они упали по сторонам лица; густые и длинные, они полностью прикрыли шею. Именно по этой причине я их и отращивала.

Темные глаза парня на мгновение задержались на том месте, где под волосами скрывался укус, а потом встретились с моими. Я ответила ему вызывающим взглядом и выдернула руку. Он отпустил меня, хотя, не сомневаюсь, мог бы удерживать хоть всю ночь, если бы пожелал. Сражаясь с тошнотой и головокружением, я снова отступила к Лиссе, готовясь к новой атаке. Внезапно она скжала мою руку и негромко обратилась ко мне:

— Роза, не надо.

Поначалу ее слова не подействовали на меня, но постепенно сознание начало успокаиваться — под воздействием нашей с ней связи. Это не было принуждением в прямом смысле слова — она не стала бы прибегать к нему, имея дело со мной, — но свой эффект оказало, как и осознание того факта, что нас безнадежно превосходят числом и умением. Даже я поняла, что бороться бессмысленно. Напряжение оставило меня, тело обмякло.

Почувствовав, что я смирилась, человек сделал шаг вперед и переключил внимание на Лиссу. Отвесил ей поклон и сумел сделать это даже с некоторым изяществом при его-то росте. Это удивило меня.

— Меня зовут Дмитрий Беликов, — сказал он с еле заметным русским акцентом. — Я здесь, чтобы доставить вас обратно в Академию Святого Владимира, принцесса.

ДВА

Несмотря на всю мою ненависть, должна признать — Дмитрий Беликак-его-там оказался очень сообразителен. После того как нас отвезли в аэропорт и посадили на частный самолет Академии, ему хватило одного взгляда на то, как мы перешептываемся, чтобы приказать разделить нас.

— Не позволяй им разговаривать друг с другом, — предостерег он стражу, который вел меня к самолету. — Пять минут вместе, и они разработают план бегства.

Я бросила на него надменный взгляд — несмотря на тот факт, что мы действительно планировали сбежать.

Обстоятельства явно складывались не в нашу пользу. Когда мы оказались в воздухе, шансы сбежать сократились практически до нуля. Даже если предположить, что произойдет чудо и я сумею избавиться от всех десяти стражей, оставалось неясным, как покинуть самолет. На борту наверняка имелись парашюты, но, даже сумей я управиться с ними, маленькая проблема выживания не поддавалась разрешению, поскольку мы, скорее всего, приземлились бы где-то в Скалистых горах.

Нет, если мы и сможем покинуть самолет, то лишь когда он сядет в лесной глуши Монтаны. Но и тогда будет над чем поразмысльить — к примеру, как пройти мимо магической охраны Академии и вдесятеро большего числа стражей. Подумаешь! Никаких проблем.

Хотя Лисса сидела впереди с этим русским парнем, ее страх накатывал на меня, пульсировал в мозгу. Беспокойство за нее смешивалось с собственной яростью. Они не могут вернуть ее туда, нет, только не в Академию. Интересно, заколебался бы Дмитрий, если бы чувствовал то, что я, и знал то, что я? Скорее всего, нет. Это не его заботы.

Как бы то ни было, эмоции Лиссы были настолько сильны, что в какой-то момент возникло странное ощущение, будто я сижу в ее кресле... даже в ее теле. Такое случалось иногда — без всякого предупреждения она втаскивала меня в свою голову. Фигура Дмитрия возвышалась рядом со мной, и моя рука — ее рука — сжимала бутылку с водой. Он наклонился вперед, чтобы взять что-то, и стали видны шесть крошечных, вытатуированных на задней стороне его шеи символов: знаки молнии. Они выглядели, как две зазубренные, перекрещающиеся молнии, образующие букву Х. По одной за каждого убитого им стригоя.

Над ними тянулась извилистая линия, похожая на змею, —

обозначение стража. Многообещающий знак.

Я с усилием выскользнула из сознания Лиссы и вернулась в свою голову. Терпеть не могу, когда это происходит. Чувствовать эмоции Лиссы — это одно, но оказываться внутри ее было нечто, презираемое нами обеими. Она воспринимала это как вторжение в свою душу, поэтому обычно я не рассказывала ей, когда такое происходило. Однако ни мне, ни ей это не подчинялось. Просто еще один результат нашей связи — связи, суть которой ни одна из нас не понимала полностью. Существуют легенды о психической связи между стражами и их мороями, но там ни о чем таком не упоминалось. Мыправлялись с этим как могли.

Ближе к концу полета Дмитрий отправился туда, где сидела я, и поменялся местами с моим стражем. Я демонстративно отвернулась, рассеянно глядя в иллюминатор.

Некоторое время длилось молчание. В конце концов он заговорил:

— Ты что, в самом деле собираешься напасть на всех нас?

Я не отвечала.

— Этот поступок... то, как ты ее защищала... очень храбро с твоей стороны. — Он помолчал. — Глупо, но храбро. Почему ты так поступила?

Я отвела волосы от лица, чтобы иметь возможность посмотреть прямо ему в глаза.

— Потому что я ее страж.

И снова отвернулась к окну.

Молча посидев еще некоторое время, он встал и вернулся на прежнее место.

Когда мы приземлились, стражи не оставили нам выбора: пришлось ехать с ними в Академию. Автомобиль остановился у ворот, и водитель заговорил с караульными. Те удостоверились, что мы не стригой, собирающиеся устроить тут смертоносный кутеж. Спустя минуту нам позволили подъехать к зданию самой Академии. Солнце садилось — это было начало вампирского дня — и кампус окутывали тени.

На первый взгляд Академия не изменилась — все такая же, в готическом стиле. Морои — большие приверженцы традиций, не склонные к переменам. Эта школа не так стара, как другие в Европе, но построена в том же духе. Здания отличала сложная архитектура, почти в церковном стиле — с высокими шпилями и каменной резьбой. Пожив в кампусе обычного колледжа, я могла сказать, что Академия больше напоминает университет, чем среднюю школу.

Мы находились во втором кампусе, с разделением на младшие и старшие классы. Каждое отделение имело большой четырехугольный

внутренний двор с каменными дорожками и огромными столетними деревьями. Нас повели во двор старших классов. На одной его стороне располагались учебные здания, а на противоположной — жилой корпус для дампиров и гимнастический зал. С двух других сторон двор замыкали жилой корпус мороев и, напротив него, административное здание, служившее также начальной школой. Жили младшие ученики в главном кампусе, дальше к западу.

Вокруг кампусов сохранялось свободное пространство... свободное пространство без конца и края. В конце концов, мы находились в Монтане, на расстоянии многих миль от городов. Воздух казался прохладным и пах сосновыми, влагой, гниющими листвами. По периметру Академию окружали густые, заросшие леса, а днем в отдалении можно было разглядеть горы.

Когда мы входили в основное здание старших классов, я вырвалась от своего стража и подбежала к Дмитрию.

— Эй, товарищ!

Он продолжал идти, не глядя на меня.

— Хочешь поговорить?

— Вы ведете нас к Кировой?

— К директрисе Кировой, — поправил он меня.

Лисса, идущая рядом с ним, бросила на меня взгляд, говорящий: «Не затевай ничего».

— Директриса. Ну конечно. Все та же самодовольная старая су...

Я не договорила, стражи ввели нас внутрь — и прямо в столовую. Я вздохнула. Они что, и впрямь так жестоки? Добраться до офиса Кировой можно дюжиной способов, но нет, они повели нас через столовую. И как раз время завтрака.

Новички-стражи — дампиры вроде меня — и морои сидели вместе, ели и общались, с энтузиазмом обсуждая очередную сплетню, в данный момент владевшую вниманием Академии. Когда мы вошли, громкий гул голосов мгновенно смолк — словно кто-то повернул выключатель. Сотни глаз обратились на нас.

Я с ленивой усмешкой смотрела на своих бывших одноклассников, пытаясь почувствовать, изменилось тут что-либо или нет. Ничего. Все, казалось, осталось как было. Камилла Конта по-прежнему выглядела такой же чопорной, безукоризненно ухоженной сукой, как мне помнилось. Она сама себя назначила лидером королевской моройской академической клики. Наталья, застенчивая родственница Лиссы, сидела в стороне, глядя на нас широко распахнутыми глазами, такая же невинная и наивная, как прежде.

А на другом конце комнаты... ну, это уже интересно. Аарон. Бедный,

бедный Аарон, чье сердце, без сомнения, было разбито, когда Лисса исчезла. Он выглядел таким же привлекательным, как прежде, — может, сейчас даже краше — с теми же светлыми глазами, которые так хорошо дополняли ее зеленые глаза. Он не отрывал взгляда от Лиссы. Да. Грустно на самом деле, поскольку она никогда не была по-настоящему увлечена им. Думаю, она встречалась с ним просто потому, что такое поведение вроде бы от нее ожидалось.

Однако самым интересным мне показалось то, что Аарон, по-видимому, неплохо проводил время и без нее. Рядом с ним, держа его за руку, сидела моройская девочка, на вид лет одиннадцати, но на самом деле наверняка старше, если только за время нашего отсутствия он не стал педофилом. С пухлыми щечками и светлыми кудряшками, она напоминала фарфоровую куколку. Пышущую злобой фарфоровую куколку. Стискивая его руку, она сверлила Лиссу взглядом, полным такой жгучей ненависти, что я была потрясена. В чем тут дело, черт побери? Я понятия не имела, кто она такая. Просто ревнивая подружка, скорее всего. Я и сама разозлилась бы, если бы мой парень смотрел на кого-то такими глазами.

Наконец наша тропа позора закончилась, однако следующее место назначения — офис директрисы Кировой — было ничуть не лучше. Старая ведьма выглядела в точности так, как мне помнилось, — с острым носом и седыми лохмами. Высокая и худая, как большинство мороев, она всегда напоминала мне грифа. Я хорошо знала ее, потому что провела в ее офисе немало времени.

Когда нас с Лиссой усадили, большинство стражей вышли, и я в меньшей степени почувствовала себя пленницей. Остались лишь Альберта, капитан стражей школы, и Дмитрий. Они заняли позиции у стены, с видом стойческим и вселяющим ужас — в точности как требовала их должностная инструкция.

Кирова вперила в нас сердитый взгляд и открыла рот, без сомнения собираясь разразиться очередной нотацией главной суки. Но не сказала ни слова — ее остановил низкий, мягкий голос:

— Василиса.

Я испуганно вздрогнула, осознав, что в комнате находился кто-то еще, кого я не заметила. Очень беспечно со стороны стража, пусть даже новичка. С величайшим усилием с кресла в углу поднялся Виктор Дашков. Принц Виктор Дашков. Лисса вскочила, бросилась к нему, обхватила руками хилое тело.

— Дядя... — прошептала она, крепко обнимая его.

Казалось, она вот-вот расплачется. Еле заметно улыбаясь, он мягко

похлопал ее по спине.

— Ты не представляешь, как я рад, что ты в безопасности, Василиса. — Он посмотрел на меня. — И ты тоже, Роза.

Я кивнула в ответ, пытаясь скрыть свое потрясение. Он был болен еще тогда, когда мы сбежали, но это... это выглядело ужасно. Он был отцом Натальи, всего около сорока, но казался вдвое старше. Бледный. Иссохший. Руки трясутся. Сердце разрывалось смотреть на него. В мире столько ужасных людей, и это казалось страшно несправедливым — что именно он заполучил болезнь, которая угрожала убить его в расцвете сил и помешала стать королем.

Хотя формально Виктор не приходился ей дядей — морои очень вольно обращаются с терминами родственных связей, — он был близким другом семьи Лиссы и всячески старался помочь ей после гибели родителей. Мне он нравился — первый человек, которого я была рада здесь видеть.

Кирова дала ему еще несколько мгновений, а потом непреклонно вернула Лиссу на ее место.

Итак, настало время лекции.

Эта оказалась неплохой — одной из лучших, что о многом говорит, поскольку Кирова была в этом деле мастером. Клянусь, лишь по этой причине она пошла в школьную администрацию, поскольку я не заметила ни единого доказательства того, что она любит детей. Напыщенные тирады затрагивали обычные темы: пренебрежение обязанностями, безответственное поведение, эгоцентризм... ля-ля-ля. Я мгновенно отключилась и принялась обдумывать варианты бегства через окно ее офиса. Ну, спустя какое-то время пришлось очнуться — когда тирада оказалась обращена непосредственно ко мне.

— Вы, мисс Хэзевей, нарушили наше самое торжественное обещание: обещание стража защищать мороя. Это величайшее доверие. Доверие, которое вы попрали, из эгоизма увезя принцессу отсюда. Стригои спят и видят, как бы покончить с Драгомирами, и вы едва не предоставили им такую возможность.

— Роза не похищала меня, — заговорила Лисса, опередив меня. Лицо и голос ее были спокойны, несмотря на владевшее ею чувство тревоги. — Я сама хотела уйти. Не вините ее.

Госпожа Кирова цыкнула на нас обеих, сцепила руки за худой спиной и принялась расхаживать по офису.

— Мисс Драгомир, насколько я вас знаю, вы вполне могли задумать весь план, но тем не менее ее обязанность — обеспечить, чтобы вы не

могли осуществить его. Долг ее состоит в том, чтобы вовремя сообщить кому следует. Если бы она выполнила свой долг, вы оставались бы в безопасности.

— Я выполнила свой долг! — взорвалась я и вскочила. Дмитрий и Альберта вздрогнули, но не останавливали меня, поскольку я не предпринимала попытку ударить кого-нибудь. Пока. — Я обеспечивала ее безопасность! Я обеспечивала ее безопасность, когда никто из вас, — я сделала широкий жест по комнате, — не мог сделать этого. Я увезла ее, чтобы защитить. Сделала то, что должна была сделать. В отличие от вас.

Благодаря нашей связи я чувствовала, как Лисса пытается меня успокоить, побуждая не позволять гневу взять власть надо мной. Слишком поздно.

Кирова сердито смотрела на меня, явно в недоумении.

— Мисс Хэзевей, простите, но я невижу логики в том, почему увезти ее из надежно охраняемого, магически защищенного места означает защитить ее. Может, вы чего-то недоговариваете?

Я прикусила губу.

— Понятно. Ну, тогда... По моему мнению, единственной причиной вашего бегства — если не считать тяги к новизне — было стремление уклониться от последствий того ужасного, деструктивного фокуса, который вы выкинули перед своим исчезновением.

— Нет, это не...

— И это лишь облегчает мне принятие решения. Как морой, принцесса должна оставаться здесь, в Академии, ради собственной безопасности, однако перед вами у нас таких обязательств нет. Вы будете исключены и высланы отсюда. Как можно быстрее.

Вся моя дерзость мгновенно испарилась.

— Я... что?

Рядом со мной встала Лисса.

— Вы не можете так поступить. Она мой страж.

— Нет, она не ваш страж. В особенности поскольку она вообще не страж. Она еще новичок.

— Но мои родители...

— Я знаю, чего хотели ваши родители, Бог да упокоит их души. Но сейчас обстоятельства изменились. Для мисс Хэзевей все кончено. Она не заслуживает того, чтобы быть стражем, и поэтому уедет.

Я смотрела на Кирову, не веря своим ушам.

— И куда вы собираетесь отослать меня? К матери в Непал? Разве она хотя бы заметила, что я исчезла? Или, может, вы отшлете меня к отцу?

Это последнее слово ударило ее, заставив сощуриться. Когда я снова заговорила, мой голос звучал так холодно, что я сама едва узнала его.

— Или, может, вы собираетесь вышвырнуть меня отсюда, чтобы я стала «кровавой шлюхой»? Только попробуйте, и к концу этого дня нас обеих тут не будет.

— Мисс Хэзевей, — прошипела она, — вы переходите границу.

— Они связаны.

Низкий, с заметным акцентом голос Дмитрия разрушил накопившееся в воздухе напряжение, и мы все повернулись к нему. Думаю, Кирова забыла о его присутствии, но я нет. Слишком мощным было это присутствие, чтобы не замечать его. Он все еще стоял у стены и в этом своем нелепом длинном плаще сильно смахивал на ковбоя. Он смотрел на меня, не на Лиссу, его темные глаза буквально пронзали меня насквозь.

— Роза знает, что чувствует Василиса. Ведь так?

Захваченная врасплох Кирова — хоть какое-то удовлетворение видеть это — переводила взгляд с нас на Дмитрия.

— Нет... Это невозможно. Такого не случалось на протяжении столетий.

— Это очевидно, — сказал он. — Начав наблюдать за ними, я сразу же заподозрил это.

Ни Лисса, ни я не отвечали, я избегала его взгляда.

— Это дар, — пробормотал из своего угла Виктор. — Редкий, удивительный дар.

— Лучшие стражи всегда имели такого рода связь, — добавил Дмитрий. — Согласно историческим хроникам.

Кирова снова разъярилась.

— Эти хроники описывают то, что происходило столетия назад, — взорвалась она. — Не думаете же вы, что мы оставим ее в Академии после всего, что она натворила?

Дмитрий пожал плечами.

— Может, она необузданная и грубоватая, но ее потенциал...

— Необузданная и грубоватая? — прервала его я. — А вы кто, в таком случае, черт побери? Помощник, привлеченный со стороны?

— Страж Беликов теперь страж принцессы, — отрезала Кирова. — Ее утвержденный страж.

— Какой-то дешевый иностранец будет защищать Лиссу?

Это было жалкое высказывание — в особенности поскольку большинство мороев и их стражи имели русское или румынское происхождение, — но в тот момент оноказалось умнее, чем было на самом

деле. И если уж на то пошло, не мне так говорить. Может, я и выросла в США, но мои родители были иностранцами. Мать, тоже дампир, родом из Шотландии — рыжеволосая, с нелепым акцентом, — а отец, как мне сообщили, турок. Эта генетическая комбинация придала моей коже оттенок миндаля, а чертам лица сходство — так мне, по крайней мере, казалось — с экзотической принцессой пустынь: большие черные глаза и волосы темного коричневого цвета, казавшиеся почти черными. Я была бы не против унаследовать рыжие волосы, но мы имеем то, что имеем.

Кирова возмущенно вскинула руки и вперила в Дмитрия взгляд.

— Видите? Совершенно недисциплинированная особа! Никакие психические связи, никакой самый редкий потенциал в мире не могут компенсировать этого. Недисциплинированный страж хуже, чем никакого стража.

— Так научите ее дисциплиниированности. Занятия только начались. Пусть учится и тренируется вместе со всеми.

— Невозможно. Она безнадежно отстала от своих сверстников.

— Ничего не отстала, — возразила я, но никто меня не слушал.

— Пусть тренируется дополнительно, — сказал Дмитрий.

Они продолжали в том же духе, их беседа выглядела как игра в пинг-понг. Моя гордость все еще была оскорблена тем, с какой легкостью Дмитрий выследил нас, но одновременно до меня дошло, что он в состоянии помочь мне остаться здесь, с Лиссой. Лучше быть в этой дыре, чем где угодно без Лиссы.

— И кто же возьмется тренировать ее дополнительно? — спросила Кирова. — Вы?

Дмитрий, видимо, не ожидал такого поворота.

— Ну, не обязательно я...

Кирова с удовлетворенным видом скрестила на груди руки.

— Так я и думала.

Оказавшись в затруднительном положении, он нахмурился, перебегая взглядом с меня на Лиссу и обратно. Интересно, кого он видел? Двух жалких девушек, смотрящих на него большими умоляющими глазами? Или двух беглянок, умудрившихся вырваться из хорошо охраняемой школы и промотавших половину наследства Лиссы?

— Да, — заявил он в конце концов. — Я готов стать наставником Розы. Буду дополнительно тренировать ее.

— И что теперь? — резко возразила Кирова. — Она так и останется безнаказанной?

— Найдите другой способ наказать ее, — ответил Дмитрий. —

Численность стражей слишком быстро уменьшается, чтобы потерять еще одного. В особенности девушку.

То, что стояло за этими словами, заставило меня содрогнуться, напомнив о моих собственных недавних словах о «кровавой шлюхе». Теперь немногие девушки-дампиры становятся стражами.

Внезапно из своего угла заговорил Виктор:

— Я склонен присоединиться к мнению стража Беликова. Отослать Розу — это позор, растрата дара.

Госпожа Кирова перевела взгляд на окно. Снаружи черным-черно. Учитывая ночной режим Академии, утро и день были тут понятиями относительными. Ну и еще здесь тонировали окна, чтобы преградить доступ свету.

Когда она снова повернулась, Лисса поймала ее взгляд.

— Пожалуйста, госпожа Кирова. Пусть Роза останется.

«Ох. Лисса! — подумала я. — Будь осторожна».

Использовать принуждение применительно к другому морою очень опасно — в особенности при свидетелях. Однако Лисса прибегла к нему совсем чуть-чуть, и нам просто необходима была любая доступная помощь. По счастью, никто, похоже, не понял, что произошло.

Я даже не уверена, что именно принуждение сыграло свою роль, но в конце концов Кирова вздохнула.

— Если мисс Хэзевей остается, то на следующих условиях. — Она повернулась ко мне. — Можете продолжить обучение в Академии Святого Владимира, но исключительно на условиях испытательного срока. Перешагнете черту еще раз, и вас здесь не будет. Вы получите все требующееся для новичка вашего возраста обучение. Кроме того, все свое свободное время вы будете тренироваться под руководством стража Беликова — и до и после занятий. Любые другие общественные контакты вам запрещены, и, за исключением времени приема пищи, вы будете оставаться в своей комнате. Нарушите хоть что-либо из вышеперечисленного — и будете... отосланы.

Я издала хриплый смешок.

— Запрещены общественные контакты? Вы хотите разделить нас? — Я кивнула на Лиссу. — Боитесь, что мы снова убежим?

— Просто принимаю меры предосторожности. Вы, без сомнения, помните, что так и не были должным образом наказаны за уничтожение школьного имущества. Придется немало потрудиться, чтобы компенсировать ущерб. — Она поджала тонкие губы. — Вам сделано великодушное предложение. Полагаю, с вашей стороны было бы неразумно

ставить его под угрозу.

Я открыла рот, чтобы сказать — ничего великодушного тут нет вообще, но потом поймала взгляд Дмитрия. Не знаю точно, что этот темный взгляд выражал. Может, он хотел сказать, что верит в меня, а может, что только идиотка будет продолжать бессмысленную борьбу с Кировой.

Отвернувшись от него во второй раз за эту встречу, я уставилась в пол, ощущая присутствие Лиссы рядом и ее поддержку, вливающуюся в меня благодаря нашей связи. Наконец я энергично выдохнула и снова посмотрела на директрису.

— Хорошо. Я принимаю ваше предложение.

ТРИ

Отослать нас после этой встречи прямо в класс казалось пределом жестокости, но именно так Кирова и поступила. Лиссу увеличили, и я провожала ее взглядом, радуясь тому, что наша связь позволит мне быть в курсе того, как она настроена.

Сначала меня отправили к одному из консультантов. Это был очень старый морой, я знала его еще до побега. По правде говоря, просто не верилось, что он по-прежнему здесь. Старики, он должен был уже или уйти в отставку, или умереть.

Этот визит занял всего пять минут. Ни словом не упомянув о моем возвращении, он задал несколько вопросов касательно занятий, которые я посещала в Чикаго и Портленде. Сравнил полученные ответы с записями в моем старом личном деле и торопливо нацарапал новое расписание. Я с угрюмым видом взяла у него бумажку и отправилась на свои первые занятия.

- 1-й урок: Современные боевые технические приемы стражи.
- 2-й урок: Теория личной охраны и защиты 3.
- 3-й урок: Физические упражнения.
- 4-й урок: Основной язык (новички). Ланч.
- 5-й урок: Поведение и физиология животных.
- 6-й урок: Математика.
- 7-й урок: Моройская культура 4.
- 8-й урок: Славянское искусство.

Ух! Я и забыла, какой длинный в Академии учебный день. В течение первой его половины новички и морои занимались отдельно, и, значит, я увижу Лиссу только после ланча — если потом у нас окажутся общие уроки. В основном это были стандартные для старших классов дисциплины, значит, мои шансы преуспеть в них очень даже неплохи. Славянское искусство, видимо, что-то вроде факультатива, на который никто не хочет записываться. Есть надежда, что по этой причине они сунут туда и Лиссу.

На первый урок в гимнастическом зале для стражей меня отвели Дмитрий и Альберта, при этом оба как бы не замечали меня. Идя позади них, я разглядывала коротко, на эльфийский манер остриженные волосы

Альберты, оставляющие открытыми знак принадлежности к стражам и молнии. Многие женщины-стражи так делали. Сейчас это для меня было неактуально, поскольку никаких татуировок на шее пока не имелось, но не хотелось бы когда-нибудь стричь волосы так коротко.

Альберта и Дмитрий не разговаривали, шагали себе и шагали, как будто это был самый обычный день. Однако, когда мы пришли, реакция моих одноклассников расставила все акценты. У них как раз проходила разминка, когда мы вошли в гимнастический зал, и, в точности как в столовой, все взгляды обратились на меня. Не знаю, кем я себя почувствовала — рок-звездой или цирковым уродцем.

Ладно. Если мне придется застрять тут на какое-то время, я должна показывать, что не боюсь их. Когда-то мы с Лиссой пользовались в школе уважением, и пора напомнить об этом. Скользя взглядом по лицам уставившихся на меня с раскрытыми ртами новичков, я выискивала знакомое лицо. В основном здесь были парни. Один попался мне на глаза, и я едва сдержала усмешку.

— Эй, Мейсон, выбери слюни! Если хочешь представлять меня обнаженной, занимайся этим в свое время.

Кто-то фыркнул, кто-то захихикал, разрушив тягостное молчание, а Мейсон Эшфорд вышел из остоянения и одарил меня кривой улыбкой. С торчащими рыжими волосами и редкими веснушками, он выглядел симпатичным парнем, хотя и не слишкомексапильным. Один из самых забавных парней, которых я знала. В прежние времена мы были хорошими друзьями.

— Это и есть мое время, Хэзевей. Сегодняшнее занятие веду я.

— Правда? Ха! Ну, значит, сейчас самое время представлять меня обнаженной.

— Всегда самое время представлять тебя обнаженной, — вставил кто-то, еще больше разрядив напряжение.

Эдди Кастиль. Еще один друг.

Дмитрий покачал головой и вышел, бормоча по-русски что-то явно неодобрительное. Что касается меня... ну, я снова стала одним из новичков. Это были спокойные ребята, гораздо менее озабоченные родословной и политикой, чем ученики-морои.

Класс обступил меня, я смеялась и всматривалась в почти забытые лица. Все интересовались, где мы были, — по-видимому, я и Лисса стали легендой. Конечно, я не могла рассказать, почему мы сбежали, и ограничилась насмешками и намеками типа «вам бы не понравилось это узнать», что срабатывало ничуть не хуже.

Счастливое воссоединение продолжалось еще несколько минут, после чего надзирающий за тренировкой взрослый страж прервал его, выбравив Мейсона за то, что тот пренебрегает своими обязанностями. Все еще ухмыляясь, Мейсон принял раздавать приказы, объясняя, с каких упражнений начинать. Я с тревогой поняла, что большинство из них мне незнакомы.

— Пошли, Хэзевей. — Он взял меня за руку. — Будешь моим партнером. Давай посмотрим, что ты делала все это время.

Час спустя он получил ответ.

— Совсем не практиковалась, ха?

— Ох! — застонала я, не в силах даже говорить нормально.

Он протянул руку и помог подняться с мата, куда только что свалил меня... раз так пятьдесят.

— Ненавижу тебя.

Я потерла то место на бедре, где завтра, без сомнения, пропустит страшный синяк.

— Если бы я сдерживал себя, ты ненавидела бы меня еще больше.

— Это правда, — согласилась я, пошатываясь. Ученики в это время клали на место оборудование.

— На самом деле ты все делала здорово.

— Что? На самом деле я отбила себе всю задницу.

— Ну конечно это так. Но ведь прошло два года, и, эй, ты все еще держишься на ногах. Это чего-нибудь да стоит.

Он насмешливо улыбнулся.

— Я уже говорила, что ненавижу тебя?

Он одарил меня еще одной улыбкой, но она быстро увяла, сменившись серьезным выражением лица.

— Не пойми меня неправильно... В смысле, ты, конечно, девушка боевая, но выдержать весенние испытания ни при каком раскладе не сможешь...

— У меня будут дополнительные тренировки, — сказала я.

Впрочем, какое это имело значение? Я рассчитывала, что мы с Лиссой уберемся отсюда до того, как эти занятия станут для меня реальной проблемой.

— Я сумею подготовиться.

— Дополнительные тренировки с кем?

— С этим высоким парнем. С Дмитрием.

Мейсон уставился на меня.

— Ты будешь дополнительно заниматься с Беликовым?

— Да, ну и что?

— А то, что этот человек — бог.

— Может, это немного чересчур? — спросила я.

— Нет, я серьезно. В смысле, обычно он такой спокойный и даже замкнутый, но в схватках... Класс! Если ты думаешь, что натерпелась сейчас, то после занятий с ним будешь просто покойницей.

Прекрасно. Все лучше и лучше.

Я ткнула его локтем и пошла на второй урок. Здесь рассматривались основные положения того, что значит быть телохранителем, — дисциплина, обязательная для всех старших классов. На самом деле она значилась третьей в серии, с которой начался выпускной год. Следовательно, и здесь я оказалась отстающей, хотя надеялась, что защита Лиссы в реальном мире кое-чему меня научила.

Нашим инструктором был Стэн Альто, за спиной мы называли его просто Стэн, а в официальной обстановке страж Альто. Немного старше Дмитрия, но почти такой же высокий, он всегда выглядел жутко раздраженным. Сегодня это впечатление усилилось — когда он вошел в классную комнату и узрел меня. Распахнув глаза в притворном удивлении, он описал круг по комнате и остановился около моего стола.

— Что это? Никто не предупредил меня, что сегодня у нас приглашенный лектор. Роза Хэзевей. Какая честь! Как великодушно с твоей стороны выкроить в своем насыщенном расписании время и поделиться с нами своими знаниями.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки, но невероятным усилием воли сдержалась и не послала его к черту. Выражение моего лица, однако, сказали ему о многом, потому что его ухмылка стала еще шире. Он жестом дал мне понять, чтобы я встала.

— Ну, давай, давай! Не сиди на месте. Выходи вперед и помоги мне прочесть классу лекцию.

Я вжалась в кресло.

— Вы же на самом деле не имеете в виду...

Высокомерная усмешка исчезла.

— Я имею в виду в точности то, что сказал, Хэзевей. Встань перед классом.

В комнате воцарилась плотная тишина. Стэн был инструктором, которого все боялись, и большинство учеников из страха пока не решались рассмеяться при виде моего позора. Отказываясь сломаться, я решительно вышла вперед и повернулась лицом к классу. Вперила в учеников дерзкий взгляд и откинула назад волосы, заработав несколько сочувственных

улыбок на лицах своих друзей. Потом я заметила, что моя аудитория больше, чем я ожидала. Несколько стражей — в том числе и Дмитрий — стояли в задней части комнаты. За пределами Академии стражи сосредоточиваются на защите «один на один». Здесь же им приходится защищать гораздо больше людей, да еще и обучать новичков. Поэтому никто из них не «пас» постоянно одного конкретного человека, они работали посменно, охраняя школу как целое и надзирая за уроками.

— Итак, Хэзевей, — жизнерадостно продолжал Стэн, расхаживая туда-сюда перед классом, — просвети нас насчет твоих приемов защиты.

— Моих... приемов?

— Конечно. Поскольку, надо полагать, у тебя был какой-то план, недоступный нашему пониманию, когда ты увозила из Академии несовершеннолетнюю морскую принцессу, подвергая ее, таким образом, постоянной опасности со стороны стригоев.

Еще одна лекция а-ля Кирова, с той лишь разницей, что сейчас свидетелей больше.

— Мы не сталкивались ни с одним стригоем, — заявила я.

— Очевидно. — Он усмехнулся. — Учитывая, что вы еще живы.

Мне хотелось закричать, что, может, я одолела бы любого стригоя, но после того избиения, которое имело место на прошлом уроке, я начала подозревать, что не пережила бы нападения даже Мейсона, не говоря уж о реальном стригофе.

Не дождавшись ответа, Стэн снова принял расхаживать перед классом.

— Так что ты делала? Как ты обеспечивала ее безопасность? Вы старались не выходить из дома по вечерам?

— Временами.

Это была правда — в особенности поначалу. Потом, когда прошли месяцы без каких бы то ни было нападений, мы немного расслабились.

— Временами, — повторил он писклявым голосом, отчего мой ответ прозвучал ужасно глупо. — Видимо, ты спала днем, а ночью караулила?

— Ну... нет.

— Нет? Но это же первое, что упоминается в главе об охране в одиночку. Ах, прошу прощения, ты не знаешь этого, потому что не была здесь.

Я проглотила ругательства.

— Я наблюдала за местностью всякий раз, когда мы выходили, — ответила я, чувствуя острое желание защититься.

— Правда? Ну, хоть что-то. Ты использовала «Метод наблюдения

стражей» Карнеги или «Круговой обзор»?

Я не отвечала.

— Ну да. Полагаю, ты использовала метод Хэзевей «Оглядывайся по сторонам, когда вспомнишь об этом».

— Нет! — сердито воскликнула я. — Это неправда. Я охраняла ее. Она все еще жива, не так ли?

Он подошел и наклонился к моему лицу.

— Потому что тебе повезло.

— Стригои вовсе не прячутся там за каждым углом, — выпалила я. — Все не совсем так, как нас учили. Там безопаснее, чем вы пытались нам внушить.

— Безопаснее? Безопаснее? У нас война со стригоями! — взорвался он. Я чувствовала запах кофе в его дыхании, так он был близко. — Один из них мог запросто подойти прямо к тебе и перерезать твою хорошенькую шею прежде, чем ты хотя бы заметила его, — и даже не вспотел бы. Может, ты сильнее и быстрее мороя и человека. Но по сравнению со стригоем ты ничто, ничто! Они смертельно опасны и невероятно сильны. И тебе известно, что делает их такими сильными?

Нет, я не позволю этому болвану заставить меня расплакаться. Отвернувшись от него, я попыталась переключиться на что-нибудь другое. Мой взгляд остановился на Дмитрии и остальных стражах. Они с каменными лицами смотрели, как меня унижают.

— Морская кровь, — прошептала я.

— Что? — спросил Стэн. — Не слышу.

Я резко повернулась к нему.

— Морская кровь! Морская кровь делает их сильнее.

Он кивнул с удовлетворенным видом и отступил на несколько шагов.

— Да. Именно она. Она делает их сильнее и толкает к новым убийствам. Они убивают и пьют кровь людей и дампиров, но больше всего жаждут морской крови. Рыщут в поисках ее. Они перешли на сторону тьмы, чтобы получить бессмертие, и готовы на все, лишь бы сохранить его. Отчаянный стригой может напасть на мороя даже на людях. Группы стригоев совершают набеги на такие академии, как эта. Есть стригои, которые живут тысячи лет. Источником жизни для них являются целые поколения мороев. Их почти невозможно убить. Именно поэтому численность мороев сокращается. Они недостаточно сильны — даже при наличии стражей, — чтобы защитить себя. Некоторые морои не видят смысла в сопротивлении и по собственному выбору становятся стригоями. И когда морои исчезнут...

— … тогда исчезнут и дампиры, — закончила я.

— Ну, похоже, кое-что ты все-таки знаешь. — Он слизнул с губ слону. — Теперь предстоит выяснить, способна ли ты усвоить этот курс и получить право на практические испытания в следующем семестре.

Ох! Оставшуюся часть этого ужасного урока я провела — на своем месте, к счастью, — проигрывая в сознании его последние слова. Практические испытания выпускного года — лучшая часть обучения новичков. Половину семестра нет никаких занятий. Вместо этого каждого из нас прикрепят к ученику-морою, чтобы ходить за ним по пятам и охранять. Взрослые стражи будут следить за нами и проверять, инсценируя нападения и другие угрозы. То, как новичок выдержит практические испытания, имеет почти такой же вес, как все его остальные оценки, вместе взятые. Результат может также повлиять на то, к какому морою новичок будет приставлен по окончании школы.

А я? Существует лишь один морой, который мне нужен.

* * *

Два урока спустя я в конце концов заработала право на ланч. Когда я ковыляла через кампус в столовую, сбоку пристроился Дмитрий. Ничего особенно божественного я в нем не заметила — если не считать того, что он божественно хорошо выглядел.

— Полагаю, вы видели, что произошло в классе Стэна? — спросила я, не озабочиваясь формальностями.

— Да.

— Вам не кажется, что это было нечестно?

— В смысле, прав ли он? По-твоему, ты действительно подготовлена в достаточной степени, чтобы защищать Василису?

— Я сохранила ей жизнь, — потупив взор, промямлила я.

— Типа, как ты сражалась сегодня со своими одноклассниками?

Подлый вопрос. Я не отвечала, понимая, что это и не требуется. После урока Стэна у меня была еще одна тренировка; не сомневаюсь, Дмитрий видел, что я снова оказалась не на высоте.

— Если ты не можешь одолеть их…

— Да знаю я, знаю! — воскликнула я.

Он замедлил шаг, приоравливаясь ко мне.

— Ты сильная и быстрая по природе. Просто тебе нужно много тренироваться. Вы занимались каким-нибудь спортом, пока были в бегах?

— Конечно. Время от времени.

— Но ни в какую спортивную команду не входили?

— Слишком большая нагрузка. Если бы я хотела много практиковаться, то просто осталась бы здесь.

Он бросил на меня сердитый взгляд.

— Ты никогда не сможешь по-настоящему защищать принцессу, если не отточишь свои навыки. Всегда будешь терпеть неудачу.

— Я смогу защищать ее, — сердито бросила я.

— Ты ведь знаешь — нет никаких гарантий, что тебе поручат ее, даже если ты успешно пройдешь практические испытания и закончишь школу. — Негромкий голос Дмитрия звучал холодно. Да, в наставнике, которого ко мне приставили, не было и тени теплоты и сердечности. — Никто не хочет, чтобы ваша связь пропала впустую, — но никто не собирается приставлять к ней не отвечающего всем требованиям стража. Если хочешь быть с нею, придется заработать такое право. У тебя есть занятия. У тебя есть я. Используй нас или нет, как пожелаешь. Ты — идеальный выбор в качестве стража для Василисы после того, как вы обе закончите обучение, — если сумеешь доказать, что достойна этого. Надеюсь, так и будет.

— Лисса, называйте ее Лисса, — поправила его я.

Терпеть не могу ее полное имя, предпочитаю американизированное уменьшительное.

Он молча зашагал прочь, и внезапно вся задиристость из меня испарилась куда-то.

Как бы то ни было, я потратила на него большую часть своего свободного времени. Большинство учеников уже были в столовой, желая как можно дольше продлить время общения. Я и сама почти добралась туда, когда голос откуда-то около двери окликнул меня:

— Роза?

Глянув в направлении голоса, я заметила Виктора Дашкова. Он стоял, прислонившись к пальме рядом со зданием, на его добродушном лице играла улыбка. Два его стражи стояли чуть поодаль, на почтительном расстоянии.

— Мистер Да... простите, ваше высочество. Привет.

Хорошо, что я вовремя спохватилась, все эти моройские королевские титулы выскочили у меня из головы. Находясь среди людей, я их не употребляла. Морои избирают своих правителей среди членов двенадцати королевских фамилий. Самый старший в семье получает титул принца или принцессы. Лисса тоже принцесса, потому что осталась единственной

представительницей своей семьи.

— Как прошел твой первый день? — спросил он.

— Он еще не закончился. — Надо было как-то поддержать разговор, и я спросила: — Вы здесь с визитом?

— Уеду сегодня, вот только повидаюсь с Натальей. Услышав, что Василиса и ты вернулись, я просто зашел посмотреть на вас.

Я кивнула, понятия не имея, о чем еще говорить. Он был, скорее, друг Лиссы, не мой.

— Я хотел сказать тебе... — неуверенно продолжал он. — Я понимаю важность того, что ты сделала, но вряд ли то же можно сказать о директрисе Кировой. Все это время ты заботилась о безопасности Василисы. Это впечатляет.

— Ну, нельзя сказать, что я одолела стригоя или кого-то в этом роде.

— Но кое-кого ты одолела, правда?

— Конечно, Однажды Академия послала пси-ищеек.

— Поразительно.

— А-а, ерунда. Ускользнуть от них очень даже легко.

Он рассмеялся.

— Прежде я охотился с ними. Они достаточно сильны и умны, поэтому ускользнуть от них вовсе не так уж легко.

Это правда. Пси-ищейки — один из многих типов магических созданий, которые бродят по миру. Люди об их существовании даже не догадываются и не подозревают, что видели именно их. Эти ищейки бродят стаями и способны некоторым образом, мысленно, общаться между собой, что делает их особенно опасными, — к тому же они очень похожи на волков-мутантов.

— А еще с кем-нибудь ты сталкивалась?

— Всякая мелочь то тут, то там.

— Поразительно, — повторил он.

— Повезло, наверно. Оказывается, я не так уж сильна как страж.

Я говорила прямо как Стэн.

— Ты умная девочка. Ты нагонишь. И еще эта ваша связь.

Я отвернулась. Моя способность чувствовать Лиссу так долго былатайной, и теперь казалось неестественным, что другие знают о ней.

— История полна рассказов о стражах, которые могли чувствовать, когда их подопечным угрожала опасность, — продолжал Виктор. — Я сделал это своим хобби, как и некоторые другие древние методы. Я слышал, оттуда можно почерпнуть много ценного.

— Надо полагать.

«Ну и скучное хобби», — подумала я, представив себе, как он сидит в какой-то промозглой, затянутой паутиной библиотеке и изучает доисторические хроники.

Виктор наклонил голову с выражением любопытства на лице. У Кировой и остальных сделался такой же вид, когда стало известно о нашей связи, — точно мы какие-то лабораторные крысы.

— На что это похоже... если позволишь спросить?

— Ну... Не знаю. Просто я всегда ощущаю, что она чувствует. Как правило, только эмоции. Мы не можем обмениваться сообщениями или чем-то вроде этого.

Я не стала упоминать о том, что иногда проскальзываю в ее голову. Это даже мне было трудно понять.

— А в обратную сторону это не работает? Она не чувствует тебя?

Я покачала головой.

Его лицо сияло от изумления.

— Как это произошло?

— Не знаю. — Я по-прежнему смотрела в сторону. — Просто началось два года назад.

Он нахмурился.

— Примерно во время той аварии?

Мгновение поколебавшись, я кивнула. Меньше всего мне хотелось обсуждать ту аварию, уж будьте уверены. С меня хватало тяжелых воспоминаний Лиссы, чтобы примешивать к ним еще и свои. Искореженный металл. Ощущение жара, потом холода, потом снова жара. Лисса пронзительно кричит надо мной, кричит, чтобы я очнулась, кричит своим родителям и брату, чтобы они очнулись. Только я откликнулась на ее призыв. И врачи говорили, что это само по себе чудо. Говорили, что я не должна была уцелеть.

По-видимому почувствовав мой дискомфорт, Виктор оставил эту тему и вернулся к прежним восторгам.

— Мне все еще с трудом верится в это. Такого не происходило уже множество лет. Если бы это случалось чаще... только подумай, как оно могло бы повлиять на безопасность всех мороев. Если бы и другие могли так чувствовать. Нужно провести новые исследования и посмотреть, не удастся ли воспроизвести подобное качество в других.

— Да.

Я, конечно, очень хорошо относилась к Виктору, но меня все больше разбирало нетерпение. Наталья обожала поболтать, и теперь было ясно, от кого она унаследовала это качество. Ланч неумолимо заканчивался, и, хотя

после него занятия новичков и мороев проходили совместно, у нас с Лиссой останется мало времени на разговоры.

— Возможно, мы могли бы...

Он раскашлялся, его скрутил ужасный приступ, от которого все тело сотрясалось. Это заболевание, синдром Сандовского, сжирило легкие, и тело умирало. Я заметила выражение тревоги на лицах стражей, и один из них подошел к нам.

— Ваше высочество, — подчеркнуто вежливо сказал он, — вам нужно зайти внутрь. Здесь слишком холодно.

Виктор кивнул.

— Да, да. И конечно, Роза хочет есть. — Он перевел взгляд на меня. — Спасибо, что поговорила со мной. Не могу выразить, как много это значит для меня — что Василиса жива и здорова... и что ты помогла ей в этом. Я обещал ее отцу приглядывать за ней, если с ним что-нибудь случится, и чувствовал себя так, будто не сдержал обещания, когда вы скрылись.

Мне стало нехорошо, когда я представила себе, как он терзался чувством вины и беспокойства. До этого момента я вообще не задумывалась, какие чувства наше бегство могло вызвать в других людях. Мы попрощались, и я в конце концов вошла внутрь. И тут же ощущила тревогу Лиссы. Не обращая внимания на боль в ногах, я заторопилась в столовую.

И почти налетела на Лиссу.

А вот она меня не заметила, как и те, кто стоял рядом с ней: Аарон и эта его маленькая «куколка». Я остановилась, прислушалась и уловила окончание их разговора. Девица наклонилась к Лиссе, выглядевшей ужасно ошеломленной.

— Для меня это выглядит, словно с дешевой распродажи. Я полагала, бесценная Драгомир должна иметь высокие стандарты.

Фамилию «Драгомир» она произнесла с непередаваемым презрением.

Я схватила «куколку» за плечо и оттолкнула ее. Она оказалась такой легкой, что пролетела три фута и едва не упала.

— У нее очень высокие стандарты, — сказала я, — а иначе ты с ней не разговаривала бы.

ЧЕТЫРЕ

Слава богу, на этот раз мы были избавлены от внимания всех обедающих, но несколько проходивших мимо людей остановились, разглядывая нас.

— Что, черт побери, ты себе позволяешь? — воскликнула «куколка», гневно сверкая глазами.

С такого близкого расстояния я смогла лучше разглядеть ее. Она имела то же худощавое телосложение, что и большинство мороев, но была необычно низкоросла, благодаря чему и выглядела моложе. На ней красовалось вычурное фиолетовое платье, на фоне которого мой секонд-хенд выглядел бледной тенью, — однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это дешевка.

Я скрестила на груди руки.

— Заблудилась, малышка? Начальная школа в западном кампусе.

На ее щеках расцвели розовые пятна.

— Не смей больше прикасаться ко мне. Только тронь, и я тебя с грязью смешаю.

О господи, скажите, какое открытие! У меня на языке вертелась тысяча язвительных замечаний, и если я удержалась от них, то лишь потому, что Лисса энергично затряслась головой. Вместо этого я, так сказать, прибегла к грубой силе.

— А если ты посмеешь снова тянуть на кого-нибудь из нас, я разорву тебя пополам. Не веришь, спроси Донну Джерроу, что я сделала с ее рукой в девятом классе. Ты, наверно, была еще в пеленках, когда это произошло.

Инцидент с Донной относился к числу моментов, вспоминать которые всегда доставляет мне удовольствие. Вообще-то у меня и в мыслях не было ломать ей что-нибудь, когда я отталкивала ее к дереву. Тем не менее этот инцидент создал мне репутацию опасной особы — а самоуверенной меня и раньше считали. История приобрела легендарный оттенок, и мне нравится представлять, что ее до сих пор рассказывают по вечерам у костра. Судя по выражению лица «куколки», так оно и было.

Подошел один из патрульных, с подозрением взирая на нашу маленькую компанию. «Куколка» отступила, потянув Аарона за руку.

— Пошли.

— Эй, Аарон! — бодро окликнула я его, вспомнив, что он, как-никак, тоже здесь. — Рада была повидаться с тобой.

Он быстро кивнул мне и натянуто улыбнулся. Девица потащила его прочь. Все тот же старина Аарон! Может, он симпатичный, но уж никак не агрессивный.

— С тобой все в порядке? — спросила я Лиссу. Она кивнула. — Имеешь хоть какое-то представление, кто эта девица, которой я только что угрожала?

— Ни малейшего.

Я повела ее в сторону раздаточной, но она покачала головой.

— Пойдем поищем «кормильцев».

Странное чувство пронзило меня. Я так привыкла быть единственным источником крови для нее, что мысль о возвращении к нормальной моройской практике казалась противоестественной и даже почему-то беспокоила меня. А между тем — с чего бы? Ежедневное «кормление» — часть моройской жизни, то, чего я не могла предложить ей, пока мы жили самостоятельно. Это была неловкая для нас обеих ситуация, в дни «кормления» я чувствовала слабость, а она испытывала то же самое между ними. Мне следовало бы радоваться, что она возвращается к нормальному образу жизни.

Я заставила себя улыбнуться.

— Конечно.

Мы пошли в комнату для «кормления», смежную с кафетерием. Она была разделена на небольшие кабинки с целью обеспечения относительного уединения. На входе нас приветствовала темноволосая моройская женщина. Глядя вниз, на свой пюпитр, она принялась листать страницы. Найдя то, что требовалось, она сделала какие-то пометки и жестом пригласила Лиссу следовать за собой. На меня она бросила недоумевающий взгляд, но вслух ничего не сказала.

Она подвела нас к одной из кабинок, где, листая журнал, сидела полная женщина средних лет. При виде нас она улыбнулась. Глаза у нее были слегка остекленевшие, с мечтательным выражением — как у большинства «кормильцев». Скорее всего, она уже приблизилась к своей квоте на сегодняшний день — судя по тому, под каким кайфом была.

Ее улыбка стала шире, когда она узнала Лиссу.

— Рада вашему возвращению, принцесса.

Встретившая нас моройская дама ушла, а Лисса села в кресло рядом с женщиной. Я почувствовала в Лиссе ощущение дискомфорта, но немного не такое, как у меня. Для нее в этом тоже было нечто странное — в последний раз она «кормилась» так давно. У «кормилицы», однако, такого оправдания не было. Выражение страстного желания скользнуло по ее лицу

— как у наркомана перед получением очередной дозы.

На меня нахлынуло отвращение. Въевшийся инстинкт, который вырабатывался годами. «Кормильцы» — люди, по доброй воле соглашающиеся быть постоянным источником крови, люди с обочины человеческого общества, отказавшиеся от обычной человеческой жизни ради служения тайному миру мороев. О них хорошо заботились, обеспечивая все удобства, в которых они нуждались. Однако, по сути, они были наркоманами, пристрастившимися к морской слюне и кайфу, который давал каждый новый укус. Морои — и стражи — презирали эту зависимость, хотя без «кормильцев» не выжили бы, точнее, им пришлось бы брать жертву грубой силой.

Женщина склонила набок голову, открывая Лиссе доступ к своей шее. Ежедневные укусы в течение многих лет оставили на ее коже следы в виде шрамов. Я «кормила» Лиссу гораздо реже, потому и шея моя оставалась чиста; метки от ее укусов были заметны день-два, не больше.

Наклонившись, Лисса вонзила клыки в мягкую плоть «кормильцы». Та закрыла глаза, издавая негромкие звуки удовольствия. Я сглотнула, глядя, как Лисса пьет. Никакой крови я не видела, но легко могла вообразить ее. В груди нарастила волна эмоций: страстное желание и зависть. Я уставилась в пол и мысленно выбрила себя.

«Что с тобой? С какой стати ты скучаешь по этому? Ты делала это всего раз в день и то не всегда. У тебя просто не могло возникнуть привыкания. И слава богу!»

И все же я никуда не могла деться от воспоминаний о блаженстве и кайфе, дарованном укусом вампира.

Лисса закончила, мы вернулись в столовую и подошли к раздаточной. У нас осталось всего пятнадцать минут, поэтому я начала торопливо накладывать в тарелку картофель фри и что-то, смутно напоминающее кусочки курицы. Лисса взяла лишь йогурт. Морои нуждаются в еде, как дампиры и люди, но на деле после «кормления» аппетит у них неважный.

— Ну и как проходят уроки? — спросила я. Она пожала плечами. Сейчас ее лицо светилось красками и жизнью.

— Хорошо. Все разглядывают. Все. Многие спрашивают, где мы были. Перешептываются.

— У меня то же самое, — сказала я. Служительница отметила нас, и мы пошли к столам. Я искоса взглянула на Лиссу. — Это досаждает тебе?

— Нет... Все хорошо.

Эмоции, ощущаемые мной через нашу связь, противоречили сказанному. Зная, что я воспринимаю их, она постаралась сменить тему

разговора, протянув мне свое расписание уроков. Я просмотрела его.

1-й урок: Русский 2.

2-й урок: Американская колониальная литература.

3-й урок: Основы контроля над стихиями.

4-й урок: Древняя поэзия.

Ланч

5-й урок: Поведение и физиология животных.

6-й урок: Высшая математика.

7-й урок: Морская культура 4.

8-й урок: Славянское искусство.

— Занудство, — сказала я. — Будь ты математической тупицей вроде меня, у нас было бы одинаковое расписание во второй половине дня. Почему у тебя «основы контроля над стихиями»? Это же для второкурсников.

Она подняла на меня взгляд.

— Потому что старшие занимаются каждый по своей специализации.

После этого воцарилось молчание. Все морои владеют элементарной магией. Это одна из особенностей, отличающих живых вампиров от стригоев — мертвых вампиров. Владение магией у мороев — дар. Это часть их души и связи с миром.

Когда-то давно они использовали магию открыто, предотвращая стихийные бедствия и помогая в производстве еды и воды. Теперь в этом необходимости не было, но магия по-прежнему оставалась в их крови. Она жгла их, подталкивая к тому, чтобы тянуться к земле и овладевать своей силой. Академии вроде нашей существовали для того, чтобы помочь мороям контролировать магические способности и развивать их. Ученники также должны были изучать правила применения магии, существовавшие на протяжении столетий.

Все морои имели небольшие способности в каждой стихии. Достигнув примерно нашего возраста, они специализировались в одной из них, где добивались особых успехов: земля, вода, огонь или воздух. Не иметь специализации — все равно что не достигнуть половой зрелости.

И Лисса... Ну, Лисса пока не имела специализации.

— Этот курс по-прежнему преподает госпожа Кармак? Что она говорит?

— Она говорит, что волноваться не о чем. Она думает, со временем все придет.

— Ты... Ты рассказывала ей о...

Лисса покачала головой.

— Нет. Конечно нет.

Мы оставили эту тему, она относилась к тем, о которых мы много думали, но редко говорили. Наш разговор происходил по дороге к столу. Пока мы шли, нас провожали откровенно любопытствующие взгляды.

— Лисса! — послышался чей-то голос. Оглянувшись, мы увидели махающую рукой Наталью. Мы с Лиссой обменялись взглядами. Наталья была кузиной Лиссы в том смысле, в каком Виктор приходился ей дядей, но мы никогда много с ней не общались.

Лисса пожала плечами и двинулась в ее направлении.

— Почему бы и нет?

Я неохотно пошла следом. Наталья — девушка приятная, но в то же время одна из самых нудных, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. Большинству особ королевской крови в Академии доставляло удовольствие ощущать себя знаменитостью, однако Наталья никогда не принадлежала к этой когорте. Наивная простушка, она нисколько не интересовалась политикой Академии и не отличалась умом, чтобы как-то влиять на нее.

Друзья Натальи таращились на нас с любопытством, но молча — в отличие от нее. Она обняла нас. Как и у Лиссы, глаза у нее имели желтовато-зеленый оттенок нефрита, но волосы были угольно-черные, как у Виктора до болезни, от которой он полностью поседел.

— Вы вернулись! Я знала, знала, что так и будет! Все говорили, что вы сбежали навсегда, но я никогда не верила в это. Почему вы ушли? По этому поводу ходило столько слухов! — Наталья продолжала тарахтеть, а мы с Лиссой обменялись взглядами. — Камилла говорила, будто одна из вас забеременела и сбежала, чтобы сделать аборт, но я была уверена, что это неправда. Еще кто-то говорил, будто вы отправились к маме Розы, но мне показалось, что госпожа Кирова и папочка не были бы так расстроены, если бы вы там обнаружились. Знаешь, мы ведь могли бы жить с тобой в одной комнате! Я разговаривала с...

Она продолжала болтать так возбужденно, что ее клыки стали легко заметны. Я вежливо улыбалась, позволив отбиваться Лиссе, пока Наталья не задала рискованный вопрос:

— А как ты решала проблему крови, Лисса?

Все вопросительно смотрели на нас. Лисса замерла, но тут уж я вмешалась в разговор. Удивительно, с какой легкостью ложь срывалась с моих губ.

— О, проще простого. На свете множество людей, готовых охотно ее отдать.

— Правда? — спросил кто-то из друзей Натальи, широко распахнув глаза.

— Ага. Их можно найти, к примеру, на любой вечеринке. Они просто рвутся балдеть от чего угодно, а сами даже не помнят потом, что с ними произошло, потому что и без того хороши, — заявила я максимально уверенно, не вдаваясь в детали: слава богу, большинство из моих слушателей ничего в таких вещах не понимали. — Как я уже сказала, проще простого. Может, даже проще, чем с нашими «кормильцами».

Наталья поверила моему объяснению и тут же переключилась на другую тему. Лисса бросила на меня благодарный взгляд. Снова перестав прислушиваться к разговору, я вглядывалась в хорошо знакомые лица, пытаясь вычислить, кто с кем живет и кому в школе сейчас принадлежит власть. Мейсон, сидящий с компанией новичков, поймал мой взгляд, и я улыбнулась. Рядом с ним, смеясь над чем-то, расположилась группа королевских мороев. Аарон со своей блондинкой сидели тут же.

— Эй, Наталья! — прервала я ее на полуслове, чего она, по-моему, даже не заметила. — Кто такая новая подружка Аарона?

— Что? А-а. Мия Ринальди, — ответила она и добавила, заметив мой непонимающий взгляд; — Не помнишь ее?

— А что, должна помнить? Она была здесь, когда мы сбежали?

— Она всегда была здесь. Она лишь на год младше нас.

Я бросила вопросительный взгляд на Лиссу, но та лишь плечами пожала.

— С чего она так на нас окрысилась? — спросила я. — Мы с ней даже незнакомы.

— Не знаю, — ответила Наталья. — Может, она ревнует из-за Аарона. Когда вы пропали, ее никто и не замечал, но она очень быстро стала популярной. Она не королевской крови, но как только начала встречаться с Аароном...

— О'кей, спасибо, — оборвала ее я. — Это на самом деле не...

Тут мимо нашего стола прошел Джесси Зеклос, приковав к себе мой взгляд. Ах, Джесси! Я и забыла о нем. Мне нравилось флиртовать с Мейсоном и прочими новичками, однако Джесси относился совсем к иной категории. С другими парнями флиртуешь просто ради флирта, а вот флиртуя с Джесси, надеешься, что дело дойдет до раздевания. Он был королевский морой и очень, очень сексапильный парень. Ему следовало бы носить на груди знак: «Осторожно, огнеопасно!» Поймав мой взгляд, он

улыбнулся.

— Роза, рад твоему возвращению. По-прежнему разбиваешь сердца?

— Вызываешься добровольцем?

Его улыбка стала шире.

— Давай встретимся как-нибудь и узнаешь. Если тебя выпустят из заточения.

Он пошел дальше, а я восхищенно провожала его взглядом. Наталья и ее друзья благоговейно уставились на меня. Может, я и не бог в том смысле, как Дмитрий, но для этой компании мы с Лиссой были богами — или, по крайней мере, бывшими богами, — хотя и другой природы.

— Вот это да! — воскликнула какая-то девушка, имени которой я не помнила. — Это же Джесси.

— Ага, — ответила я. — Определенно он.

— Хотела бы я выглядеть как ты, — добавила она со вздохом.

Все взоры были прикованы ко мне. Фактически я наполовину морой, но выгляжу как человек. Я настолько не отличалась от людей, что, пока мы были в бегах, вообще не думала о своем внешнем виде. Здесь, среди худощавых морских девушек с их еле заметной грудью, некоторые черты моей внешности — большая грудь, ярко выраженные бедра — заметно выделялись. Я знала, что привлекательна, но для морских парней мое тело не просто привлекательно: оно сексуально в самом непристойном смысле этого слова. Завоевать расположение девушки-дампира — этого жаждали все морские парни.

Ирония состоит в том, что дампиры пользуются здесь огромным успехом, в то время как в человеческом мире гораздо более популярны морские девушки, сильно смахивающие на худощавые сверхмодные модели. Большинству человеческих женщин в жизни не достигнуть такой «идеальной» худобы, равно как и морским женщинам никогда не выглядеть как я. Все желают того, что им недоступно.

На наших общих занятиях второй половины дня мы с Лиссой сидели рядом, но разговаривали немного. Как она и сказала, нас повсюду преследовали взгляды, однако вскоре выяснилось, что чем больше я разговариваю с людьми, тем дружественнее они настраиваются. Медленно, но неуклонно они вспоминали, кто мы такие, и новизна — хотя и не интрига — нашего безумного трюка постепенно выцветала.

Хотя, может, правильнее сказать — они вспоминали, кто я такая, поскольку только я и разговаривала. Лисса смотрела прямо перед собой, слушала мои разговоры, но не вникала в них и не принимала участия. Я чувствовала, как она излучает печаль и беспокойство.

— Все хорошо, — сказала я ей, когда уроки наконец закончились. Мы стояли неподалеку от школы, и я прекрасно понимала, что тем самым уже нарушаю условия нашего соглашения с Кировой. — Мы не останемся здесь. Я найду способ выбраться отсюда.

— Думаешь, нам действительно удастся проделать это во второй раз? — спросила Лисса.

— Абсолютно уверена.

Как хорошо, что она не могла воспринимать мои чувства! Сбежать в первый раз — ой как сложно; сделать то же самое снова будет невероятно трудно. Впрочем, я и вправду верила, что найду способ.

— Ты ведь сможешь что-нибудь придумать, правда? — Она улыбнулась, больше себе, чем мне, как будто подумала о чем-то забавном. — Конечно сможешь. Просто... ну... — Она вздохнула. — Я все думаю: а нужно ли нам вообще бежать? Может... Может, лучше остаться.

Я удивленно уставилась на нее.

— Что?

Не слишком красноречивое высказывание, но ничего лучше мне в голову не пришло. Такого я от нее никак не ожидала.

— Я наблюдала за тобой, Роза. Наблюдала, как ты во время уроков разговаривала с другими новичками о тренировках. Ты соскучилась по всему этому.

— Оно того не стоит, — возразила я. — Нет, если... Нет, если ты...

Я не смогла закончить, но она была права. Я скучала по другим новичкам. Даже по некоторым мороям. Но мало того, весь день во мне нарастало ощущение ущербности, связанное с тем, как сильно я отсталла.

— Так будет лучше, — продолжала она. — Я не заметила... не почувствовала ни слежки, ни наблюдений за нами.

На это я не ответила ничего. До того как мы сбежали, она все время ощущала, будто кто-то следит за ней, преследует. Никаких реальных доказательств не имелось, но мне доводилось слышать, как одна из наших учительниц постоянно заводила разговор о чем-то подобном. Госпожа Карп, хорошенъкая морская женщина, с темно-рыжими волосами и высокими скулами. В те времена я была убеждена, что она просто ненормальная.

— Вы никогда не знаете, кто именно наблюдает, — говорила она, энергично расхаживая по классной комнате, после того как задерживала все шторы. — Или кто преследует вас. Лучше находиться в безопасном месте. Лучше всегда находиться в безопасном месте.

Мы тогда пересмеивались между собой — как ученики всегда ведут

себя по отношению к эксцентричным учителям или тем, кем овладевает паранойя. Мысль о том, что Лисса ведет себя как она, беспокоила меня.

— Что с тобой? — спросила Лисса, заметив, что я углубилась в свои мысли.

— А? Ничего. Просто задумалась. — Я вздохнула, пытаясь найти точку равновесия между собственным желанием и тем, что лучше для нее. — Лисс, думаю, мы можем остаться... но есть несколько условий.

Она рассмеялась.

— Ультиматум Розы?

— Я серьезно. — Как трудно выразить свои мысли словами! — Я хочу, чтобы ты держалась подальше от всех этих королевских особ. Не таких, как Наталья... То есть таких, конечно... но не таких. Ты понимаешь? От других. От сильных игроков. Камилла. Карли. Эта компания.

Ее веселость сменилась изумлением.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Тем более они никогда тебе не нравились.

— Зато тебе нравились.

— Нет. На самом деле нет. Мне нравилось то, что они могут предложить. Всякие там вечеринки и прочее в том же духе.

— И ты теперь можешь обходиться без этого? — скептически спросила она.

— Конечно. Мы же обходились без этого в Портленде.

— Да, но там все было иначе. — Ее взгляд заскользил по сторонам, ни на чем конкретно не останавливаясь. — Здесь... Здесь я должна принимать во всем этом участие. Не могу уклоняться.

— Черта с два! Наталья же вот держится в стороне.

— Наталье не предстоит унаследовать семейный титул, — возразила она. — А я уже получила его. Я должна быть в гуще событий, должна налаживать связи. Андрей...

— Лисс... — простонала я. — Ты не Андрей.

Просто не верилось, что она все еще ставит себя наравне с братом.

— Он всегда был вовлечен во все эти дела.

— Ну да, но теперь он мертв! — взорвалась я. Ее лицо окаменело.

— Знаешь, иногда ты бываешь не очень тактична.

— Я не для того рядом с тобой, чтобы быть тактичной. Хочешь тактичности? Пожалуйста! Здесь найдется не меньше дюжины баранов, которые перегрызут друг другу горло ради того, чтобы быть на дружеской ноге с принцессой Драгомир. Я рядом с тобой, чтобы говорить правду, и в данном случае она такова: Андрей мертв. Теперь ты наследница, и от этого

никуда не деться. И сейчас это означает, что надо держаться в стороне от других королевских особ. Нужно просто залечь на дно. Ни во что не ввязываться. Только впутайся снова во все это, Лисс, и ты доведешь себя до...

— Безумия? — закончила за меня она.

Теперь я отвела взгляд.

— Я не хотела...

— Все нормально, — сказала она спустя некоторое время, вздохнула и дотронулась до моей руки. — Прекрасно. Мы остаемся и будем держаться в стороне от всего этого. «Не будем ни во что ввязываться», как ты хочешь. И станем общаться с Натальей.

Если быть совсем честной, ничего подобного я не хотела. Я хотела ходить на королевские вечеринки и безудержные пьяные празднества — как прежде. Мы годами ни во что не вмешивались, пока не погибли родители и брат Лиссы. Ее семейный титул должен был унаследовать Андрей, и он соответственно вел себя. Красивый и общительный, он мог очаровать любого и был лидером всех королевских группировок и клубов, какие только существовали в кампусе. После его смерти Лисс почувствовала, что ее семейный долг — занять его место.

Пришлось и мне позволить втянуть себя в этот мир. Для меня это оказалось нетрудно, поскольку по-настоящему я не имела отношения к политике, — просто симпатичная девушка-дампир, от которой никто не ждет неприятностей и всяких безумных выходок. Я стала чем-то новеньkim, им нравилось, чтобы я была рядом просто ради забавы.

Лисса же столкнулась с абсолютно другими проблемами. Драгомиры являлись одной из двенадцати правящих семей. Она занимала в морийском сообществе очень влиятельное положение, и остальные особы королевских кровей всячески стремились завязать с ней добрые отношения. Ложные друзья сплетничали о ней и настраивали против других, стараясь втянуть в свой круг. Эти королевские особы могут одновременно и льстить, и плести закулисные интриги — и среди них такие типы встречаются на каждом шагу. С точки зрения дампиров и всех прочих, они абсолютно непредсказуемы.

Подобная беспощадная обстановка в конце концов повредила Лиссе. У нее открытая, добрая натура, которая так привлекает меня, и я просто трепетала от ненависти, наблюдая, как ее расстраивают и втягивают в королевские игры. Со временем аварии она стала гораздо более уязвима, и никакие вечеринки в мире не стоили того, чтобы видеть ее страдания.

— Ну ладно, — сказала я наконец. — Посмотрим, как все пойдет. Если

что-нибудь сложится не так — хоть что-нибудь, — мы сбежим. Без возражений.

Она кивнула.

— Роза?

Мы обе вскинули взгляд на возвышающуюся над нами фигуру Дмитрия. Я от всей души надеялась, что он не слышал моих последних слов.

— Ты опаздываешь на тренировку, — ровным тоном продолжал он и, повернувшись к Лиссе, вежливо поклонился ей. — Принцесса.

Пока мы с ним уходили, я беспокоилась о Лиссе и все время задавалась вопросом, правильно ли — оставаться здесь. Ничего тревожащего через нашу связь до меня не доходило, но эмоционально она была возбуждена. Смятение, ностальгия, страх, предвкушение — все это мощной волной нахлынуло на меня.

Я почувствовала притяжение еще до того, как все произошло, — в точности как тогда, в самолете. Ее эмоции, становясь все сильнее, буквально засасывали меня в ее голову, и я не могла противиться. Миг — и я видела и чувствовала все то, что и она.

Она медленно обходила здание столовой, направляясь к маленькой русской традиционной церкви, которая удовлетворяла практически все религиозные нужды школы. Лисса всегда регулярно посещала службу. Но не я. Мы с Богом заключили постоянно действующее соглашение: я верю в Него — едва-едва — до тех пор, пока Он позволяет мне отсыпаться по воскресеньям.

Но когда она вошла внутрь, я почувствовала, что она там не ради молитвы. У нее имелась другая, неизвестная мне цель. Оглянувшись по сторонам, она убедилась, что внутри нет ни священника, ни верующих. Церковь была пуста.

Прокользнув в дверь в задней части церкви, она начала подниматься по узкой скрипучей лестнице на чердак. Там было темно и пыльно. Свет проникал внутрь лишь сквозь большое окно с цветными стеклами, и слабый от свет начидающегося восхода рассыпался по полу крошечными разноцветными драгоценными камнями.

До нынешнего момента я понятия не имела, что комната постоянно служила Лиссе убежищем. Однако сейчас почувствовала это, почувствовала ее воспоминания, как она раньше убегала сюда, чтобы побывать в одиночестве и подумать. Как только она оказалась в знакомой обстановке, ее тревога начала убывать. Она забралась на сиденье у окна, прислонившись головой к его боку, и замерла, очарованная тишиной и

светом.

В отличие от стригоев, морои в состоянии выносить солнечный свет, но в определенных пределах. Сидя там, она могла вообразить, будто купается в солнечном свете, поскольку стекло защищало ее, дробя и ослабляя лучи.

«Дыши, просто дыши, — говорила она себе. — Все будет хорошо. Роза позаботится обо всем».

Она так страстно верила в это, что расслабилась еще больше.

Потом из темноты прозвучал негромкий голос:

— Вся Академия в твоем распоряжении, кроме этого сиденья у окна.

Она подскочила с бешено колотящимся сердцем. Ее тревога передалась и мне, пульс участился.

— Кто здесь?

Спустя мгновение из-за груды ящиков поднялась какая-то фигура, шагнула вперед, и в бледном свете материализовались знакомые черты. Спутанные черные волосы. Бледно-голубые глаза. Вечная сардоническая усмешка.

Кристиан Озера.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я не кусаюсь. Ну, по крайней мере, в том смысле, который тебя пугает.

Он рассмеялся собственной шутке. Лисса, однако, не нашла ее забавной. Она начисто забыла о Кристиане. Так же как и я.

Что бы ни происходило в нашем мире, некоторые основополагающие истины касательно вампиров никогда не меняются. Морои живые; стригои не-мертвые; морои смертны; стригои бессмертны. Морои появляются на свет путем рождения; стригои создаются.

И существует два способа создать стригоя. Один-единственный укус стригоя — и человек, дампир или вампир насильственно превращается в стригоя. Морои, искушаемые обещанием бессмертия, могут сознательно решить стать стригоями, если во время «кормления» убьют человека. Такое деяние считается безнравственным, извращенным — самым тяжким из всех грехов, противоречащим и моральным устоям мороев, и самой природе. Морои, вставшие на этот темный путь, теряют свою связь со стихийной магией и другими энергетическими началами мира. Вот почему они больше не могут выходить на солнце.

Именно так и случилось с родителями Кристиана. Они стригои.

ПЯТЬ

Или, точнее, они были стригоями. Подразделение стражей загнало и убило их. Если слухи соответствуют действительности, Кристиан, тогда еще совсем дитя, стал свидетелем этого. И хотя сам он не был стригоем, некоторые считают, что он недалеко ушел, учитывая его манеру одеваться в черное и держаться особняком.

Стригой он или нет, я не доверяла ему. Он псих, ничтожество, и я безмолвно закричала Лиссе, чтобы она убиралась оттуда, пусть от моего крика и не было никакого толку. Проклятая односторонняя связь!

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Любуюсь видами, конечно. Накрытое брезентом кресло очень уютно. Сверх того, тут имеется старый ящик с рукописями благословенного и безумного святого Владимира. И не стоит забывать о том прекрасном, хотя и безногом столе в углу.

— Одним словом, всякая ерунда.

Лисса закатила глаза и направилась к двери, но он преградил ей дорогу.

— Ну а как насчет тебя? — насмешливо спросил он. — Зачем ты здесь? Что, не предвидится никаких вечеринок и нет никого под рукой, чью жизнь можно было бы разрушить?

Прежний задор отчасти вернулся к Лиссе.

— Класс! Хочешь вывести меня из себя, чтобы доказать, какой ты крутой? Какая-то девица, которой я даже не знаю, наорала на меня сегодня, а теперь я должна иметь дело с тобой? Какую цену нужно заплатить, чтобы человека оставили в покое?

— А-а, вот почему ты здесь. Чтобы пожалеть себя.

— Это не шутка. Я серьезно.

Я почувствовала, что Лисса начинает сердиться, причем гораздо сильнее, чем прежде расстраивалась.

Он прислонился к наклонной стене.

— И я. Мне тоже нравится жалеть себя. На какую тему ты хотела бы похандрить сначала? Как у тебя уйдет целый день на то, чтобы снова стать популярной и любимой? Как придется ждать две недели, прежде чем от «Холлистера» доставят новые наряды? Если раскошелившись на быструю доставку, это, может, так надолго и не затянется.

— Оставь меня в покое! — сердито сказала она и на этот раз

оттолкнула его в сторону.

— Постой, — сказал он, когда она протянула руку к двери. Сарказм исчез из его голоса. — На что... мmm... На что это было похоже?

— Ты о чем? — взорвалась она.

— Быть не здесь. Не в Академии.

Она заколебалась на мгновение, сбитая с толку тем, что выглядело как попытка искренне поговорить.

— Это было замечательно. Никто не знал, кто я такая. Просто еще одно лицо. Не морой. Не королевская особа. Никто. — Она посмотрела в пол. — Все здесь воображают, будто знают, какая я.

— Да, от прошлого так легко не отделаешься, — с горечью сказал он.

Внезапно до Лиссы — и до меня, соответственно, — дошло, как трудно это может быть для Кристиана. Люди по большей части обращались с ним так, словно он вообще не существует. Словно он призрак. Не разговаривали с ним или о нем. Просто не замечали его. Позорное клеймо преступления родителей отбрасывало тень на всю семью Озера.

Тем не менее прежде ему удавалось вывести ее из себя, и теперь она не была склонна сочувствовать ему.

— Постой... теперь ты жалеешь себя?

Он рассмеялся, почти одобрительно.

— Вот уже год, как я предаюсь этому здесь.

— Извини, — фыркнула Лисса. — Я приходила сюда еще до того, как сбежала. У меня больше прав.

— Какие права могут быть у сквоттеров?^[3] Кроме того, я должен постоянно держаться как можно ближе к церкви, чтобы люди знали, что я не стал стригоем... пока.

И снова в его тоне прозвучала горечь.

— Раньше я всегда видела тебя на службе. Это единственная причина, почему ты ходишь в церковь?

Стригои не могут ступить на освященную землю. Еще одно следствие их тяжкого греха.

— Конечно, — ответил он. — А зачем еще туда ходить? Ради души, что ли?

— Не важно. — Лисса явно придерживалась другого мнения, но не хотела спорить. — Тогда я уйду и оставлю тебя в покое.

— Постой, — снова сказал он, казалось, ему не хочется, чтобы она уходила. — Давай заключим сделку. Можешь тоже приходить сюда, если расскажешь мне одну вещь.

— Что еще?

Она оглянулась на него через плечо. Он наклонился вперед.

— Среди всех этих разговоров, которые я слышал о тебе сегодня, — и, пожалуй, я слышал немало, даже если никто ничего непосредственно мне не рассказывал, — одна тема совсем не возникала. Они разбирали все остальное: почему ты ушла, что там делала, почему вернулась, история со специализацией, что Роза сказала Мие, ля-ля-ля. И при этом никто, ни один, ни разу не поставил под сомнение идиотский рассказ Розы о людях из низших слоев общества, которые якобы давали тебе свою кровь.

Она отвернулась, и я почувствовала, как щеки у нее вспыхнули.

— Тут нет ничего идиотского.

Он негромко рассмеялся.

— Я жил среди людей. Моя тетя и я держались особняком после того, как родители... умерли. Найти кровь совсем нелегко. — Она ничего не ответила, и он снова засмеялся. — Это Роза? Она «кормила» тебя.

Возродившийся страх пронзил и ее, и меня. Никто в школе не мог знать об этом. Кирова и присутствовавшие при нашем с ней разговоре стражи знали, но они, конечно, держат язык за зубами.

— Ну, если это не дружба, тогда уж и не знаю, какое слово употребить.

— Не рассказывай никому! — выпалила она.

Для нас это было совершенно необходимо. Как я уже говорила, у «кормильцев» развивается эффект привыкания к укусам вампиров. Мы принимали это как часть жизни, но все равно смотрели на них сверху вниз. Для любого другого — в особенности дампира — давать свою кровь морою считалось... ну, почти непристойным. Фактически это рассматривалось как сексуальное извращение, почти порнография — если дампир во время секса позволял морою пить свою кровь.

У нас с Лиссой, конечно, не было секса, но мы обе очень хорошо понимали, что будут думать все остальные, узнав, что я «кормила» ее.

— Не рассказывай никому, — повторила Лисса. Он сунул руки в карманы куртки и уселся на один из ящиков.

— Кто я такой, чтобы рассказывать? Слушай, иди, сядь снова на сиденье у окна. Можешь приходить сюда, когда пожелаешь. Если, конечно, не боишься меня.

Она заколебалась, вглядываясь в его лицо. Он выглядел мрачным и угрюмым, губы искривлены в усмешке типа «вот я какой, непокорный»; но слишком опасным он не выглядел. Не выглядел стригоем. Она с настороженным видом вернулась на сиденье, неосознанно потирая от холода руки. Кристиан заметил это, и спустя мгновение воздух в комнате заметно потепел. Лисса встретилась с ним взглядом и улыбнулась,

удивляясь тому, что никогда раньше не обращала внимания, какие у него льдисто-голубые глаза.

— Твоя специализация — огонь?

Он кивнул и поставил ровно сломанное кресло.

— Теперь у нас роскошное убежище.

Внезапно сцена перед моим внутренним взором померкла.

— Роза? Роза?

Мигая, я сфокусировала взгляд на лице Дмитрия. Он был совсем рядом, обхватил меня за плечи. Мы не шли, мы стояли посреди двора, окруженного зданиями старших классов.

— С тобой все в порядке?

— Я... Да. Я была... Я была с Лиссой. — Я приложила руку ко лбу, никогда у меня не было такого долгого и ясного опыта переживания этого ощущения. — Я была в ее голове.

— В ее... голове?

— Да. Это часть связи.

Как? Почему? Я и сама до конца не понимала этого.

— С ней все хорошо?

— Да, она...

Я заколебалась. Действительно ли с ней все хорошо? Кристиан Озера только что пригласил ее посидеть с ним. Ничего хорошего. Мы же собирались «ни во что не ввязываться», и потом, он, так или иначе, имеет отношение к темной стороне. Однако чувства, проникающие в меня через нашу связь, больше не несли в себе ни страха, ни огорчения. Она была почти довольна, только все еще немного нервничала.

— Ей не угрожает опасность, — закончила я, надеясь, что так оно и есть.

— Можешь идти дальше?

Несгибаемый воин-стоик внезапно исчез — сейчас он выглядел обеспокоенным. Искренне обеспокоенным. Когда я поняла это, взглянув ему в глаза, внутри все затрепетало — ужасная глупость, конечно, для которой не было никаких оснований, кроме того, что этот человек слишком уж хорош собой. В конце концов, если верить Мейсону, он — необщительный бог, перед которым поставлена задача всячески терзать меня.

— Да. Со мной все хорошо.

Я пошла в раздевалку гимнастического зала и переоделась в тренировочный костюм, который кто-то в конце концов удосужился дать мне, после того как я целый день тренировалась в джинсах и футболке.

Продолжающееся общение Лиссы с Кристианом беспокоило меня, но я отложила эти мысли на потом, чувствуя, как ноют мышцы, явно не жаждущие никакой новой нагрузки. Ну, я и сказала Дмитрию, что, может, на сегодня хватит? Он засмеялся, и, черт побери, никаких сомнений — смеялся он надо мной.

— Что тут такого забавного?

Его улыбка погасла.

— Ну, это прозвучало так серьезно.

— Еще бы! Я и говорю серьезно. Послушайте, я не спала двое суток. Почему нужно начинать прямо сейчас? Я хочу в постель. Хотя бы на часок.

Скрестив руки на груди, он разглядывал меня. Прежняя беспокоенность исчезла. Сейчас его волновало только дело. Долой всякие нежности.

— Как ты чувствуешь себя? После предыдущей тренировки?

— Все тело болит.

— А завтра утром ты будешь чувствовать себя еще хуже.

— Ну и что?

— А то, что лучше начать сейчас, пока тебе... не так уж плохо.

— Где тут логика, интересно? — взвилась я. Однако спорить перестала. Он повел меня в зал и показал грузы, которые я должна поднимать, после чего развалился в углу с растрепанной книжкой в руках.

Когда я закончила, он подошел ко мне и показал несколько упражнений на растягивание, долженствующих охладить разгоряченное тело.

— Как получилось, что вы стали стражем Лиссы? — спросила я. — Несколько лет назад вас здесь не было. Вы учились в этой школе?

Он немного задержался с ответом, как будто не хотел говорить о себе.

— Нет. Я посещал ту, что в Сибири.

— Ничего себе! Говорят, это единственное место хуже Монтаны.

Проблеск чего-то — может, улыбки? — мелькнул в его глазах, но он не поддержал шутки.

— Закончив школу, я был стражем лорда Зеклоса. Недавно его убили. — Улыбка Дмитрия увяла, лицо приобрело мрачное выражение. — Меня прислали сюда, потому что в здешнем кампусе не хватает стражей. Когда принцесса нашлась, меня назначили к ней, поскольку я имею опыт.

Меня заинтересовало кое-что в его словах. Какой-то стригой убил парня, к которому он был приставлен стражем.

— Этот лорд погиб, находясь под вашей охраной?

— Нет. Он был со своим вторым стражем. Я тогда отсутствовал.

Он замолчал, углубившись в свои мысли. Морои многоного ожидают от нас, но не осознают, что стражи — более или менее — всего лишь люди. Ну, стражи получают плату и имеют отпуска, как на любой другой работе. Некоторые истовые стражи, вроде моей мамы, отказываются от отпусков, поклявшись никогда не покидать своих мороев. Глядя на Дмитрия сейчас, я испытала чувство, что он, наверно, один из таких. Если он находился где-то в другом месте на законных основаниях, то с какой стати осуждать себя за случившееся с тем парнем? Тем не менее он, похоже, воспринимал печальное событие именно так. Впрочем, я тоже осуждала бы себя, случись что-нибудь с Лиссой.

Внезапно у меня возникло желание малость развеселить его.

— Вы участвовали в составлении плана нашего возвращения? Потому что это было здорово проделано. Грубая сила и все такое.

Он дугой выгнул бровь. Круто. Я всегда хотела освоить это искусство.

— Хочешь сделать мне комплимент?

— Ну, это было чертовски лучше, чем предыдущая попытка.

— Предыдущая?

— Да. В Чикаго. С целой стаей пси-гончих.

— Мы впервые нашли вас в Портленде.

Я села, скрестив ноги.

— Ну... Не думаю, что пси-гончие мне причудились. И кто мог послать их? Они слушаются только мороев. Может быть, никто не рассказывал вам об этом.

— Может быть, — согласился он, но по его лицу было видно, он не верит в это.

После я вернулась в спальный корпус новичков. Ученики-морои жили на другой стороне двора, ближе к столовой. Кто где живет, в большой степени объяснялось тем, как удобнее. Мы, новички, обитали рядом с гимнастическим залом и тренировочными площадками. Но жили отдельно от мороев еще и потому, что у нас разный образ жизни. В их спальнях почти нет окон, только совсем крошечные, тонированные, пропускающие тусклый свет. И у них есть специальное помещение, где всегда под рукой «кормильцы». Спальни новичков, естественно, построены таким образом, что в них проникает гораздо больше солнечного света.

У меня была отдельная комната, потому что новичков очень мало, тем более девушек. Комната, которую мне отвели, маленькая, чистая, с двухспальной кроватью и письменным столом с компьютером. Мои немногочисленные принадлежности, доставленные из Портленда, лежали в коробках по всей комнате. Я порылась в них и достала футболку, в которой

обычно спала. Нашла пару фотографий: одну я сделала, когда мы с Лиссой ходили на футбольный матч в Портленде; другую — когда я проводила каникулы с ее семьей, за год до аварии.

Я поставила их на письменный стол и загрузила компьютер. Кто-то из отдела технической поддержки любезно оставил мне листок с инструкциями для возобновления моего e-mail и ввода пароля. Я обрадовалась, что никому не пришло в голову, что таким образом я могу связываться с Лиссой. Я слишком устала и не хотела писать ей сейчас, и уже намеревалась выключить компьютер, когда заметила сообщение. От Джанни Хэзевей. Оно оказалось коротким:

«Рада, что ты вернулась. Ты поступила непростительно».

— Я тоже люблю тебя, мамочка, — пробормотала я и выключила компьютер.

Улегшись в постель, я отключилась, еще не успев коснуться подушки, и, в точности как предсказывал Дмитрий, почувствовала себя в десять раз хуже, когда проснулась на следующее утро. Лежа в постели, я снова задумалась над преимуществами побега. Потом вспомнила, как меня вчера отколошматали на тренировке, и решила: единственный способ избежать того же самого снова — вытерпеть то, что мне предстояло сегодня утром.

Все тело болело, и мне пришлось гораздо хуже, но я поупражнялась с Дмитрием до начала уроков, потом выдержала все тренировки на уроках — и уцелела, даже не потеряла сознание.

За ланчем я поскорее оттащила Лиссу от стола Натальи и прочла ей лекцию в духе Кировой по поводу Кристиана — в особенности отругала за то, что ему стало известно, как мы устраивались с «кормлением». Если это выйдет наружу, то в глазах общества нам конец, а я вовсе не была уверена, что он никому не расскажет.

Лиссу, однако, беспокоило совсем другое.

— Ты опять была в моей голове? — воскликнула она. — И как долго?

— Я же не нарочно, — возразила я. — Это случается само собой. И не в том суть. Как долго ты потом разговаривала с ним?

— Не очень долго. Это было... забавно.

— Ну, такого больше не должно происходить. Если станет известно, что ты с ним общаешься, все начнут насмеяться над тобой. — Я подозрительно взглядалась в ее лицо. — Ты, случайно, не запала на него?

Она фыркнула.

— Нет. Конечно нет.

— Хорошо. Потому что если тебе нужен парень, уведи снова Аарона.

Он скучный, да, прямо как Наталья, но безопасный. Почему все

безвредные люди такие зануды? Может, это входит в понятие безопасности.

Она засмеялась.

— Мия выщарапает мне глаза.

— Мы с ней справимся. Кроме того, он заслуживает девушки, которая одевается не в «Гэп кидс». [4]

— Роза, перестань говорить гадости.

— А что я такого сказала?

— Она всего на год младше нас, — сказала Лисса. — Просто не верится, что ты думаешь, будто из-за меня у нас могут быть неприятности.

Мы пошли в класс. Я улыбнулась, искоса глядя на нее.

— Что, Аарон уже недостаточно хорош?

Она улыбнулась в ответ, избегая моего взгляда.

— Почему? Достаточно.

— Видишь? Он-то тебе и нужен.

— Вовсе нет. Меня вполне устраивает, что мы с ним друзья.

— Друзья, которым все равно с кем дружить.

Она закатила глаза.

— Ладно. — Я перестала ее дразнить. — Пусть Аарон остается в детском саду. Важно, чтобы ты держалась подальше от Кристиана. Он опасен.

— Ты слишком остро реагируешь. Он не собирается стать стригоем.

— Он — дурное влияние.

Она засмеялась.

— Думаешь, мне угрожает стать стригоем?

Не дожидаясь ответа, она ринулась вперед и открыла дверь в классную комнату. Я слегка задержалась, проигрывая в уме ее слова, потом двинулась следом. И тут мне представился случай увидеть королевскую власть в действии, если можно так выразиться. Несколько парней — и хихикающих девиц, которые сами не принимали участия в развлечении, лишь поглядывали со стороны, — издевались над долговязым мороем. Я мало о нем знала — только то, что он беден и, уж конечно, не королевского рода. Двое из его мучителей, владеющие магией воздуха, сдували бумаги с его стола и заставляли их летать по комнате, а парень пытался поймать их.

Инстинкт подталкивал меня вмешаться, может, стукнуть одного из этих специалистов по воздуху. Но нельзя же затевать драку с каждым, кто раздражает, и, уж конечно, с целой кучей королевских особ — в особенности сейчас, когда Лиссе не следует привлекать к себе их внимание. Поэтому я просто бросила на них полный презрения взгляд и зашагала к своей парте. И тут кто-то схватил меня за руку. Джесси.

По счастью, он, похоже, не участвовал в издевательствах.

— Эй, руками не трогать!

Он одарил меня улыбкой, но руку не отпустил.

— Роза, расскажи Полю о том случае, когда ты затеяла сражение на уроке госпожи Карп.

Я игриво улыбнулась ему.

— Я много раз затевала сражения на ее уроках.

— Ну, то, с раком-отшельником и песчанкой.

Я рассмеялась, припоминая.

— А-а, да. Правда, по-моему, это был хомяк. Я просто кинула его в банку с крабом, и они оба так возбудились от близости ко мне, что набросились друг на друга.

Сидящий рядом Поль засмеялся. Я совсем не знала этого парня, наверно, его перевели сюда, пока нас не было, и он ничего не слышал об этой истории.

— И кто победил?

Я вопросительно посмотрела на Джесси.

— Не помню. А ты?

— Тоже. Помню лишь, что Карп жутко разволновалась. — Он повернулся к Полю. — Жаль, что ты не видел нашей чокнутой учительницы, которую приходилось тут терпеть. Она была убеждена, что ее преследуют, и все время разражалась по этому поводу бессмысленными речами. Совсем спятила. Бродила по кампусу, когда все спали.

Я натянуто улыбнулась — как если бы мне тоже все это представлялось забавным. На самом деле я снова задумалась о госпоже Карп — удивительное дело, второй раз за два дня. Джесси прав — она действительно часто бродила по кампусу. От этого просто бросало в дрожь. Я как-то наткнулась на нее — совершенно неожиданно.

Я тогда выбиралась из окна своей спальни, чтобы кое с кем встретиться. Это происходило уже после отбоя, когда нам полагалось быть в своих комнатах и крепко спать. Я частенько удирала подобным образом и здорово преуспела в этом.

Однако тогда я упала. Комната находилась на втором этаже, и я разжала руки, когда оставалось пролететь еще примерно половину пути. Земля стремительно надвигалась на меня, и я пыталась ухватиться за стену, чтобы замедлить падение. Грубый камень обдирал кожу, но в тот момент я этого не чувствовала. Рухнула лицом вниз на заросшую травой землю с такой силой, что на мгновение вышибло дух.

— Ты в плохой форме, Розмари. Твои инструкторы были бы

разочарованы.

Ухитившись взглянуть сквозь спутанные волосы, я увидела госпожу Карп. Она смотрела на меня сверху вниз, с выражением изумления на лице. Все тело у меня ныло от боли.

Стараясь не обращать на нее внимания, я встала. Одно дело — находиться на уроке Психованной Карп в окружении остальных учеников, и совсем другое — стоять во дворе один на один с ней. Глаза у нее всегда так неестественно, безумно сверкали, что у меня мурashki бежали по коже.

Существовала также высокая степень вероятности, что она потащит меня в офис Кировой разбираться. Вместо этого она просто улыбнулась и потянулась к моим рукам. Я вздрогнула, но не сопротивлялась. Она зацокала, увидев царапины. Сжав чуть посильнее мои руки, она слегка нахмурилась. Я ощутила покалывание на коже, сопровождающееся чем-то вроде приятного для уха жужжания, и... все мои царапины закрылись. Возникло, но очень быстро прошло головокружение. Меня бросило в жар. Кровь исчезла, как и боль в теле.

Потрясенно открыв рот, я отдернула руки. Мне не раз приходилось видеть моройскую магию в действии, но такого... Нет, никогда.

— Что... Что вы сделали?

Она снова улыбнулась мне этой своей загадочной улыбкой.

— Возвращайся к себе, Роза. Здесь, снаружи, происходят скверные вещи. Никогда не знаешь, кто преследует тебя.

Я по-прежнему таращилась на свои руки.

— Но...

Я подняла на нее взгляд и только тут заметила шрамы у нее на лбу, по обеим сторонам. Как будто процарапанные ногтями. Она подмигнула мне.

— Я не донесу на тебя, если ты никому не расскажешь обо мне...

Я резко вернулась в настоящее, встревоженная воспоминаниями о той странной ночи. Оказывается, Джесси говорил мне о вечеринке.

— Сорвись с поводка сегодня вечером. Около восьми тридцати мы встречаемся на том месте в лесу. Марк раздобыл «травку».

Я с тоской вздохнула; неплохо бы развеяться, а заодно избавиться от гнетущего чувства, возникшего при воспоминании о госпоже Карп.

— Ничего не получится. Я буду со своим русским тюремщиком.

Джесси отпустил мою руку и с разочарованным видом провел по своим бронзовым волосам. Да. Не иметь возможности встретиться с ним — чертовски досадно. Как-то надо будет все устроить.

— Может, тебя когда-нибудь все же отпустят за примерное поведение? — пошутил он.

Я одарила его чарующей — как хотелось надеяться — улыбкой и уселась на свое место.

— Конечно, — бросила я через плечо. — Если когда-нибудь стану хорошей девочкой.

ШЕСТЬ

Встреча Лиссы с Кристианом беспокоила меня, но она же подала мне на следующий день идею.

— Привет, Кирова... простите, госпожа Кирова.

Я стояла в дверном проеме ее офиса, не потрудившись записаться на прием. Она подняла взгляд от каких-то бумаг, с явным раздражением при виде меня.

— Да, мисс Хэзевей?

— Означает ли мой домашний арест, что я не могу посещать церковь?

— Прошу прощения?

— Вы сказали, что если я не в классе и не на тренировке, то должна сидеть в своей комнате. А как насчет церкви по воскресеньям? По-моему, это несправедливо — не позволять мне удовлетворять свои религиозные... мmm... нужды.

Или лишать меня еще одной возможности увидеться с Лиссой, не важно, в какой скучной обстановке и как ненадолго.

Она кончиком пальца сдвинула очки на переносицу.

— Вот не знала, что у вас есть религиозные нужды.

— Пока мы отсутствовали, я обрела Иисуса.

— Разве ваша мать не атеистка? — скептически спросила она.

— А отец, скорее всего, мусульманин. Но у меня своя дорога. Вы не должны мешать мне следовать ею.

Она издала что-то вроде сухого смешка.

— Нет, мисс Хэзевей. Не должна. Прекрасно. Можете посещать воскресную службу.

Эфемерная победа, конечно, поскольку в церкви, где я оказалась спустя несколько дней, царила такая же тоска, как и раньше. Хорошо хоть, удалось сесть рядом с Лиссой, что создало ощущение, будто я все-таки чего-то добилась. В основном я просто изучала людей. Посещение церкви для учеников необязательно, но при таком обилии восточноевропейских семей многие ученики — правоверные христиане, либо потому, что искренне верили, либо подчинялись воле родителей.

Кристиан сидел через проход от нас, делая вид, будто он такой благочестивый, как говорил. И хотя я сильно недолюбливала его, такая притворная вера заставила меня улыбнуться. Дмитрий сидел сзади, его лицо утопало в тени, как и я, он не причащался. Казалось, он глубоко ушел

в свои мысли, даже невольно возникал вопрос: а слышит ли он вообще службу? Лично я то включалась, то отключалась.

— Следовать путем Господа — дело нелегкое, — говорил священник. — Даже у святого Владимира, покровителя школы, бывали трудные времена. Он был так исполнен духа, что люди со всех сторон стекались к нему, желая послушать его или хотя бы побывать рядом. Согласно древним источникам, он мог даже исцелять больных. И все же, несмотря на все дарования, многие не уважали его, насмехались над ним, заявляли, будто он заблуждается и идет неверным путем.

Последнее в мягкой форме намекало на то, что его считали безумным. Это знали все. Он был одним из моройских святых, поэтому священник обожал говорить о нем. Я уже много раз слышала все это раньше. Просто замечательно. Похоже, меня ожидает бесконечная череда воскресений, когда придется снова и снова выслушивать одну и ту же историю.

— ... и то же самое относится к «поцелованной тьмой» Анне.

Я вскинула голову, понятия не имея, о чем говорит священник, поскольку какое-то время не слушала его. Однако эти слова врезались в память. «Поцелованная тьмой». Я уже давно не слышала их и тем не менее хорошо запомнила. Я подождала, надеясь на продолжение, однако священник перешел к следующей части службы. Проповедь закончилась. По окончании службы, когда Лисса собралась уходить, я кивнула ей.

— Подожди меня. Я скоро.

Я протолкалась сквозь толпу к священнику, которого обступили несколько человек, и терпеливо ждала, пока он закончит с ними разговор. Наталья тоже была здесь, спрашивала его, какую работу могут выполнять добровольцы. Тьфу! Получив ответ, она ушла, приветливо кивнув мне по дороге.

Увидев меня, священник вскинул бровь.

— Приветствую, Роза. Рад снова видеть тебя.

— Да... Я тоже. Я слышала, вы рассказывали об Анне. О том, что она была «поцелована тьмой». Что это означает?

Он нахмурился.

— Точно не знаю. Она жила очень, очень давно. Так часто делается — людям присваивают что-то вроде прозвища, отражающего некоторые их черты. Может, слова свидетельствуют о ее силе.

Я изо всех сил попыталась скрыть разочарование.

— А-а... И кто она была?

Он нахмурился еще сильнее, но уже с оттенком неодобрения.

— Я множество раз говорил об этом.

— Ах, ну, я, наверно, прослушала.

— Подожди минутку.

Он отвернулся, и даже спина его выражала неодобрение. Потом он исчез за дверью рядом с алтарем, той самой, через которую Лисса проникла на чердак.

Я подумала: «Может, сбежать? Нет. Вдруг Бог накажет меня?»

Меньше чем через минуту священник вернулся с книгой и протянул ее мне. «Моройские святые».

— Почитай о ней здесь. При следующей встрече хотелось бы послушать, что ты усвоила.

Я с хмурым видом направилась к выходу. Замечательно. Теперь еще священник будет давать мне домашние задания. Сразу за дверью Лисса разговаривала с Аароном. Она улыбалась и, судя по ее чувствам, испытывала радость, хотя и не влюбленность.

— Шутишь! — воскликнула она.

— Нет.

Она повернулась ко мне.

— Роза, ты в жизни этому не поверишь. Помнишь Эбби Бадику? И Ксантера? Их страж хочет уйти со службы и жениться на другом страже. Женщине, конечно.

Теперь это стало самой захватывающей новостью. Скандал, скандал.

— Серьезно? Они, типа, сбегут вместе?

Она кивнула.

— Они купили дом. Планируют работать с людьми, надо полагать.

Я взглянула на Аарона, который внезапно оробел передо мной.

— И как Эбби и Ксантер к этому относятся?

— Нормально. Растеряны. Считают, что это глупо. — Потом до него внезапно дошло, с кем он говорит. — Ох, я не хотел...

— Оставь. — Я натянуто улыбнулась. — Это действительно глупо.

Ничего себе! Я была потрясена. Мятежная часть моей души с восторгом воспринимала любой рассказ о людях, которые «борются с системой». Вот только в этом случае они боролись с моей системой, той, верить в которую меня учили всю жизнь.

Между дампирами и мороями заключено странное соглашение. Дампирьи первоначально появлялись на свет от браков мороев и людей. К несчастью, дампирьи не могут рожать детей, вступая в связь друг с другом — или с людьми. Вот такой генетический фокус. С мулами, я слышала, дело обстоит точно так же, хотя меня не слишком радует подобное сравнение. Вот дампирьи и морои могут иметь детей, и, благодаря еще

одному генетическому фокусу, их дети становятся образцовыми дампирами, имея половину вампирских, половину человеческих генов.

Поскольку морои единственные, с кем дампиры могут воспроизводить себя, мы должны оставаться рядом и смешиваться с ними. Равным образом для нас чрезвычайно важно, чтобы морои попросту выживали. Без них исчезнем и мы. Учитывая, как стригои охотятся на мороев, выживание последних стало нашей главной заботой.

Вот каким образом развилась система стражей. Дампиры не владеют магией, но из нашей среды вышло немало выдающихся воинов. Вампирские гены дали нам обостренные чувства и рефлексы; человеческие — силу и выносливость. К тому же мы не нуждаемся в подпитке кровью и не боимся солнечного света. Конечно, мы не так могущественны, как стригои, но много тренируемся и вырабатываем навыки, позволяющие обеспечивать безопасность мороев. Большинство дампиров готовы пожертвовать жизнью ради того, чтобы наш род не угас.

Поскольку морои обычно хотят сами рожать и растить морийских детей, романтические связи между мороями и дампирами, как правило, недолговечны. В особенности морийские женщины редко связываются с парнями-дампирами. А вот молодые морийские мужчины совсем не против романов с женщинами-дампирами, хотя женятся обычно на морийских женщинах. В результате среди дампиров существует много матерей-одиночек, но мы достаточно сильны, чтобы справиться с этим.

Однако многие дампиры-матери не становятся стражами, предпочитая растить собственных детей. Иногда они живут общинами и нередко работают на мороев или людей. У подобных общин плохая репутация. Не знаю, в какой степени это правда, но ходят слухи, что морои-мужчины постоянно посещают их ради секса и некоторые женщины-дампиры позволяют им в процессе любви пить свою кровь. Их-то и называют «кровавыми шлюхами».

Как бы то ни было, большинство стражей — мужчины, а значит, мороев гораздо больше, чем стражей. Большинство парней-дампиров смиряются с тем, что у них не будет детей. Они знают: их задача — защищать мороев, пока их сестры и прочие родственницы растят детей.

Некоторые женщины-дампиры, вроде моей матери, считают своим долгом становиться стражами — даже если это означает, что они не смогут растить собственных детей. После того как я появилась на свет, она сдала меня мороям. Морои и дампиры начинают учиться в раннем возрасте, и к тому времени, когда мне исполнилось четыре, Академия, по существу, заменила мне родителей.

Ее пример и жизнь в Академии выработали во мне искреннюю веру в то, что дело дампира защищать мороя. Это часть наших традиций и единственный для нас способ существования. Вот так просто.

Именно поэтому поступок стража Бадики произвел шокирующее впечатление. Он покинул своего мороя и сбежал с женщиной-стражем, которая, соответственно, покинула подопечного мороя. У них даже не может быть детей, и к тому же две семьи окажутся не защищены. Какой в этом смысл? Никого не волнует, если подросток-дампир флиртует или взрослый дампир пускается в загул. Но долговременные отношения? В особенности если их составной частью является бегство? Полное расточительство. И позор.

Поболтав еще немного о страже Бадики, мы с Лиссой рас прощались с Аароном. Выйдя наружу, я услышала странный скользящий звук, но слишком поздно сообразила, что происходит, — груда мокрого снега сползла с крыши церкви и упала прямо на нас. Стояло начало октября, и этой ночью выпал ранний снег, почти сразу же начавший таять. В результате мы намокли и дрожали от холода.

В основном досталось Лиссе, но и я взвизгнула, когда на волосы и шею пролилась холодная вода. Рядом вскрикнули и другие, задетые краем этой мини-лавины.

— Как ты? — спросила я Лиссу.

Ее пальто намокло, платинового цвета волосы свисали по сторонам лица.

— Х-х-хорошо, — ответила она, стуча зубами. Я сняла пальто и протянула ей. Ткань была скользкая и плохо впитывала влагу.

— Снимай свое.

— Но ты останешься...

— Бери.

Она послушалась, и тут на меня наконец напал смех, как правило сопутствующий таким ситуациям. Ставяясь избегать взгляда Лиссы, я стояла с ее пальто в руках, пока она одевалась.

— Что же это ты без пальто ходишь, Роза? — сказал Ральф Саркози, необычно грузный, пухлый морой; я его терпеть не могла. — Твоя рубашка совсем промокла.

— Эту безобразную рубашку давно следовало бы сжечь. Она досталась тебе от какой-то бездомной бродяжки?

Мия. Она подошла и обвела руками Аарона. Ее светлые кудри были идеально уложены, на ногах — потрясающие черные туфли на высоких каблуках, которые на мне смотрелись бы несравненно лучше. Но нужно

признать, они, по крайней мере, делали ее выше. Аарон шел в нескольких шагах позади нас, однако чудесным образом сползшая с крыши слякоть его не задела. Судя по самодовольному выражению лица Мии, сам собой напрашивался вывод, что никакого чуда тут не было.

— Хочешь предложить свои услуги, чтобы сжечь ее? — спросила я, не показывая виду, как сильно ее оскорблении задевают меня. За последние два года я несколько утратила чувство моды и прекрасно сознавала это. — Ох, постой... ведь огонь не твоя стихия. Ты работаешь с водой. Какое совпадение — что куча мокрой грязи только что свалилась на нас.

На физиономии Мии возникло оскорбленное выражение, однако погасить радостное сияние глаз она была не в состоянии. Вряд ли ее можно счесть просто невинным свидетелем.

— И что это означает?

— Лично для меня — ничего. Но вот госпожа Кирова, скорее всего, найдет что сказать, когда выяснится, что ты воспользовалась магией с целью навредить другому ученику.

— Это не нападение, — усмехнулась она. — И не моих рук дело. Просто перст Божий.

Кто-то засмеялся, к ее удовольствию. Я вообразила, что отвечаю ей: «И это тоже», после чего шмякаю о стену церкви. В реальной жизни Лисса подтолкнула меня локтем и сказала:

— Пошли.

Мы зашагали в сторону наших спальных корпусов. Позади раздавались шутки и смех по поводу того, как сильно мы намокли и что Лисса до сих пор не определилась со своей специализацией. Внутри у меня все кипело. Нужно разобраться с Мией, это ясно. Мало того что меня буквально трясло от ее стервозности, главное, Лиссе вовсе ни к чему добавочный стресс, у нее и без того хватает поводов для волнений. Первая неделя прошла более-менее гладко, и мне хотелось, чтобы так оно продолжалось и дальше.

— Знаешь, — заговорила я, — чем больше я думаю об этом, тем больше мне нравится идея, чтобы ты увела Аарона. Надо преподать сучке урок. Спорю, ты сможешь сделать это без особого труда. Он все еще без ума от тебя.

— Не хочу я преподавать никому уроков. И я не без ума от него.

— Слушай, ты что, не видишь? Она затевает ссоры, болтает черт знает что за нашими спинами. Вчера она посмела обвинить меня в том, что мои джинсы из Армии спасения.^[5]

— Твои джинсы действительно из Армии спасения.

— Ну и что? — фыркнула я. — Как она смеет насмехаться над ними, когда сама носит одежду из «Таргет»?^[6]

— А что плохого в «Таргет»? Лично я люблю «Таргет».

— Я тоже. Не в том суть. Она пытается сделать вид, будто одевается у какой-нибудь долбаной Стеллы Маккартни.

— И это преступление?

Я напустила на себя серьезный вид.

— Безусловно. Ты должна отомстить.

— Я уже говорила, что месть меня не интересует. — Она искоса взглянула на меня. — И ты не должна.

Я улыбнулась самой невинной улыбкой и, когда мы разошлись, в который раз почувствовала облегчение, что она не может читать мои мысли.

— И когда можно ожидать хорошей кошачьей драчки?

Мейсон, как всегда, очаровательный и ленивый, поджидал меня у нашего спального корпуса; стоял, прислонившись к стене, скрестив на груди руки и наблюдая, как я приближаюсь.

— Понятия не имею, о чем ты.

Он отдал мне свое пальто, поскольку мое осталось у Лиссы, и мы вместе вошли в здание.

— Я видел, как вы сцепились около церкви. Неужели у тебя нет уважения к дому Божьему?

Я насмешливо фыркнула.

— В тебе, дикарь, ровно столько же уважения к нему, сколько и во мне. Кроме того, ты сам сказал, что мы были около церкви.

— Ты пока не ответила на мой вопрос.

Я просто усмехнулась и скинула его пальто.

Мы стояли в холле нашего корпуса. Просторное, никогда не остающееся без присмотра помещение, где парни и девушки могли общаться между собой и с гостями-мороями. По слухам воскресенья здесь набилось много народа. Углядев маленький свободный столик, я взяла Мейсона за руку и потащила к нему.

— Разве тебе не положено сразу же отправляться в свою комнату?

Я опустилась в кресло и настороженно оглянулась.

— Учитывая, сколько здесь сегодня народа, думаю, меня заметят не сразу. Господи, что за тоска — сидеть взаперти! А ведь прошла всего неделя.

— Меня это тоже огорчает. Тебя здорово недоставало прошлым вечером. Мы пошли в комнату отдыха и сыграли там в бильярд. Эдди был в

ударе.

Я застонала.

— Не трави душу. Не хочу даже слышать о ваших светских развлечениях.

— Ладно, ладно. — Он уперся локтем в стол и положил подбородок на ладонь. — Тогда давай поговорим о Мие. Ты настроена в один прекрасный день развернуться и хорошенъко врезать ей. Помнится, ты по крайней мере раз десять так поступала с людьми, которые раздражали тебя.

— Теперь я новая, совсем другая Роза. — Я напустила на себя максимально застенчивый вид. Видно, получилось не очень убедительно. Он издал придушенный смешок. — Кроме того, если я отколю что-нибудь в этом роде, Кирова сочтет, что я не выдержала испытание. Приходится ходить по одной дорожке, прямой и узкой.

— Иными словами, найти способ отомстить Мие так, чтобы не навлечь на себя неприятностей.

Я почувствовала, что невольно улыбаюсь.

— Знаешь, что мне в тебе нравится, Мейс? Ты мыслишь в точности как я.

— Не слишком радующая идея, — без всякого энтузиазма ответил он. — Ну, так поделись своими планами. Не исключено, что мне кое-что известно о ней, хотя вообще-то я не должен тебе рассказывать...

Я наклонилась вперед.

— Ты уже кое-что выболтал. Теперь давай колись до конца.

— Ну уж нет, — подразнивающим тоном сказал он. — Откуда мне знать, как ты используешь эту информацию — во зло или во благо?

Я захлопала ресницами.

— Разве ты в силах устоять передо мной?

Он уставился на меня.

— Нет, не в силах. Ладно, суть вот в чем: Мия не королевского рода.

Я откинулась в кресле.

— Шутишь? Это и так ясно. Я с двух лет могу разобраться в том, кто королевского рода, а кто нет.

— Да, но дело не только в этом. Ее родители работают на одного из лордов Дроздовых.

Я нетерпеливо отмахнулась от его слов. Многие морои работают в человеческом мире, хотя в самом морийском обществе работы тоже хватает. Кому-то приходится заменять их.

— Уборщиками, — продолжал Мейсон. — Практически служами. Отец косит траву, мать — горничная.

Вообще-то я испытываю здоровое чувство уважения к тем, кто трудится полный рабочий день, независимо от того, чем они занимаются. Чтобы заработать на жизнь, людям нередко приходится выполнять грязную работу. Но как и в отношении «Таргета», это совсем другое дело — когда кто-то выдает себя не за того, кем является. И за проведенную здесь неделю я успела заметить, как отчаянно Мия пытается втереться в школьную элиту.

— Никто не знает, — задумчиво произнесла я.

— И она не хочет, чтобы узнали. Тебе известно, какие они, эти королевские особы. — Он помолчал. — Ну, за исключением Лиссы, конечно. Мне с ними приходится нелегко.

— А ты откуда все это узнал?

— Мой дядя страж у Дроздовых.

— И ты никому не проболтался?

— Пока ты не вырвала у меня это признание. Ну и какой путь будет избран: во зло или во благо?

— Думаю, я дам ей отсрочку...

— Мисс Хэзевей, вы знаете, что не должны находиться здесь.

Одна из надзирательниц возвышалась над нами с выражением осуждения на лице.

Я не шутила, когда сказала Мейсону, что он мыслит в точности как я. И не хуже меня умеет плести всякую чушь.

— Мы делаем групповой проект для гуманитарного курса. Как, по вашему, это возможно, если Роза в изоляции?

Надзирательница подозрительно сощурилась.

— Не похоже, будто вы заняты делом.

Я взяла книгу, которую дал мне священник, и наобум открыла ее.

— Мы... мmm... вот над чем работаем.

Надзирательница, однако, не полностью утратила свою подозрительность.

— Один час. Я дам вам еще один час. И для вас же будет лучше, если я увижу, что вы действительно работаете.

— Да, мэм. — Мейсон сделал честное выражение лица. — Не сомневайтесь.

Она удалилась, не спуская с нас взгляда.

— Мой герой, — вздохнула я.

— Что это? — спросил он, кивнув на книгу.

— Священник дал. У меня во время службы возник вопрос.

Он изумленно вытаращился на меня.

— Прекрати и прими заинтересованный вид. — Я заскользила пальцем

по оглавлению. — Хочу найти одну женщину по имени Анна.

Мейсон вместе с креслом придинулся ко мне.

— Ладно. Давай посмотрим.

Я нашла номер страницы, и, что неудивительно, она вывела меня на раздел о святом Владимире. Мы принялись проглядывать главу в поисках имени «Анна». И в конце концов нашли, однако автор мало что мог рассказать о ней. Он использовал цитату из написанного человеком, жившим, по-видимому, во времена святого Владимира.

«И всегда рядом с Владимиром Анна, дочь Федора. Их любовь чиста и непорочна, как у брата с сестрой. Не раз она спасала Владимира от стригоя, покушающегося на его святость. Более того, она всегда успокаивает Владимира, когда дух в нем становится слишком могуч, чтобы выносить его бремя, и, пользуясь этим, сатанинская тьма старается ослабить телесное здоровье. Она защищает Владимира, поскольку они связаны между собой с тех пор, как он спас ее, когда она была ребенком. Таков знак божественной любви — Он дал блаженному Владимиру стражу, подобного ей, поцелованной тьмой и всегда знающей, что у него на сердце и в уме».

— Ну, теперь все ясно, — сказал Мейсон. — Она была его стражем.

— Это не объясняет, почему она была «поцелована тьмой» и что оно означает.

— Скорее всего, ничего.

Однако в глубине души я не верила. И снова прочла отрывок, пытаясь вникнуть в суть устаревших выражений. Мейсон с любопытством наблюдал за мной, с таким видом, будто очень хотел бы помочь.

— Может, они спали друг с другом, — предположил он.

Я засмеялась.

— Он же святой.

— Ну и что? Святым, скорее всего, тоже нравится секс. А этот треп насчет «брата и сестры» просто прикрытие. — Он ткнул пальцем в строчку. — Видишь? Они «связаны между собой». — Он подмигнул мне. — Явный шифр.

Связаны. Действительно, немного странное слово в контексте этого описания, но оно совсем не обязательно означает, что Анна и Владимир срывали друг с друга одежду.

— Я так не думаю. Они были близки, вот и все. Могут же парни с

девушками просто дружить?

Я сказала это со значением, и он бросил на меня неодобрительный взгляд.

— Да? Мы с тобой друзья, но я не знаю, что у тебя «на сердце и на уме». — Мейсон напустил на себя философский вид. — Конечно, многие утверждают, будто никто не знает, что таит в себе женское сердце...

— Ох, заткнись!

Я стукнула его по руке.

— Поскольку они странные, загадочные создания, — продолжал он тем же ученым тоном, — и мужчина должен уметь читать мысли, если хочет сделать их счастливыми.

Меня затрясло от смеха, который я никак не могла контролировать; ох, не обойтись без неприятностей.

— Ну, попытайся прочесть мои мысли и перестань быть таким...

Смех оборвался, я снова перевела взгляд на книгу.

«Связаны между собой, и она всегда знает, что у него на сердце и на уме».

Они были «связаны», внезапно дошло до меня. Это так, готова поспорить на все, что у меня есть, что, впрочем, не так уж много. Я была потрясена. Существует много неясных рассказов и легенд о том, как стражи и морои бывали «связаны». Однако это первый конкретный случай, о котором мне стало доподлинно известно.

Мейсон заметил мое потрясение.

— Что с тобой? Вид у тебя какой-то странный.

Я отмахнулась от него:

— Все в порядке.

СЕМЬ

Прошло две недели, и я вскоре забыла историю с Анной, настолько жизнь в Академии захватила меня. Шок от нашего возвращения немного поубавился, и мы начали привыкать к знакомому рутинному порядку, что отчасти действовало успокаивающе. Моя жизнь вращалась вокруг церкви, ланча с Лиссой и тех крошек общения, которые удавалось наскастри помимо этого. Практически лишенная свободного времени, я не испытывала трудностей с тем, чтобы не привлекать к себе внимания, хотя время от времени такое все же случалось, несмотря на мои же обращенные к Лиссе призывы «ни во что не ввязываться». Я ничего не могла с этим поделать. Мне нравится флиртовать, нравятся компании и нравится делать самоуверенные высказывания в классе.

Ее новая роль — практически инкогнито — привлекала внимание просто потому, что сильно отличалась от той, какую она играла до нашего побега, когда принимала самое активное участие во всех королевских делах. Все быстро выкинули это из головы, приняв как факт, что принцесса Драгомир больше не на виду и удовлетворяется компанией Натальи и ее друзей. Иногда болтовня Натальи по-прежнему вызывала у меня желание разбить себе голову о стену, но она по-настоящему славная девушка — гораздо более славная, чем все остальные королевские особы, — и по большей части мне нравилось общаться с ней.

И в полном соответствии с указаниями Кировой, я практически все время либо училась, либо тренировалась. Время шло, и тело испытывало ко мне все меньше ненависти. Мышцы становились крепче, выносливость росла. Меня по-прежнему побивали на общих тренировках, но уже не так сильно, и это само по себе немало. Казалось, больше всего сейчас страдала кожа. От того, что я так много времени проводила на холодах, кожа на лице трескалась, и, если бы не Лисса с ее запасом лосьонов, я, наверно, состарилась бы раньше времени. Вот только с волдырями на руках и ногах даже она ничего не могла поделать.

Занятия с Дмитрием тоже шли своим чередом. Мейсон был прав насчет его замкнутости. Дмитрий мало общался с другими стражами, хотя не вызывало сомнений, что все уважают его. И чем больше я с ним работала, тем больше уважала, хотя его методы тренировки оставались недоступны моему пониманию. Они казались очень грубыми. Мы всегда начинали с упражнений на растяжение в гимнастическом зале, а потом он

отсыпал меня наружу бегать, бросая вызов холодной осени в Монтане.

Спустя три недели после возвращения в Академию я перед началом занятий в школе вошла в гимнастический зал и обнаружила его там развалившимся на мате и, как нередко бывало, читающим книгу. Кто-то принес в зал CD-плеер, и, хотя поначалу это меня обрадовало, песня Принса «Когда голуби плачут», льющая из него сейчас, произвела совсем другое впечатление. Стыдно было даже знать ее название, я была знакома с ней лишь потому, что один из наших бывших соседей по дому бредил музыкой 80-х.

— Может, хватит, Дмитрий? — Я швырнула сумку на пол. — Я, конечно, понимаю, что сейчас это хит в Восточной Европе, но неужели нельзя послушать что-нибудь, записанное еще не до моего рождения?

Не меняя позы, он сверкнул на меня глазами.

— Какая тебе разница? Слушаю-то я, а ты будешь бегать снаружи.

Я состроила гримасу, поставила ногу на перекладину и начала растягивать подколенные сухожилия. Учитывая все обстоятельства, Дмитрий терпимо относился к моим высказываниям.

Пока я не лодырничала на тренировках, он ничего не имел против моих резкостей. Я даже перешла с ним на ты — и обошлось.

— Послушай, а почему я все время только бегаю? — спросила я, переходя к следующему упражнению на растягивание. — В смысле, я, конечно, понимаю важность выносливости и все такое, но не стоит ли перейти к отработке ударов, например? На групповых занятиях меня все еще разделяют под орех.

— Может, тебе следует отбиваться посильнее, — сухо ответил он.

— Я серьезно.

— Ничего другого не могу посоветовать. — Он отложил книгу, но остался в той же позе. — Моя задача — подготовить тебя к защите принцессы и сражениям с созданиями тьмы?

— Угу. — Теперь ответь мне: предположим, ты умыкаешь ее снова и ведешь в торговые ряды. И там вы сталкиваетесь со стригоем. Что ты будешь делать?

— Все зависит от того, в каком магазине мы окажемся.

Он не спускал с меня взгляда.

— Ладно. Я проткну его серебряным колом.

Дмитрий сел и скрестил ноги. Меня по-прежнему поражало, как столь высокий человек может быть столь грациозным.

— Правда? — Он вскинул темные брови. — У тебя есть серебряный кол? И ты знаешь, как им пользоваться?

Я оторвала взгляд от него и нахмурилась. Изготовленные с помощью стихийной магии, серебряные колы считались самым смертоносным оружием стражей. Вонзить такой кол в сердце стригоя означало мгновенную смерть последнего. Они смертоносны и для мороев, поэтому их запросто новичкам не раздавали. Мои одноклассники только-только начали изучать, как их использовать. Когда-то я тренировалась в стрельбе из пистолета, но до серебряного кола мне еще далеко. По счастью, существовали два других способа убить стригоя.

— Ладно. Я отрежу ему голову.

— Оставив в стороне тот факт, что у тебя нет подходящего оружия для этого, как ты компенсируешь то, что он может оказаться на фут выше тебя?

В раздражении я выпрямилась, перестав наклоняться, касаясь носков.

— Ладно, тогда я подожгу его.

— И снова, с помощью чего?

— Сдаюсь. Ты просто издеваешься надо мной. Хорошо, я в торговых рядах ивижу стригоя. Что я должна делать?

Он, не мигая, смотрел на меня.

— Бежать.

Я с трудом удержалась, чтобы не бросить чем-нибудь в него. Когда я закончила упражнения на растягивание, он сказал, что побежит вместе со мной. Впервые. Может, такая пробежка даст мне хоть какое-то представление, на чем основана его убийственная репутация.

Мы вышли в прохладный октябрьский вечер и побежали. Я еще не очень привыкла к вампирскому расписанию. Учитывая, что занятия должны начаться через час, я ожидала, что солнце восходит, а не заходит. Однако оно уже опускалось к горизонту на западе, отбрасывая на заснеженные вершины гор оранжевые отблески. Реального тепла оно не давало, и по мере того, как потребность в кислороде увеличивалась, я чувствовала, что холод все сильнее обжигает легкие. Мы не разговаривали. Приноравливаясь ко мне, он замедлил шаги, держась рядом.

Что-то в этом неприятно задевало меня, внезапно мне страшно захотелось заслужить его одобрение. Я прибавила шагу, энергичнее заработала легкими и мышцами. Двенадцать кругов по беговой дорожке составляют три мили, нам оставалось еще девять. Когда мы заканчивали третий круг, мимо прошли двое новичков, направляясь на групповую тренировку, в которой я вскоре тоже должна была принять участие. При виде меня Мейсон развеселился.

— Ты в прекрасной форме, Роза!

Я улыбнулась и помахала ему рукой.

— Ты уменьшила скорость! — раздраженно бросил Дмитрий, заставив меня оторвать взгляд от парней, резкость его тона поразила меня. — Вот почему твое время не улучшается. Потому что ты легко отвлекаешься.

В смущении я снова прибавила скорость, несмотря на сопротивление своего тела. Наконец все двенадцать кругов остались позади. Дмитрий засек время, и выяснилось, что мы пробежали на две минуты быстрее моего лучшего времени.

— Не так уж плохо, — возликовала я, направляясь в гимнастический зал для новой серии растягиваний. — Получается, я могу мчаться быстрее экспресса, если наткнусь в торговых рядах на стригоя. А вот сможет ли Лисса...

— Если она будет с тобой, ничего плохого с ней не случится.

Я удивленно вскинула на него взгляд. Это был первый реальный комплимент, полученный от него с тех пор, как я начала тренироваться. Взгляд его карих глаз был прикован ко мне, в них читалось и одобрение, и приятное удивление. Тут-то все и произошло. Ощущение было такое, словно в меня выстрелили. В теле и голове взорвался ужас, резкий, жгучий, словно крошечные бритвы боли. Перед глазами все расплылось, и спустя мгновение я уже была не здесь, я буквально летела вниз по ступеням лестницы, испуганная, полная отчаяния. Мне нужно было выбраться оттуда, нужно было найти... меня.

Миг — и поле зрения очистилось, я снова была не в голове Лиссы, а на беговой дорожке. Ни слова не сказав Дмитрию, я со всей возможной скоростью помчалась в направлении спального корпуса мороев. Не имело значения, что ноги только что проделали мини-марафон. Они бежали сильно и быстро — словно вовсе и не устали. Краем глаза я отметила, что Дмитрий догнал меня и спрашивает, что случилось. Однако я не знала ответа. У меня была одна-единственная задача, одно-единственное желание: добежать до спального корпуса. Когда заросшее плющом здание неясно проявилось в сумерках, нас встретила Лисса с залитым слезами лицом. Я резко остановилась; легкие, казалось, вот-вот взорвутся.

— Что случилось?

Я схватила ее за руки, заставила посмотреть мне в глаза. Но она была не в состоянии отвечать; она просто обхватила меня руками и зарыдала, прижавшись к моей груди. Я стояла, поглаживая ее тонкие, шелковистые волосы и приговаривая, что все будет хорошо, все уладится... что бы ни было. И, честно говоря, в тот момент меня не волновало, что именно произошло. Она здесь, живая и здоровая, — только это одно имело значение. Дмитрий стоял рядом, готовый отразить любое нападение. С ним

я чувствовала себя в полной безопасности.

Полчаса спустя мы набились в комнату Лиссы: три других стражи, госпожа Кирова и надзирательница. Я впервые оказалась в комнате Лиссы. Наталье удалось-таки добиться, чтобы их поселили вместе, и комната была разделена на две части, разительно контрастирующие между собой. Половина Натальи выглядела обжитой, с фотографиями на стенах и вышитым постельным покрывалом явно нездешнего происхождения. А у Лиссы набралось так же мало личных вещей, как и у меня, отчего ее половина выглядела почти голой. На стене висела одна фотография, сделанная во время последнего Хеллоуина, когда мы нарядились феями, с крыльями и блестящим макияжем. При виде этой фотографии и связанных с ней воспоминаний в груди у меня заныло.

Со всей суматохой никто, казалось, не помнил, что мне не полагается находиться здесь. Снаружи в коридоре толпились девушки-морои, пытаясь понять, что происходит. Наталья протолкалась сквозь эту толпу, удивленная тем, что за столпотворение в ее комнате. Поняв его причину, она вззвизгнула и остановилась.

Мы смотрели на постель Лиссы, и почти на всех лицах читались шок и отвращение. На подушке лежала лиса, мех ее был красновато-оранжевый с белыми прожилками. Милая, мягкая на вид, она могла бы быть домашним животным вроде кошки, которую так приятно держать на руках, прижимая к себе.

Не считая того факта, что у нее было перерезано горло.

Внутри горло выглядело розовым и желеобразным. Пятна мягкий мех, кровь стекала на желтое постельное покрывало, образуя растекающуюся по ткани темную лужицу. Глаза лисицы смотрели вверх, остекленевшие и как бы потрясенные, словно лисица не могла поверить в то, что с ней происходит.

Меня затошило, но я заставила себя не отрывать взгляда. Я не могла позволить себе проявить слабость. Возможно, когда-нибудь мне придется убить стригоя. Если я не в состоянии выдержать зрелище мертвый лисы, о каких убийствах может идти речь?

То, что проделали с лисой, выглядело извращением больного человека. Лисса, смертельно-бледная, смотрела на лису, а потом шагнула вперед и невольно протянула к ней руку. Я понимала — грубое насилие сильно ударило по ней, по ее любви к животным. Она любила их, они любили ее. Пока мы были в бегах, она часто просила меня завести кого-нибудь, но я всегда отказывалась, напоминая, что нельзя брать на себя ответственность за живое существо, если в любой момент может возникнуть необходимость

бежать. Поэтому она довольствовалась тем, что помогала бездомным зверям, подлечивала их, а также заводила дружбу с животными, принадлежащими другим людям, типа кота Оскара.

Эту лису, однако, ей уже не вылечить. Оживить ее невозможно, но я видела по лицу Лиссы, что она хотела бы помочь ей — как помогала всем. Я взяла ее за руку и оттащила в сторону, внезапно припомнив разговор, состоявшийся между нами два года назад.

— Кто это? Ворон?

— Скорее всего.

— Он мертв?

— Да. Никаких сомнений. Не прикасайся к нему.

Тогда она меня не послушалась, я надеялась, что послушается сейчас.

— Она была еще жива, когда я вошла, — прошептала Лисса, сжимая мне руку. — Едва-едва. О господи, она подергивалась. Наверно, ей было очень больно.

Я почувствовала, что к горлу подступает желчь. В других обстоятельствах меня вырвало бы.

— Ты не?..

— Нет. Я хотела... Я начала...

— Тогда забудь об этом, — резко сказала я. — Это чья-то глупая шутка. Здесь все уберут. Наверно, даже переселят тебя в другую комнату, если захочешь.

Она повернулась ко мне, с почти безумным выражением в глазах.

— Роза... ты помнишь... тот раз...

— Прекрати. Забудь об этом. Сейчас все иначе.

— Что, если кто-то видел? Что, если кто-то знает?

Я сильнее стиснула ее руку, даже вонзила ногти в кожу, чтобы привлечь ее внимание. Она вздрогнула.

— Нет. Это совсем другое. Ничего общего. Ты меня слышишь? — Я чувствовала устремленные на нас взгляды Дмитрия и Натальи. — Все будет хорошо. Успокойся.

Лисса кивнула, хотя по ее виду трудно было предположить, что она мне верит.

— Распорядитесь, чтобы тут все убрали! — бросила Кирова надзирательница. — И выясните, может, кто-нибудь что-то видел.

Наконец до них дошло, что я здесь. Дмитрию приказали увести меня, как я ни умоляла их позволить мне остаться с Лиссой. Он повел меня в

спальный корпус новичков и заговорил со мной, только когда мы уже почти дошли.

— Тебе что-то известно о происшествии. Именно это ты имела в виду, когда говорила директрисе Кировой, что Лиссе угрожала опасность?

— Я ничего не знаю. Просто глупая шутка.

— У тебя есть хоть какие-то догадки, кто это сделал? И зачем?

Я задумалась. До нашего бегства заподозрить можно было множество людей. Такое случается, если вы популярны. Люди любят вас, люди ненавидят вас. Но сейчас? В известной степени Лисса как бы не существовала. Единственная, кто реально презирал ее, была Мия, но, казалось, Мия больше склонна оперировать словами, чем поступками. И даже если она решила проявить себя более агрессивно, почему именно так? Она казалась человеком другого типа. Существует миллион иных способов отомстить.

— Нет, — ответила я. — Ни малейшего представления.

— Роза, если ты знаешь что-то, расскажи мне. Мы с тобой на одной стороне, мы оба хотим защитить ее. Это серьезно.

Я резко развернулась и выплеснула на него свой гнев по поводу этой истории с лисой:

— Да, это серьезно. Очень серьезно. А ты заставляешь меня каждый день описывать круги по беговой дорожке вместо того, чтобы учить сражаться и защищать ее! Если хочешь помочь ей, научи меня хоть чему-нибудь! Научи меня сражаться. Бегать я уже умею.

До этого момента я не осознавала, как сильно мое желание учиться — чтобы доказать свою значимость в глазах его, Лиссы и вообще всех. Инцидент с лисицей заставил меня почувствовать себя бессильной — очень неприятное чувство. Я хотела делать что-нибудь, хоть что-то.

Дмитрий воспринял мою вспышку спокойно, все с тем же бесстрастным выражением лица. Когда я закончила, он просто дал понять, чтобы я продолжила путь — будто я ничего не говорила.

— Иди. Ты опаздываешь на занятия.

ВОСЕМЬ

Распалившись от гнева, я дралась лучше, чем когда бы то ни было. И в результате одержала свою первую победу в рукопашном бою над Шейном Рейсом. Мы с ним всегда ладили, и он воспринял мою победу по-доброму, даже зааплодировал, вместе с некоторыми остальными.

— Начало возвращения, — заметил Мейсон после занятий.

— Похоже на то.

Он легко коснулся моей руки.

— Как там Лисса?

Я не удивилась, что он в курсе. Иногда слухи распространяются здесь так быстро, как будто все «связаны» между собой.

— Нормально. Справляется. — Я не стала вдаваться в подробности, откуда мне это известно. Никто из учеников не знал о нашей связи, — Мейс, ты говоришь, что хорошо знаешь Мию. Могла она это сделать?

— Я никогда не утверждал, что понимаю ее. Но если честно... нет. Мия даже не анатомирует животных на биологии. Просто не могу представить себе такого — что она способна хотя бы поймать лисицу, не говоря уж о том... мmm... чтобы убить ее.

— У нее есть друзья, которые могли сделать это по ее просьбе?

Он покачал головой.

— Нет. Все они из тех, кто не любит марать руки. Хотя... кто знает?

Когда мы позднее встретились с Лиссой за ланчем, она все еще дрожала, и чем дольше Наталья со своими дружками трещали об этой лисице, тем больше портилось у Лиссы настроение. По-видимому, радость быть в центре внимания оказалась для Натальи сильнее отвращения. Может, периферийный статус устраивал ее гораздо меньше, чем мне казалось.

— И прямо там она и лежала. — Она взмахнула руками для пущей выразительности. — Как раз посреди постели. И повсюду была кровь.

Лисса позеленела, как ее свитер. Я, даже не доев, утянула ее оттуда и разразилась гневной тирадой по поводу бес tactности Натальи.

— Она славная, — автоматически повторила Лисса. — Ты не раз сама говорила, что она тебе нравится.

— Да, она мне нравится, но в некоторых ситуациях она совсем не умеет себя вести.

Мы стояли у входа в класс, и, проходя мимо, люди бросали на нас

любопытные взгляды и перешептывались. Я вздохнула.

— Как ты справляешься со всем этим?

Бледная улыбка скользнула по ее лицу.

— Ты уже перестала меня чувствовать?

— Нет, но я хочу услышать от тебя самой.

— Не знаю. Справлюсь. Хотелось бы только, чтобы они перестали таращиться на меня, словно я какой-то уродец.

В душе снова вспыхнул гнев. История с лисицей плоха сама по себе, но люди расстраивают Лиссу и тем самым ухудшают ситуацию. По крайней мере, с этим я могла что-то сделать.

— Кто досаждает тебе?

— Роза, ты не можешь отколотить всех, с кем у нас возникают проблемы.

— Мия?

— И другие тоже, — уклончиво ответила она. — Послушай, это не имеет значения. Я хочу узнать... в смысле, я не могу перестать думать о том случае...

— Прекрати.

— Почему ты продолжаешь делать вид, что ничего не было? Именно ты, заметь. Вот ты осуждаешь Наталью за то, что она не может остановиться и перестать болтать об этом, а сама тоже не слишком хорошо владеешь собой, пусть даже и в обратном смысле. Обычно ты готова говорить обо всем.

— Но не об этом. Нужно напрочь забыть. Все случилось давным-давно. И по-хорошему, мы даже не знаем, что именно произошло.

Взгляд ее больших зеленых глаз был прикован ко мне, она явно подбирала новые аргументы для спора...

— Эй, Роза!

К нам приближался Джесси, я ослепительно улыбнулась ему.

— Привет.

Он дружелюбно кивнул Лиссе.

— Слушай, Роза, сегодня вечером в твоем спальном корпусе будет происходить семинар, и я там буду. Как думаешь... может, ты...

Мгновенно забыв о Лиссе, я полностью переключилась на Джесси, внезапно осознав, что мне просто необходимо сделать что-то дикое, по-настоящему скверное. Слишком много всего случилось сегодня.

— Конечно.

Он сообщил мне, когда придет. Я сказала, что встречу его в одном из общих помещений и дам дальнейшие инструкции.

Когда он ушел, Лисса во все глаза посмотрела на меня.

— Ты под домашним арестом. Тебе не позволено встречаться и разговаривать с ним.

— На самом деле я хочу вовсе не разговаривать с ним. Мы удерем.

Она застонала.

— Иногда я не знаю, чего от тебя ждать.

— Это потому, что ты осторожная, а я безрассудная.

* * *

Пока шел урок, посвященный поведению животных, я размышляла, какова вероятность того, что вина лежит на Мие. Судя по ее лицу, с застывшим на нем выражением чокнутого ангела, она определенно радовалась шуму, поднятому вокруг эпизода с несчастной лисой. Но само по себе это не подтверждало ее виновности, и, понаблюдав за ней последние недели две, я поняла, что она радуется всему, огорчающему Лиссу и меня. Ей нет нужды резать Лисс глотку.

— У волков, как у многих других биологических видов, вожаками стай бывают самцы или самки, с чьим мнением считаются остальные. Вожаки почти всегда сильнее всех остальных физически, хотя очень часто исход столкновения между ними зависит от силы воли и других особенностей личности. Если вожаку бросают вызов и его место занимает другой, стая может изгнать или даже напасть на проигравшего.

Я оторвалась от своих размышлений и сфокусировала внимание на госпоже Мейснер.

— Вызов чаще всего бывает брошен во время сезона спаривания, — продолжала она, и, естественно, в классе захихикали. — В большинстве стай вожак — единственный, кто спаривается. Если вожак-самец старый, опытный волк, его младший соперник может подумать, что у него есть шанс. Иногда это оказывается так, иногда нет, в каждом конкретном случае по-разному. Молодые часто не осознают, насколько их во всех отношениях превосходят более опытные.

Несмотря на эту болтовню о старых и молодых волках, все остальноеказалось мне достаточно злободневным.

«В общественной структуре Академии, — с горечью подумала я, — вожаки и вызовы просто кишмя кишат».

Мия подняла руку.

— А как у лис? У них тоже есть вожаки?

Ученики заерзали, кто-то нервно захихикал, никто просто ушам своим не верил, что Мия решилась залезть в эту область.

Госпожа Мейснер вспыхнула, как мне показалось, от гнева.

— Сегодня мы обсуждаем волков, мисс Ринальди.

Мия, казалось, ничего не имела против того, что ее слегка пожурили. Когда класс разбрелся на пары для выполнения заданий, она в основном поглядывала на нас и хихикала. Наша связь позволила мне почувствовать, что в сознании Лиссы все чаще вспыхивает образ убитой лисы и это ее очень расстраивает.

— Не беспокойся, — сказала я ей. — Я найду способ...

— Лисса! — прервал кто-то меня.

Мы обе подняли взгляд и увидели стоящего около наших парт Ральфа Саркози, с этой его фирменной тупой улыбкой на лице. Возникло ощущение, что он оказался здесь, подзадоренный своими дружками.

— Ну, признайся, — продолжал он. — Это ты убила лису. Пыталась убедить Кирову, будто ты не в своем уме и поэтому делать тут тебе нечего.

— Пошел ты! — тихо сказала я.

— Вместе с тобой? Куда угодно.

— Да на фиг ты мне сдался!

— Ой-ой-ой! Надо же, как ты изменилась. Насколько я помню, ты не слишком разборчива в том, перед кем обнажаться.

— А насколько я помню, ты обнаженных людей только в Интернете и видел.

Он наклонил голову набок подчеркнуто трагическим жестом.

— А, я наконец врубился: это сделала ты? — Он перевел взгляд с меня на Лиссу и обратно. — Она велела тебе убить лису? Что-то вроде лесбиянского колдовства... Ой!

Ральфа охватило пламя.

Я вскочила и оттолкнула Лиссу подальше, что было нелегко, поскольку мы сидели за партами. В результате мы обе шлепнулись на пол. Вопли — в особенности Ральфа — сотрясали класс, и госпожа Мейснер бросилась за огнетушителем.

И потом так же неожиданно пламя исчезло. Ральф все еще кричал и охлопывал себя, но на нем не было никаких ожогов. Единственным признаком только что произшедшего был запах дыма в воздухе.

На несколько мгновений класс замер, пытаясь сложить вместе кусочки головоломки. Специализация каждого мороя известна всем, и, обежав взглядом класс, я выделила троих, чья стихия огонь: Ральф, его друг Джейкоб и... Кристиан Озера.

Сам Ральф не стал бы себя воспламенять, Джейкоб тоже, так что виновник был очевиден. Тот факт, что Кристиан истерически хохотал, тем более свидетельствовал об этом.

Физиономия госпожи Мейснер сменила цвет с красного на темно-багровый.

— Мистер Озера! — закричала она. — Как вы посмели... Как у вас только возникла идея... Немедленно отправляйтесь в офис директрисы Кировой!

Кристиан, с подчеркнуто безразличным видом, но по-прежнему с ухмылкой, встал и закинул рюкзак на плечо.

— Конечно, госпожа Мейснер.

По дороге к выходу он прошел мимо Ральфа, и тот испуганно отпрянул. Остальные пристально наблюдали за ними, открыв рты.

Госпожа Мейснер попыталась вернуть класс к нормальным учебным занятиям, но это оказалось пустой трата времени. Все, не умолкая, обсуждали происшедшее. Инцидент шокировал на нескольких уровнях. Во-первых, никто никогда не видел заклинания такого типа в действии: сильный огонь, который на самом деле не жжет. Во-вторых, Кристиан применил его не в порядке защиты — он напал на другого человека. Морои никогда так не поступают. Они считают, что магия предназначена для того, чтобы обиживать землю и помогать людям жить. Она никогда, ни при каких обстоятельствах не использовалась как оружие. Преподаватели магии не учили такого рода заклинаниям, не думаю, что они даже знали их. И наконец, самое бредовое — это сделал именно Кристиан, на которого всем вообще было плевать.

Похоже, кто-то и сейчас знал заклинания нападения, и, хотя выражение ужаса на лице Ральфа доставляло удовольствие, до меня внезапно дошло, что Кристиан настоящий псих.

— Лисс, — сказала я, когда мы покидали класс, — пожалуйста, убеди меня, что вы с ним больше не общались.

Благодаря нашей связи я ощущала быстро промелькнувшее чувство вины, оно послужило ответом лучше любых слов.

— Лисс! — Я схватила ее за руку.

— Совсем немного, — смущенно ответила она. — На самом деле он нормальный...

— Нормальный? Нормальный? — Люди в коридоре таращились на нас, и я поняла, что практически кричу. — У него крыша поехала! Он поджег Ральфа. Мне казалось, мы приняли решение, что ты больше не будешь с ним встречаться.

— Ты приняла такое решение, Роза, не я.

В ее голосе звенело напряжение, которого я давно не слышала.

— Что происходит? Ты... Ты знала?

— Нет! — воскликнула она. — Господи! — Она бросила на меня раздраженный взгляд. — Не все думают — и поступают — как ты.

Эти слова заставили меня вздрогнуть. Потом мы заметили, что мимо проходит Мия. Нашего разговора она не слышала, но уловила общий его тон. На ее лице заиграла лицемерная улыбка.

— Огорчения в раю?

— Поищи лучше свою соску-пустышку и заткнись к чертям собачьим, — рявкнула я, не рассчитывая на ответ.

Челюсть у нее отвисла, а губы обиженно поджались.

Мы продолжили путь в молчании, а потом Лисса расхохоталась. И это рассеяло возникшее между нами напряжение.

— Роза...

Сейчас ее голос звучал гораздо мягче.

— Лисса, он опасен. Он мне не нравится. Пожалуйста, будь осторожна.

Она коснулась моей руки.

— Ты не забыла? Я вообще человек осторожный. А безрассудство — по твоей части.

Я от всей души надеялась, что дело по-прежнему обстоит именно так.

Однако позже, после школы, меня одолели сомнения. Я сидела в своей комнате, делала домашние задания и вдруг ощущала ручеек эмоций, который мог исходить только от Лиссы. Забыв об уроках, я уставилась в пространство, стараясь получить более детализированное представление о том, что с ней происходит. Если когда-либо и требовалось проскользнуть в ее голову, то именно сейчас, но я не умела контролировать этот процесс.

Нахмутившись, я стала думать о том, отчего обычно возникал такого рода контакт. Как правило, она испытывала настолько сильные эмоции, что они буквально врывались в мое сознание. Чтобы противиться этому, мне приходилось воздвигать и поддерживать что-то вроде ментальной стены.

Сосредоточившись на Лиссе, я постаралась убрать эту стену, задышала глубоко и ровно, очистила сознание. Мои мысли не имеют значения, только ее. Я должна открыть себя ей и позволить связи возникнуть.

Я никогда не делала ничего подобного прежде, у меня даже на медитацию не хватало терпения. Однако сейчас необходимость связаться с ней была так сильна, что я глубоко расслабилась и полностью сосредоточилась на одном. Я должна узнать, что с ней происходит, и спустя

несколько мгновений мои усилия оправдали себя. Я оказалась внутри ее.

ДЕВЯТЬ

Я ворвась в ее разум, снова видя и напрямую воспринимая то, что происходило вокруг нее. Мои худшие опасения подтвердились: она опять прокралась на церковный чердак. Как и в прошлый раз, ничто ей не помешало.

«Господи Всемогущий, — подумала я, — неужели этот священник не может позаботиться об охране собственной церкви?»

Сквозь цветное стекло вливался рассвет, и силуэт Кристиана отчетливо выделялся на его фоне: он сидел у окна.

— Опаздываешь, — сказал он ей. — Я уже давно жду.

Лисса притянула к себе расшатанное кресло и смахнула с него пыль.

— Я думала, директриса Кирова дольше задержит тебя.
Он покачал головой.

— Вовсе нет. Меня исключили из школы на неделю, вот и все. Что не помешало мне ускользнуть сюда, как видишь.

— Удивительно, что тебе так мало дали.

Солнечный свет вспыхнул в его льдисто-голубых глазах.

— Ты разочарована?

Она потрясенно смотрела на него.

— Ты же поджег другого человека!

— Нет. Разве на нем есть ожоги?

— Его всего охватило пламя.

— Я держал огонь под контролем, чтобы он не коснулся его.

Она вздохнула.

— Нельзя было делать этого.

Он выпрямился и наклонился к ней.

— Я сделал это ради тебя.

— Напал на человека ради меня?

— Вот именно. Он поставил в затруднительное положение тебя и Розу.

Она отреагировала как надо, но я посчитал, что ей не помешает подмога. Кроме того, теперь все перестанут болтать об этой истории с лисой.

— Не надо было делать этого, — повторила она, глядя в сторону и явно не зная, как реагировать на такое великодушие. — И не говори, что ты действовал ради меня. Тебя нравилось так поступать. Какой-то частью души ты хотел этого.

Самодовольное выражение на лице Кристиана исчезло, сменившись

некарактерным для него удивлением. Может, Лисса и не телепат, но она обладает пугающей способностью понимать людей. Заметив его растерянность, она продолжила:

— Магическое нападение на человека запрещено — именно поэтому ты и поступил так. Тебя от таких вещей охватывает трепет.

— Идиотские правила. Если бы мы использовали магию как оружие, а не просто для всякой ерунды, стригои не убивали бы столь многих из нас.

— Ошибаешься, — решительно заявила она. — Магия — дар. Миролюбивый дар.

— Ну да, так говорят. Ты повторяешь лозунги, которыми нас пичкают всю жизнь. — Он встал и зашагал по ограниченному пространству чердака. — Так было не всегда, знаешь ли. Раньше мы тоже сражались рука об руку со стражами — столетия назад. Но потом посчитали, что безопаснее скрываться. И забыли заклинания нападения.

— Откуда же ты его узнал?

Он криво улыбнулся.

— Не все забыли.

— Твоя семья? Типа, твои родители?

Улыбка исчезла.

— Тебе ничего не известно о моих родителях.

Его лицо омрачилось, во взгляде появилось упрямое выражение. Может, большинство людей сильно опасались его, но по мере того, как Лисса взглядалась — с восхищением — в его лицо, он внезапно стал казаться ей очень, очень ранимым.

— Ты прав, а я нет, — негромко произнесла она спустя некоторое время. — Извини.

Во второй раз за эту встречу Кристиан выглядел ошеломленным. Скорее всего, уже сто лет никто не извинялся перед ним. Черт, уже сто лет никто вообще не разговаривал с ним. И уж точно никто никогда не прислушивался к его словам. Однако он быстро оправился и обрел свою обычную самоуверенность.

— Забудь.

Неожиданно он остановился и опустился перед ней на колени, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Ощущение, что он совсем рядом, заставило ее затаить дыхание. Угрожающая улыбка изогнула его губы.

— И если честно, я не въезжаю, почему из всех людей именно ты так возмутилась, что я использовал запретную магию.

— Я из всех людей? Что ты имеешь в виду?

— Можешь изображать невинность, если угодно — и у тебя это очень

хорошо получается, — но я-то знаю правду.

— Какую правду?

Она испытывала беспокойство и не могла скрыть этого ни от меня, ни от Кристиана. Он наклонился еще ближе к ней.

— Что ты используешь принуждение. Все время.

— Нет! — тут же воскликнула она.

— Конечно да. Я ночами не спал, пытаясь вычислить, как это вам удалось вырваться отсюда и поступить в среднюю школу без того, чтобы там не пожелали встретиться с вашими родителями. И наконец понял. Ты использовала принуждение.

— Это просто твои догадки, а доказательств у тебя нет.

— Я получил все требуемые доказательства, наблюдая за тобой.

— Ты наблюдал за мной... шпионил за мной... чтобы получить доказательства, будто я использую принуждение?

— Нет. На самом деле я наблюдал за тобой потому, что мне это нравится. Открытие насчет принуждения — просто бонус. Я видел, как однажды ты использовала его, чтобы получить отсрочку на задание по математике. И ты использовала его на госпоже Кармак, когда она хотела заставить тебя пройти дополнительное тестирование.

— Почему ты решил, что это принуждение? Может, я просто умею убеждать людей.

В ее голосе прозвучали вызывающие нотки — вполне понятные, учитывая ее страх и гнев. Вот только при этом она резким движением отбросила волосы назад, что — если я не ошибаюсь — можно расценивать как кокетство. А я не ошибаюсь... Внезапно я утратила уверенность.

Что-то в его взгляде подсказало мне, что он заметил это встряхивание волосами — как всегда замечал все, что касалось ее.

— На лицах людей появляется такое тупое выражение, когда ты говоришь с ними, — продолжал он. — И не простых людей — ты способна проделывать это с мороями. Наверняка и с дампирами тоже. Вот оно, безумие. Я даже понятия не имел, что такое возможно. В некотором роде ты — суперзвезда. Порочная, злоупотребляющая принуждением суперзвезда.

Это звучало как оскорбление, но его тон и весь облик, как и у нее, несли в себе оттенок кокетства.

Лисса не знала, что сказать. Он был прав. Все, что он говорил, соответствовало действительности. Именно ее способность к принуждению позволила нам обманывать власти и существовать в человеческом мире, не прибегая к помощи взрослых. И она же обеспечила нам возможность убедить банк разрешить Лиссе залезть в свое наследство.

И принуждение считалось в точности таким же дурным делом, как использование магии в качестве оружия. Почему нет? Это и есть оружие. Чрезвычайно могущественное, которым очень легко можно злоупотребить. Детям-мороям с пеленок вдалбливают, что принуждение — это очень, очень плохо. Никогда не учат использовать его, хотя технически все морои обладают такой способностью. Лисса просто случайно наткнулась на него — и влезла достаточно глубоко, — и, как верно заметил Кристиан, она могла воздействовать и на мороев, и на людей, и на дампиров.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила она. — Выдать меня?

Он покачал головой и улыбнулся.

— Нет. Думаю, это клево.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, с бешено колотящимся сердцем. Что-то в изгибе его губ не давало ей покоя.

— Роза думает, что ты опасен, — нервно выпалила она. — Она думает, может, это ты убил лису.

Не могу сказать, какие чувства я испытала, когда дошла очередь и до меня в этом странном разговоре. Некоторые люди опасаются меня. Может, и он тоже. Однако, очевидно, это было не так, судя по ноткам веселости в его голосе, когда он снова заговорил:

— Люди считают меня эмоционально неустойчивым, но, уверяю тебя, Роза в десять раз хуже. Конечно, этот факт удерживает людей от того, чтобы донимать тебя, так что я полностью «за». — Сидя на пятках, он отклонился назад, разорвав их почти интимную близость. — И черт меня побери, я не делал этого. Выясни, кто... и то, что случилось с Ральфом, покажется цветочками.

Это смелое предложение отомстить за нее не совсем разубедило Лиссу, но вызвало у нее внутреннюю дрожь.

— Не хочу, чтобы ты делал такие вещи. И я понятия не имею, кто виноват.

Он снова наклонился к ней и взял ее за запястья. Начал говорить что-то, но тут же замолчал, удивленно глядя вниз и проводя пальцами по слабым, еле заметным шрамам. Когда он снова посмотрел на Лиссу, на его лице возникло странное — для него — выражение доброжелательности.

— Может, ты и не знаешь, кто виноват, но что-то тебе известно. Что-то, о чем ты умалчиваешь.

Она смотрела на него, охваченная бурей эмоций.

— Тебе не обязательно знать все мои секреты.

Он снова перевел взгляд на ее запястья, отпустил их, и обычная

холодная улыбка вернулась на его лицо.

— Нет. Полагаю, что нет.

Чувство мира и спокойствия снизошло на нее — чувство, которое, как мне казалось, только одна я могу ей дать. Вернувшись в свою голову и свою комнату, я обнаружила, что сижу на полу, глядя на учебник математики. По причинам, которые недоступны моему пониманию, я захлопнула книгу и швырнула ее об стену.

* * *

Остальную часть вечера я провела в раздумьях — до тех пор, пока, как предполагалось, мы должны были встретиться с Джесси. Спустившись по лестнице, я отправилась на кухню — ее мне позволялось посещать, ненадолго — и заметила его, когда пересекала холл для посетителей.

Проходя мимо, я остановилась и прошептала:

— На четвертом этаже есть комната отдыха, которую никто не использует. Поднимись по лестнице на противоположной стороне от душевых. Встретимся там через пять минут. Замок на двери сломан.

Он так и сделал. Комната отдыха оказалась темной, пыльной, пустой. Тот факт, что с годами число стражей неуклонно сокращается, означал, что множество помещений пустовало — для моройского сообщества печальное обстоятельство, а для нас в данный момент очень удобное.

Он сидел на кушетке, и я легла на нее, положив ноги ему на колени. Все еще очень взвинченная после странного романтического свидания Лиссы и Кристиана, я хотела одного — хотя бы на время забыть обо всем этом.

— У тебя правда тут семинар или просто предлог? — спросила я.

— Правда. Выполняю задание вместе с Мередит.

Судя по тону, это его вовсе не радовало.

— Горе какое! — подразнила его я. — Что, работать в паре с дампирем ниже королевского достоинства? Может, мне тоже следует оскорбиться?

Он улыбнулся, обнажив превосходные белые зубы и клыки.

— Ты такая сексуальная! Не то что она.

— Рада, что хоть чем-то хороша.

В его взгляде вспыхивали огоньки, рука, скользящая по моему бедру, источала жар. Однако прежде у меня было еще одно дело. Настало время маленькой мести.

— Мия, наверно, тоже, раз вы позволяете ей теряться среди вас. Она же не королевской крови.

Он игриво ткнул меня пальцем в икру.

— Она с Аароном. И у меня полно друзей не из числа королевских особ. И даже среди дампиров. Не такой уж я козел.

— Да, но тебе известно, что ее родители практически работают на Дроздовых?

Рука на моем бедре замерла. Я немного преувеличила, но он просто впитывал сплетни — и великолепно распространял их.

— Серьезно?

— Ага. Моют полы и все такое.

— Ух ты!

Я прямо чувствовала, как в его голове завертелись колесики, и вынуждена была скрыть улыбку. Все, семя посеяно.

Я села, придвигнулась ближе и перекинула через его колени ногу. Обняла его и... он тут же забыл о Мие: включился тестостерон. Он страстно целовал меня — слюняво, по правде говоря, — прижав к спинке кушетки. Я расслабилась: что ни говори, это было первое приятное физическое «упражнение» за многие недели.

Так мы целовались довольно долгое время, и я не стала мешать ему снимать с меня блузку.

— Учти, никакогоекса, — предупредила я его между поцелуями.

В мои планы не входило лишиться невинности на кушетке в какой-то занюханной комнате отдыха. Он остановился, задумался и в конце концов решил не давить на меня.

— Ладно.

Однако повалил меня на кушетку и лег сверху, целуя с прежней страстью. Его губы скользили по моей шее, и, когда острые кончики клыков, задели кожу, я не смогла удержаться, чтобы не испустить вздох возбуждения.

Он приподнялся, удивленно вглядываясь в мое лицо. На мгновение у меня перехватило дыхание, когда я вспомнила кайф от укуса вампира. Мелькнула мысль — а каково это, когда занимаешьсяексом? Однако старые табу тут же взяли верх. Пусть у нас был неекс, но давать свою кровь во время этого тоже плохо, неправильно, грязно.

— Не делай этого.

— Ты же хочешь. — В его голосе чувствовались возбуждение и удивление. — Я чувствую.

— Нет, не хочу.

Его глаза вспыхнули.

— Хочешь. Почему... Эй, ты что, уже делала это прежде?

— Нет. — Я усмехнулась. — Конечно нет.

Взгляд его потрясающих голубых глаз был прикован ко мне, и я снова почти видела, как позади них крутятся колесики напряженных раздумий. Джесси, может, склонен флиртовать и к тому же распускает язык, но он не дурак.

— Ты ведешь себя так, будто знаешь, что это такое. Ты возбудилась, когда я коснулся твоей шеи.

— Ты замечательно целуешься, — возразила я, хотя это не полностью соответствовало действительности. Слишком уж он пускал слону. — Тебе не кажется, что все знали бы, если бы я кому-то давала кровь?

Его внезапно осенило.

— Нет, если ты делала это, пока вы были в бегах. Ты давала кровь Лиссе?

— Конечно нет!

Однако он раскусил меня и понимал это.

— Другого быть не может — у вас же не было «кормильцев». О господи!

— Она находила их, — соврала я, придерживаясь той версии, которую мы скормили Наталье, а она потом распространяла. До сих пор никто — за исключением Кристиана — не ставил ее под сомнение. — Многие люди соглашаются.

— Конечно, — с улыбкой сказал он и снова приблизил рот к моей шее.

— Я не «кровавая шлюха»! — взорвалась я, отталкивая его.

— Но ты же хочешь! Тебе нравится это. Всем девушкам-дампирам нравится.

Его зубы снова коснулись моей кожи. Такие острые. Такие восхитительные. Возникло чувство, что враждебность лишь усугубит ситуацию, и я решила поддразнить его.

— Перестань. — Я провела кончиком пальца по его губам. — Говорю же, я не такая. Но могу подсказать тебе, что еще можно делать ртом.

В нем проснулся интерес.

— Да? Типа?..

И в этот момент дверь открылась.

Мы отпрянули друг от друга. Я была готова к столкновению с любым учеником или даже надзирательницей. Но вот к чему я не была готова, это к встрече с Дмитрием.

Он ворвался внутрь, как будто рассчитывал обнаружить нас там, и в

этот ужасный момент, когда гнев клокотал в нем, точно буря, я поняла, почему Мейсон назвал его богом. Во мгновение ока он пересек комнату и, схватив Джесси за рубашку, почти оторвал его от пола.

— Как вас звать?

— Д-джесси, сэр. Джесси Зеклос, сэр.

— Мистер Зеклос, у вас есть разрешение находиться в этой части корпуса?

— Нет, сэр.

— Вам известны правила общения здесь особ мужского и женского пола?

— Да, сэр.

— Тогда, смею надеяться, вы уберетесь отсюда как можно быстрее, прежде чем я отдам вас в руки того, кто соответствующим образом накажет вас. Если я когда-нибудь снова увижу вас в подобной ситуации, — Дмитрий кивнул на меня, съежившуюся на кушетке, полуодетую, — то накажу вас лично. И это будет больно. Очень больно. Я понятно объясняю?

Джесси слегкотонул, широко распахнув глаза. Вся его бравада исчезла. Одно дело — хорохориться в обычной ситуации, и совсем другое, когда тебя держит за шкирку по-настоящему крутой, по-настоящему высоченный и по-настоящему взбешенный русский парень.

— Да, сэр.

— Тогда вон.

Дмитрий отпустил его, и Джесси вылетел из комнаты быстрее, чем Дмитрий ворвался в нее, — если такое вообще возможно. Потом мой наставник повернулся ко мне с угрожающим блеском в глазах. Он не говорил ничего, но злость и осуждение читались в них совершенно отчетливо.

И потом все изменилось.

Как будто он оказался застигнут врасплох, как будто никогда прежде не замечал меня. Будь на его месте любой другой парень, я бы сказала, что он внезапно воспыпал ко мне. Во всяком случае, он определенно изучал меня — мое лицо, мое тело. Тут я вспомнила, что на мне только джинсы и лифчик — черный к тому же. Я знала, что в этой школе не так уж много девушки, которые выглядят в лифчике так хорошо, как я. Даже парень вроде Дмитрия, полностью сосредоточенный на своих обязанностях, тренировках и все такое, не мог не оценить этого.

И в итоге я почувствовала, как жар растекается по телу, а выражение его глаз оказывает на меня более сильное воздействие, чем поцелуй Джесси. Дмитрий иногда выглядел спокойным и далеким, но в то же время

в нем ощущались преданность и мощь, которых я никогда не видела ни в ком другом. Мелькнула мысль — интересно, как эта энергия и сила преобразуются... ну, в секс? И на что это будет похоже, если он прикоснется ко мне? Дерьмо!

О чем я только думаю? Совсем, что ли, выжила из ума? Охваченная смущением, я попыталась скрыть свои чувства за наглостью.

— Что, нравится?

— Одевайся!

Его рот отвердел, и то, что он только что испытывал — что бы это ни было, — исчезло. Его суровость отрезвила меня, заставила забыть о своей реакции на его взгляд. Я торопливо натянула рубашку.

— Как ты нашел меня? Следил за мной, чтобы убедиться, что я не сбежала?

— Помолчи. — Он наклонился, и наши глаза оказались на одном уровне. — Привратник видел тебя и доложил об этом. Ты хоть представляешь себе, как глупо себя ведешь?

— Знаю я, знаю! Вся эта история с испытательным сроком.

— Не только. Прежде всего я имею в виду, как глупо оказаться в ситуации такого рода.

— Я все время попадаю в ситуации такого рода, товарищ. Подумаешь, большое дело!

Страх во мне сменился злостью. Не люблю, когда со мной обращаются как с младенцем.

— Не смей называть меня так. Ты понятия не имеешь, что за этим словом стоит.

— Почему же? Я писала доклад о России и РССР.

— СССР. И это большое дело для мороя — быть с девушкой-дампиrom. Они любят похваляться этим.

— И что?

— И что? — Его лицо выражало отвращение. — Ты что, не имеешь никакого самоуважения? Подумай хотя бы о Лиссе. Ты выставляешь себя дешевкой, подтверждающей то, что многие уже думают о девушках-дампирах. И это не может не отразиться на ней. И на мне.

— Ох ты господи! Из-за этого весь сыр-бор? Я задела твою большую, большую мужскую гордость? Опасаешься, что пострадает твоя репутация?

— Моя репутация уже создана, Роза, Я разработал для себя определенные жизненные принципы и много лет живу в соответствии с ними. — В его голосе снова зазвучали стальные нотки. — А теперь возвращайся в свою комнату... если ты в состоянии добраться туда без

того, чтобы наброситься на кого-нибудь еще.

— Это такой тонкий способ назвать меня шлюхой?

— Я слышу, о чем тут болтают. И слышал рассказы о тебе.

Ох! Мне хотелось закричать, что это его никаким боком не касается — как я поступаю со своим телом, но выражение разочарования на его лице выбило меня из колеи. Разочарование кого-то вроде Кировой не стоило ничего, но Дмитрий? Я вспомнила, какую гордость испытывала, когда он похвалил меня во время последних тренировок. А теперь он не хвалил меня, нет... Внезапно я и впрямь почувствовала себя «дешевкой», как он выразился.

Что-то сломалось внутри. Я сморгнула слезы.

— Что в этом плохого... ну, не знаю... немного развлечься? Мне семнадцать, знаешь ли. И такие вещи доставляют удовольствие.

— Тебе семнадцать, да. И меньше чем через год в твоих руках окажется чья-то смерть или жизнь. — В его голосе зазвучали нотки мягкости. — Будь ты человеком или мороем, могла бы развлекаться. Делать то, что делают другие девушки.

— Но по-твоему, я не могу.

Он отвернулся, устремил взгляд вдаль, думая о чем-то своем.

— Когда мне было семнадцать, я встретил Ивана Зеклоса. Мы не были «связаны», как вы с Лиссой, но стали друзьями, и он попросил назначить меня его стражем, когда я закончил обучение. В своей школе я был лучшим учеником. Я прилежно занимался по всем предметам, но в итоге этого оказалось недостаточно. Вот как оно бывает в жизни. Один промах, один момент расслабления... — Он вздохнул. — И оказывается слишком поздно.

Я подумала об одном промахе, одном моменте расслабления, которые могли бы стоить Лиссе жизни, и почувствовала ком в горле.

— Джесси тоже Зеклос.

Внезапно до меня дошло, что Дмитрий только что вышвырнул отсюда родственника своего бывшего друга и подопечного.

— Знаю.

— Именно это волнует тебя? Он напоминает Ивана?

— Не имеет значения, что именно я чувствую. Не имеет значения, что чувствует любой из нас.

— Но тебя по-прежнему гложет это. — Внезапно я поняла, что права. Я чувствовала его боль, хотя он изо всех сил старался ее скрыть. — Ты страдаешь. Правда? Скучаешь по нему.

Дмитрий выглядел удивленным — он не хотел, чтобы я понимала это, я обнажила некую тайную часть его души. Я считала его немного

надменным, замкнутым, жестким парнем, но, возможно, он сознательно сторонился людей, чтобы больше не страдать, теряя их. Смерть Ивана явно оставила на его душе несмываемый след.

Интересно, Дмитрий одинок?

Удивленное выражение исчезло, вернулась обычная серьезность.

— Не имеет значения, что я чувствую. Они важнее. Защита их.

Я снова подумала о Лиссе.

— Да.

Последовала долгая пауза. Потом он сказал:

— Ты говорила, что хочешь сражаться, по-настоящему сражаться. Это по-прежнему в силе?

— Да. Конечно.

— Роза... я могу учить тебя, но для этого должен поверить, что ты предана делу. Действительно предана. Не отвлекаясь на подобные вещи. — Он повел рукой по комнате. — Могу я доверять тебе?

И снова я почувствовала, что готова расплакаться под его серьезным взглядом и от его не менее серьезного тона. Ума не приложу, почему он оказывал на меня такое мощное воздействие. Меня никогда не волновало, что думает тот или другой человек.

— Да. Обещаю.

— Хорошо. Я буду учить тебя, но ты должна стать сильной. Знаю, ты терпеть не можешь бегать, но это действительно необходимо. Ты понятия не имеешь, каковы на самом деле стригои. Школа старается подготовить тебя, но пока ты собственными глазами не увидишь, насколько они сильны и быстры... Ну, это не поддается воображению. Если хочешь учиться сражаться, нужно увеличить число тренировок, на них уйдет много твоего времени. Даже для домашних заданий мало что останется, не говоря уж о чем-то еще. И ты будешь уставать. Сильно.

Я задумалась о нем, о Лиссе.

— Это не имеет значения. Я буду делать все, что ты скажешь.

Он внимательно вглядывался в мое лицо, все еще пытаясь решить, можно ли мне верить. И в конце концов удовлетворенно кивнул.

— Начнем завтра.

ДЕСЯТЬ

— Простите, мистер Надь, но я не могу сосредоточиться, когда Лисса и Роза без конца обмениваются записками.

Мия таким образом пыталась отвлечь внимание от себя и своей неспособности ответить на вопрос мистера Надя — и ей удалось-таки испортить нам в общем удачно складывающийся день. Слухи об истории с лисой по-прежнему циркулировали, однако гораздо больше обсуждалось нападение Кристиана на Ральфа. Я все еще не сняла подозрения с Кристиана в инциденте с лисой — по-моему, он был в достаточной степени псих, чтобы совершить нечто подобное в порядке некоего безумного проявления привязанности к Лиссе, — но каковы бы ни были его мотивы, он отвлек внимание от нее, и это уже хорошо.

Мистер Надь, легендарно известный своей склонностью унижать учеников, вслух читая их записи, метнулся к нам, словно ястреб, и выхватил очередную записку. Весь класс восхищенно замер в ожидании. Я, насколько могла, постаралась сделать вид, будто мне все равно. Сидящая рядом Лисса выглядела так, словно хочет умереть.

— Ну и ну, — бормотал он, проглядывая записку. — Хорошо бы ученики писали хотя бы столько же в своих эссе. У одной из вас почерк гораздо хуже, чем у другой, так что уж простите, если я что-нибудь перевру. — Он откашлялся. — Итак, «Вчера вечером я встречалась с Д.», — начинает ученица с дурным почерком, на что следует вопрос «Что произошло» и по крайней мере пять вопросительных знаков. Вполне понятно, поскольку временами одного — не говоря уж о четырех — недостаточно, чтобы выразить свои чувства. — Класс засмеялся, и я заметила, что Мия наградила меня особенно противной улыбкой. — Первая собеседница отвечает: «А что, по-твоему, могло произойти? Мы развлекались в пустой комнате отдыха».

В классе захихикали, и мистер Надь поднял взгляд. Его британский акцент лишь добавлял происходящему веселья.

— Могу я предположить, судя по вашей реакции, что слово «развлекались» несет в себе некий новый, я бы сказал, чувственный оттенок по сравнению с тем, как это было во времена моей молодости?

Хихиканье стало громче. Я выпрямилась и дерзко бросила ему в лицо:

— Да, сэр, мистер Надь. Это правильно, сэр. Некоторые в классе теперь уже откровенно хохотали.

— Спасибо за поддержку, мисс Хэзевей. Итак, на чем я остановился? Ах да, вот. Вторая собеседница спрашивает: «Как все прошло?» Ответ таков: «Хорошо», и для большей убедительности пририсовано смеющееся лицо. Ну, я полагаю, можно поздравить таинственного Д.? «И как далеко вы зашли?» Ух, леди! — продолжал мистер Надь. — Надеюсь, мы не переходим грань «детям смотреть не рекомендуется»? «Не очень. Нас застукали». И снова неприятность ситуации продемонстрирована с помощью пририсованного грустного лица. «Что случилось?» — «Неожиданно появился Дмитрий. Он вышвырнул Джесси, а меня отругал».

Класс замер, услышав в конце концов, по крайней мере, некоторые имена.

— Ну, мистер Зеклос, это вы вышеупомянутый Д., заработавший смеющееся лицо от девицы с плохим почерком?

Джесси залился краской, но в целом не выражал особого недовольства тем, что о его подвигах стало известно всем. До сих пор он помалкивал о случившемся — включая и наш разговор о крови, — потому, видимо, что Дмитрий до смерти напугал его.

— Ну, хотя в целом я одобряю маленькие отступления от темы — насколько это возможно для учителя, чье время расходуется впустую, — напомните своим «подругам» на будущее, что мой класс не место для болтовни, что в письменной, что в устной форме. — Мистер Надь бросил записку на парту Лиссы. — Мисс Хэзевей, похоже, не существует реального способа наказать вас, поскольку вы уже только что понесли заслуженное наказание. Следовательно, вы, мисс Драгомир, будете оставлены после уроков дважды: один раз за себя, второй — за свою подругу. Пожалуйста, оставайтесь на месте, когда прозвенит звонок.

* * *

После урока Джесси нашел меня. На лице его читалась тревога.

— Эй... ну... насчет этой записи... ты же знаешь, я тут ни при чем. Если мистер Беликов узнает о ней... ты ведь объяснишь ему? В смысле, скажешь, что я не...

— Ага, ага, — прервала я его. — Успокойся, тебе никто не угрожает.

Стоя рядом со мной, Лисса смотрела, как он покидает класс. Вспомнив, с какой легкостью Дмитрий вышвырнул его вчера — и о его явной трусости, — я не смогла удержаться от замечания.

— Знаешь, Джесси, оказывается, не такой сексапильный, как я раньше

думала.

Она лишь рассмеялась.

— Тебе лучше уйти. А мне предстоит мыть парты.

Ну я и ушла к себе в комнату. По дороге я проходила мимо небольших групп учеников во дворе. Вот везучие! Хотелось бы и мне иметь свободное время для общения.

— Нет, это правда, — произнес уверенный голос.

Камилла Конта. Красивая, популярная, из одной из самых престижных семей клана Конта. До нашего побега они с Лиссой дружили — в том смысле, как две влиятельные силы неусыпно приглядывают друг за другом.

— Они, похоже, чистят туалеты и все такое.

— О господи! — воскликнула ее подруга. — На месте Мии я умерла бы.

Я улыбнулась. По-видимому, Джесси умолчал не обо всем, что произошло прошлым вечером. К несчастью, следующий подслушанный разговор вдребезги разбил мое ощущение триумфа.

— ...слышала, что она была еще жива. Типа, дергалась на ее постели.

— Это так вульгарно. Зачем ее оставили там?

— Не знаю. Зачем ее убили, прежде всего?

— Как думаешь, Ральф прав? Она и Роза сделали это, чтобы их вышвырнули...

Увидев меня, они смолкли. Нахмутившись, я пересекала двор. «Еще жива. Еще жива».

Я отказывалась обсуждать с Лиссой схожесть истории с лисой и того, что произошло два года назад. Отказывалась верить, что тут есть какая-то связь, и не хотела, чтобы Лисса так думала.

И все же не могла перестать думать об этом инциденте не только из-за того, что при одном воспоминании о нем мурашки бежали по коже, но и потому, что он снова и снова возвращал меня к тому, что совсем недавно произошло в ее комнате. Как-то вечером мы удрали с последнего урока и отправились в лес рядом с кампусом. За изящные, украшенные фальшивыми бриллиантами сандалии я выменяла у Эбби Бадики бутылку персикового шнапса — безрассудно, да, но, если вы живете в Монтане, особого выбора у вас нет, — которая досталась ей неизвестным образом. Лисса неодобрительно покачала головой, когда я предложила сбежать с урока, чтобы распить бутылку где-нибудь подальше от людских глаз, но в итоге согласилась. Как всегда.

Мы уселись на бревне рядом с топким, заросшим травой болотом. Серебряный месяц отбрасывал совсем мало света, но для вампира и

наполовину вампира его хватало. Мы передавали бутылку туда и обратно, и я расспрашивала Лиссу об Аароне. По ее словам, в прошлый уик-энд у них был секс, и меня терзала зависть из-за того, что она первой познала его.

— На что это похоже?

Она пожала плечами и отпила глоток.

— Не знаю. Ничего особенного.

— Что значит — ничего особенного? В смысле, земля не разверзлась, планеты не выстроились в ряд и прочее в том же духе?

— Нет. — Она с трудом сдержала смех. — Конечно нет.

Я не понимала, что ее развеселило, но чувствовала: она не хочет говорить об этом. В то время наша связь уже начала возникать, и время от времени ее эмоции просачивались в меня. Я сердито уставилась на бутылку.

— По-моему, эта штука совсем не действует.

— Алкоголя там почти...

Послышался такой звук, будто в ближайших кустах что-то движется. Я молниеносно вскочила и защитила Лиссу своим телом.

— Просто животное, — сказала она, когда в полной тишине прошла минута.

Это вовсе не означало, что нам ничто не угрожает. Школа защищала нас от стригоев, но в окрестностях кампуса часто бродили дикие животные, опасные сами по себе. Медведи. Пумы.

— Пошли, — сказала я. — Нам лучше вернуться.

Мы отошли совсем недалеко, когда я снова услышала шелест и кто-то преградил нам путь. Госпожа Карп. Мы замерли; я неловким движением спрятала бутылку за спину. Легкая улыбка скользнула по ее лицу, и она протянула ко мне руку. Я робко отдала ей бутылку, и она сунула ее под мышку. Развернулась без единого слова и зашагала. Мы двинулись следом, прекрасно понимая, с какими последствиями придется иметь дело.

— Думаете, никто не заметит, когда полкласса отсутствуют? — спросила она спустя какое-то время.

— Полкласса?

— По-видимому, не вы одни решили сегодня сбежать. Погода действует, надо полагать. Весенняя лихорадка.

Мы с Лиссой тащились за госпожой Карп. Я всегда чувствовала себя с ней неловко с тех пор, как она исцелила мне руки. Ее необъяснимое, параноидальное поведение приобрело в моих глазах некий странный оттенок — гораздо более странный, чем прежде. Даже пугающий. И в последнее время я не могла смотреть на нее, не замечая странных царапин

на лбу. Обычно темно-рыжие волосы прикрывали их, но не всегда. Иногда появлялись новые, а старые, наоборот, исчезали. Справа раздался странный трепещущий звук. Мы все остановились.

— Кто-то из ваших одноклассников, надо полагать, — пробормотала госпожа Карп, повернув в сторону звука.

Однако, добравшись до места, мы обнаружили лежащую на земле большую черную птицу. Птицы — как и большинство животных — мало значат для меня, но даже я не могла не восхититься ее блестящими перьями и сильным клювом. Она могла без труда выклевать кому-нибудь из нас глаз — если бы со всей очевидностью не умирала. Еле заметно содрогнувшись в последний раз, птица затихла.

— Кто это? Ворон? — спросила я.

— Да, — ответила госпожа Карп.

— Он мертв? — спросила Лисса. Я пригляделась к птице.

— Да. Определенно мертв. Не дотрагивайся до него.

— Видимо, на него напала другая птица, — заметила госпожа Карп. —

Иногда они сражаются за территорию и ресурсы.

Лисса, с выражением сочувствия на лице, опустилась на колени. Меня это не удивило — она всегда питала слабость к животным. После того как я подстроила знаменитое сражение между хомяком и раком-отшельником, она не один день выговаривала мне. Лично я рассматривала сражение как проверку, кто из двух достойных соперников сильнее, а она — как жестокое обращение с животными.

Исполненная сочувствия, она протянула к ворону руку.

— Лисс! — в ужасе воскликнула я. — Он наверняка заразный.

Однако ее рука продолжила движение, будто Лисса не слышала меня. Госпожа Карп замерла, точно статуя, ее белое лицо в темноте напоминало лицо призрака. Пальцы Лиссы погладили крылья ворона.

— Лисс! — повторила я и рванулась вперед, чтобы оттащить ее.

Внезапно на меня нахлынуло странное ощущение — спокойствия, исполненного красоты и жизни. Ощущение было настолько сильно, что я остановилась. Потом ворон задвигался. Лисса негромко вскрикнула и отдернула руку. Мы обе смотрели на птицу, широко распахнув глаза.

Ворон медленно захлопнул крыльями, пытаясь подняться. Когда это ему удалось, он повернулся к нам и уставился на Лиссу взглядом, казавшимся слишком умным для птицы. Я не сумела через нашу связь понять ее реакцию. Это продолжалось, казалось, целую вечность, затем ворон оторвал от нее взгляд, поднялся в воздух, и сильные крылья унесли его прочь.

Осталось лишь затихающее вдали шуршание листвьев.

— О господи! — прошептала Лисса. — Что сейчас произошло?

— Черт его знает, — ответила я, стараясь скрыть свой ужас.

Госпожа Карп подошла к Лиссе, схватила ее за руку и с силой развернула к себе. Я мгновенно оказалась рядом, готовая действовать, если Психованная Карп попытается сделать что-нибудь не то, хотя даже меня подташнивало от мысли нанести вред учительнице.

— Ничего не произошло, — с диким выражением в глазах, тоном убеждения произнесла госпожа Карп. — Слышите? Ничего. И вы не расскажете никому — никому — о том, что видели. Обещайте мне. Обещайте, что никогда даже не будете снова обсуждать это.

Мы с Лиссой обменялись смущенными взглядами.

— Хорошо, — прокаркала госпожа Карп и слегка ослабила хватку. — И никогда не делай этого снова. Если сделаешь, они узнают. И постараются найти тебя. — Она повернулась ко мне. — Не позволяй ей делать это. Никогда больше.

Во дворе, неподалеку от спального корпуса, кто-то произнес мое имя.

— Эй, Роза? Я, наверно, сто раз окликнул тебя.

Забыв о госпоже Карп и вороне, я посмотрела на Мейсона, который, надо полагать, шагал рядом со мной к спальному корпусу, пока я пребывала в стране воспоминаний.

— Извини, — промямлила я. — Я не заметила.

Просто... мmm... устала.

— Перевозбудилась вчера вечером?

Я с прищуром посмотрела на него.

— Ничего такого, с чем я не в силах справиться.

— Надо полагать. — Он засмеялся, хотя, похоже, ему было не так уж весело. — Скорее, Джесси оказался не в силах справиться.

— Он все делал хорошо.

— Ну, тебе виднее. Хотя лично я думаю, у тебя дурной вкус.

Я остановилась.

— А лично я думаю, что это не твое дело.

Он, казалось, разозлился.

— Ты постаралась, чтобы это стало делом всего класса.

— Я же не нарочно!

— Тем не менее это произошло. И Джесси, как известно, трепло.

— Он не станет болтать.

— Ага, — сказал Мейсон. — Потому что он такой привлекательный и принадлежит к такой важной семье.

— Перестань строить из себя идиота! — взорвалась я. — И вообще, тебе-то какое дело? Ревнуешь, что я была не с тобой?

Его лицо вспыхнуло, вплоть до корней рыжих волос.

— Мне просто не нравится, когда о тебе говорят гадости, вот и все. Тут же появилось множество грязных шуток. Тебя называют шлюхой.

— Плевать, как меня называют.

— А, ну да. Ты же у нас такая крутая. Тебе никто не нужен.

Я остановилась.

— Не нужен, да. Я — одна из лучших среди новичков в этой хреновой школе. И мне не нужно, чтобы ты галантно кидался защищать меня. Нечего обращаться со мной, словно я какая-нибудь беспомощная девчонка.

Я торопливо зашагала дальше, но он нагнал меня, огорченный тем, что в его услугах не нуждались.

— Послушай... Я не хотел расстраивать тебя. Просто беспокоюсь о тебе.

Я издала резкий смешок.

— Серьезно, — продолжал он. — Послушай... Я сделал кое-что для тебя. Пошел вчера вечером в библиотеку и искал, что там есть о святом Владимире.

Я снова остановилась.

— Правда?

— Да, но там сказано об Анне. Все носит общий характер. Просто рассказывается, как он исцелял людей, стоявших на краю или даже за гранью смерти.

Последние слова задели больное место.

— Было... Было там что-нибудь еще? — запинаясь, спросила я.

Он покачал головой.

— Нет. Тебе, скорее всего, нужен первоисточник, но здесь их нет.

— Первый источник? Это еще что такое?

Усмешка расплылась по его лицу.

— Ты что, только тем и занимаешься, что пишешь записки? Мы совсем недавно говорили о первоисточниках на уроке Эндрю. Это книги из того временного периода, который тебя интересует. Книги, написанные нашими современниками, вторичны. А еще лучше, если бы тебе удалось найти что-нибудь, написанное самим Владимиром. Или кем-то, кто реально знал его.

— Ха! Ладно. А ты у нас, выходит, гений?

Он легонько ткнул меня в плечо.

— Я просто обращаю внимание на то, что происходит вокруг, вот и

все. А ты нет. Ты многое упускаешь. — Он нервно улыбнулся. — И послушай... Я правда сожалею о том, что сказал. Просто я...

«Ревную», — мысленно закончила я. Это было видно по его глазам. Почему я никогда не замечала этого прежде? Он сходит по мне с ума, а я ничего не вижу. И впрямь, многое упускаю.

— Все нормально, Мейс. Забудь. — Я улыбнулась. — И спасибо, что потрудился ради меня.

Он улыбнулся в ответ, и я вошла внутрь, сожалея, что не испытываю к нему тех же чувств.

ОДИННАДЦАТЬ

— Тебе понадобится что-нибудь из одежды? — спросила Лисса.

— А?

Я скользнула по ней взглядом. Мы ждали начала урока славянского искусства мистера Надя, и я прислушивалась к тому, как Мия в разговоре с одной из подруг категорически опровергает слухи о своих родителях.

— Никакие они не слуги! — явно расстроенная, воскликнула она, попытавшись придать лицу высокомерное выражение. — Практически они советники. Дроздовы ничего не решают без них.

Я с трудом подавила смех, а Лисса покачала головой.

— Слишком уж ты радуешься по этому поводу.

— Потому что есть чему радоваться... О чём ты только что спросила меня?

Я рылась в своей сумке, ища губную помаду. И состроила гримасу, найдя её. Там почти ничего не осталось. И где мне раздобыть новую?

— Я спросила, понадобится ли тебе что-нибудь из одежды сегодня вечером, — ответила Лисса.

— Ну да, конечно. Только ведь из твоего мне ничего не подходит.

— И что ты собираешься делать?

Я пожала плечами.

— Импровизировать, как всегда. Меня, в общем-то, это мало волнует.

Я просто рада, что Кирова разрешила мне пойти.

Сегодня вечером у нас ожидалось собрание. Было 1 ноября, День всех святых, — кроме всего прочего это событие означало, что нас вернули в школу почти месяц назад. Сама королева Татьяна со своим эскортом прибывала в школу. Честно говоря, это меня не волновало. Она и прежде посещала Академию, дело обычное и не такое уж впечатляющее. Кроме того, пожив среди людей и избираемых лидеров, я была невысокого мнения о королевской власти. Тем не менее мне тоже позволили пойти — потому что там должны присутствовать все. Скромный шанс не торчать взаперти в своей комнате, а для разнообразия пообщаться с разными людьми. Глоток свободы вполне стоил того, чтобы вытерпеть скучные речи.

После школы я не стала, как обычно, задерживаться, чтобы поболтать с Лиссой. Дмитрий выполнил свое обещание относительно дополнительных тренировок, а я старалась выполнять свое. Теперь я имела два часа дополнительных тренировок с ним — один до школы, другой

после нее.

Чем больше я наблюдала за ним, тем лучше понимала, чему он обязан своей репутацией крутого парня и одновременно бога. Он, совершенно очевидно, много знал — даром, что ли, у него шесть знаков молнии? — и я сгорала от желания, чтобы он научил меня всему, что знал сам.

Явившись в гимнастический зал, я обнаружила его одетым вместо обычных джинсов в футболку и свободные штаны, что смотрелось очень даже хорошо. По-настоящему хорошо.

«Хватит плятиться!» — тут же приказала я себе.

Он поставил меня напротив себя на мате и скрестил на груди руки.

— С какой первой проблемой ты столкнешься, если окажешься лицом к лицу со стригоем?

— Он бессмертный!

— Нет, есть вещи более фундаментальные. Более фундаментальные, чем бессмертие?

Я задумалась.

— Ну, он будет крупнее меня. И сильнее. Большинство стригоев — если они прежде не были людьми — имели тот же рост, что и их родственники-морои. Они также превосходили дампиров силой, рефлексами и остротой восприятия. Вот почему стражей обучали так жестко. Кривая эффективности обучения^[7] была призвана компенсировать то, чего нам недоставало.

Дмитрий кивнул.

— Все это создает трудности, да, но не непреодолимые препятствия. Можно использовать лишний рост и вес противника против него же.

Он повернулся и продемонстрировал несколько приемов, показывая, как надо двигаться и наносить удары. Постоянно повторяя за ним движения, я начала понимать, почему во время групповых занятий меня регулярно побеждают. Я быстро усваивала его технику и не могла дождаться случая реально использовать ее. Ближе к концу занятия он дал мне возможность проявить себя.

— Давай, — сказал он. — Попробуй нанести мне удар.

Мне не нужно было повторять дважды. Я ринулась вперед, попыталась ударить его, однако удар был молниеносно блокирован, а сама я оказалась лежащей на мате. По всему телу растекалась боль, но, не желая поддаваться ей, я вскочила, рассчитывая застать его врасплох. Увы.

Последовало еще несколько столь же безуспешных попыток, после чего я вскинула руки, прося передышки.

— Хорошо, что я делаю неправильно?

— Ничего.

Его ответ не убедил меня.

— Нет, я что-то делаю неправильно, а иначе ты уже лежал бы без сознания.

— Вряд ли. Все твои движения точны, но для тебя это первая реальная попытка, а я занимаюсь этим годами.

Я покачала головой и закатила глаза — ох уж эта его манера «я старше и мудрее»! Однажды он сказал мне, что ему двадцать четыре.

— Как скажешь, дедушка. Можно еще разок попробовать?

— Время истекает. Тебе разве не нужно подготовиться?

Я посмотрела на пыльные часы на стене и воспрянула духом. Вот-вот должен начаться банкет. От этой мысли только что не закружилась голова. Я почувствовала себя Золушкой, правда, без ее нарядов.

— Черт! Да, нужно.

Он пошел к выходу впереди меня, и я подумала, что не могу упустить такую возможность. Прыгну ему на спину, в точности как он меня учил. Элемент неожиданности, безусловно, должен сработать в мою пользу. Он даже не заметит моего приближения.

Однако не успела я коснуться его, как он с невероятной быстротой развернулся, одним текучим движением схватил меня, словно я не весила ничего, бросил на землю и пригвоздил к ней.

Я застонала.

— Я все сделала правильно!

Он взял меня за руки, глядя в глаза, но не с тем серьезным выражением, как во время урока. Казалось, случившееся забавляет его.

— Тебя выдало что-то вроде боевого клича. В следующий раз постарайся не кричать.

— Разве что-нибудь изменилось бы, если бы я молчала?

Он задумался.

— Нет. Скорее всего, нет.

Я громко вздохнула, однако на самом деле настроение у меня было слишком хорошее, чтобы позволить этой неудаче испортить его. Все-таки здорово иметь такого наставника, перед которым никто не устоит, да еще когда он выше тебя на фут и значительно тяжелее. И это уж не говоря о его силе. Он не был громоздким, его тело представляло собой сплетение жестких, лишенных жира мышц. Если когда-нибудь я смогу победить его, то мне никто не страшен.

Внезапно я осознала, что он все еще прижимает меня к полу, держа за запястья очень теплыми пальцами. Его лицо всего в нескольких дюймах

нависало на моим, бедра и туловище прижаты ко мне, длинные темные волосы свисали по сторонам лица. У него сделался такой вид, словно он только сейчас по-настоящему заметил меня, — почти как тем вечером в комнате отдыха. И господи, как же хорошо от него пахло! У меня перехватило дыхание, и вовсе не потому, что я устала или легкие были сдавлены.

Я отдала бы что угодно за то, чтобы узнать, о чем он думает. С того вечера в комнате отдыха я не раз ловила его на том, что он разглядывает меня с тем же самым вдумчивым выражением. Во время тренировок он обычно так не поступал — дело, что ни говори. Но вот перед или после них он иногда немного смягчался и рассматривал меня как бы почти с восхищением. А временами, в случае очень, очень большой удачи, даже улыбался мне. Настоящей улыбкой, не той суховато-холодной, которая сопровождала наш частый обмен саркастическими замечаниями. Я не признавалась в этом никому — ни Лиссе, ни даже себе самой, — но бывали дни, когда я жила ради такой улыбки. Она освещала его лицо. Потрясающий мужик, ничего не скажешь, но слово гораздо беднее производимого им впечатления.

Надеясь, что выгляжу спокойной, я лихорадочно соображала, о чем бы таком заговорить — профессиональном, имеющем отношение к стражам. Однако вместе этого спросила глупость:

— Ты хочешь... мmm... ты хочешь показать мне еще какой-то прием?

Его губы изогнулись, и на мгновение мелькнула мысль, что сейчас я увижу одну из тех самых улыбок. Сердце подскочило. Потом с видимым усилием он загнал улыбку обратно и снова стал прежним суровым наставником. Отпустил меня, наклонился назад и встал.

— Пошли. Нам пора.

Я тоже встала и вслед за ним вышла из зала. Он ни разу не оглянулся, а я, идя в свою комнату, мысленно кляла себя на чем свет стоит. Я втрескалась в своего наставника. Втрескалась в наставника, который намного старше меня. Я, должно быть, из ума выжила. Между нами семь лет разницы! Он достаточно стар, чтобы быть моим... ну, ладно, проехали. И все же семь лет — это много. Когда я появилась на свет, он уже учился писать. А когда я learned to write and was reading books in the teacher's office, he, скорее всего, целовался с девочками. Скорее всего, со многими девочками, учитывая, как он выглядит.

Сейчас я меньше всего нуждалась в сложностях такого рода.

* * *

В своей комнате я нашла сносный свитер, быстро приняла душ, оделась и через весь кампус отправилась на прием. Несмотря на неприступные каменные стены, причудливые статуи и орудийные башни по углам зданий, внутри Академии все было устроено очень даже современно. У нас имелись лампы дневного света, Wi-Fi и разные технологические прибамбасы, какие только можно вообразить.

Столовая сильно напоминала кафетерии, в которых мы ели в Портленде и Чикаго, — с простыми четырехугольными столиками, темно-серыми стенами и небольшой соседней комнаткой, где раскладывали нашу сомнительно приготовленную еду. Стремясь украсить стены, их увешали черно-белыми фотографиями в рамках, но лично я не воспринимала изображения дурацких ваз и лишенных листьев деревьев как «произведения искусства».

Сегодня вечером, однако, кто-то ухитрился превратить нашу обычно скучную столовую в настоящий обеденный зал, как в ресторане. Повсюду стояли вазы с кроваво-красными розами и изящными белыми лилиями. Мерцали свечи. Скатерти были — вы только гляньте! — из алой льняной ткани. Эффект получился потрясающий. Просто не верилось, что именно здесь я обычно уплетала сэндвичи с цыпленком. Зал выглядел вполне подходящим для... ну, для королевы.

Столики расставили ровными рядами, образуя посреди зала проход. Места распределили заранее, и, естественно, я никак не могла оказаться рядом с Лиссой. Она сидела впереди с остальными мороями, я сзади, с новичками. Но она заметила меня, когда я входила, и улыбнулась. На ней было платье Натальи — голубое, шелковое, без бретелек, — которое очень гармонировало с ее бледной кожей. И откуда только у Натальи взялась такая прелесть? Мой свитер сразу же потерял несколько очков.

Эти официальные банкеты всегда проходили одинаково. В передней части зала на помосте стоял главный стол, чтобы все мы могли, охая и ахая, созерцать, как королева Татьяна и сопровождающие ее королевские особы обедают. Стражи выстроились вдоль стен, застывшие и чопорные, словно статуи. Среди них стоял и Дмитрий, и странное чувство зашевелилось во мне, когда я вспомнила, что случилось в гимнастическом зале. Он глядел прямо перед собой, сфокусировав взгляд как бы на всем сразу и ни на чем конкретно.

Наконец пришло время появления королевских особ. Мы все встали в

знак уважения и смотрели, как они идут по проходу. Я узнала некоторых, в основном тех, чьи дети учились в Академии. Среди них выделялся Виктор Дашков, он шел медленно, опираясь на трость. И хотя мне было приятно видеть его, я непроизвольно съежилась, глядя, с каким мучительным трудом он преодолевает расстояние от входа до передней части зала.

Как только все они прошествовали, в зал вошли четыре важных стражи в полосатых черно-красных куртках. Все, кроме стражей вдоль стен, опустились на колени, демонстрируя свою преданность. Глупость ужасная.

«Сколько здесь показного и церемониального», — подумала я со скучкой.

Монарх-морой избирается предыдущим монархом из членов королевских семей. Король (или королева) лишен права избирать кого-то из своих прямых потомков, а совет придворных и королевских семей может оспорить монарший выбор, если для этого имеется достаточно оснований. Правда, такого почти никогда не происходит.

Королева Татьяна, в алом шелковом платье и таком же жакете, шла вслед за своими стражами. Ей было немного за шестьдесят, темные с проседью волосы острижены до уровня подбородка и украшены тиарой вроде короны Мисс Америки. Сопровождали ее еще четыре стража. Она шла медленно, словно прогуливаясь, хотя секцию новичков миновала довольно быстро, время от времени кивая и улыбаясь. Может, дампиры всего лишь наполовину люди, незаконнорожденные дети мороев, но мы посвятили свою жизнь их защите и ради этого проходим специальное, очень нелегкое обучение. Весьма вероятно, что многие из присутствующих здесь умрут молодыми, и за это королева должна выказать им свое уважение.

В секции мороев она замедлила шаги и даже заговорила с несколькими учениками. Очень важно, чтобы тебя узнавали, — в основном это признак того, что твои родители в хороших отношениях с королевой. Естественно, максимум внимания достался королевским особам. Ничего интересного она им, впрочем, не говорила, просто несколько добрых слов.

— Василиса Драгомир.

Мой подбородок непроизвольно вздернулся, благодаря нашей с Лиссой связи в меня проникло чувство тревоги. Нарушая протокол, я покинула свое место и подобралась поближе, чтобы лучше видеть. Впрочем, я понимала, что никто не заметит меня сейчас, когда сама королева выделила среди прочих последнюю из Драгомиров. Все сгорали от желания услышать, что королева имеет сказать принцессе-беглянке.

— Мы слышали о твоем возвращении. И рады присутствию

Драгомиров, пусть и в единственном числе. Мы глубоко сожалеем о гибели твоих родителей и брата. Они были достойнейшими мороями, и их смерть подлинная трагедия.

Я никогда не понимала королевского «мы», но в остальном все звучало хорошо.

— У тебя интересное имя, — продолжала королева. — Многие героини русских сказок носят имя Василиса. Василиса Храбрая, Василиса Прекрасная. Молодые женщины, наделенные выдающимися качествами: силой, умом, строгим понятием о дисциплине, мужеством. Они совершали великие деяния, триумфально побеждали своих противников. Аналогичным образом фамилия Драгомир вызывает не меньшее уважение. Короли и королевы из рода Драгомиров правили мудро и справедливо. Они использовали свою власть для совершения поразительных дел. Убивали стригоев, сражаясь бок о бок со своими стражами. Они по праву принадлежали к королевскому роду.

Она помолчала, давая всем возможность осознать значительность своих слов. Я чувствовала, как меняется настроение в зале — и как Лисса начинает излучать удивление и осторожное удовольствие. Эта речь, без сомнения, нарушит установившуюся в нашем обществе расстановку сил. Наверняка уже завтра Лиссу начнут осаждать восторженные поклонники.

— Да, — продолжала Татьяна, — ты дважды помечена властью. Твои имя и фамилия символизируют прекраснейшие качества. — Она снова помолчала. — Но, как ты нам продемонстрировала, имя не делает человека. Оно даже не оказывает воздействия на то, как человек себя ведет.

И после этой словесной пощечины она отвернулась и продолжила свой путь.

Все были в шоке. Я обдумала и тут же отбросила мысль о том, чтобы выскочить в проход и напасть на королеву. Не успею я сделать и пяти шагов, как ее стражи пригвоздят меня к полу. Оставалось одно — что я и сделала: терпеливо дожидаться конца обеда, все время ощущая ужасную подавленность Лиссы.

Когда началась послеобеденная часть приема, она, не замечая никого вокруг, прямиком устремилась к выходу. Я за ней, хотя чуть-чуть отсталла, поскольку стремилась избегать разбившихся на группки, оживленно переговаривающихся людей.

Выйдя наружу, она пошла в соседний двор, под стать величественному внешнему стилю Академии. Резная деревянная крыша прикрывала сад. В ней были проделаны небольшие отверстия, они пропускали свет, но не в той мере, чтобы причинить вред мороям. Лишенные листьев в преддверии

зимы, деревья тянулись рядами по краю двора и вдоль дорожек, ведущих к другим садам, дворикам и основному внутреннему двору. В углу раскинулось озеро, осушенное в ожидании зимы, а над ним возвышалась впечатляющая статуя самого святого Владимира. Вырезанный из серого камня, он стоял в длинном ниспадающем одеянии; у него были борода и усы.

Свернув за угол, я остановилась, увидев, что Наталья раньше меня догнала Лиссу. Сначала я хотела прервать их разговор, но потом отступила назад, прежде чем они заметили меня. Может, шпионить и нехорошо, но мною внезапно овладело любопытство — что такого Наталья собирается сказать Лиссе?

— Ей не следовало так говорить, — стрекотала Наталья.

На ней было желтое платье, покроем напоминающее то, что на Лиссе, но на Наталье оно сидело гораздо хуже — ей не хватало грации и манеры держать себя. Кроме того, желтый цвет ей совсем не шел. Он резко контрастировал с черными волосами, которые она зачесала наверх и уложила в смеящий набок пучок.

— Это было неправильно. Не расстраивайся.

— Теперь уже поздно давать такой совет.

Взгляд Лиссы был неотрывно прикован к каменной дорожке под ногами.

— Она не права.

— Нет, права! — воскликнула Лисса. — Мои родители... и Андрей... возненавидели бы меня за то, что я сделала.

— Нет, нет, что ты, — мягко уговаривала ее Наталья.

— Это было глупо — убегать. Безответственно.

— Ну и что? Ты совершила ошибку. Лично я все время совершаю ошибки. Иногда я делаю домашнее задание, и это должна быть глава десять, а на самом деле я читаю главу одиннадцать... — Наталья оборвала себя и, проявив редкое для нее самообладание, снова вернулась к теме: — Люди меняются. Мы все время меняемся, правда? Теперь ты не та, какой была тогда. И я не та, какой была тогда.

На самом деле лично мне Наталья казалась в точности такой же, но теперь это не имело особого значения. Она выросла в моих глазах.

— Кроме того, — продолжала она, — может, твой побег вовсе и не ошибка? Ты же поступила так не без причины. Он ведь тебе что-то дал. Тут с тобой произошло так много всего плохого... с родителями и братом. В смысле, может, ты как раз правильно поступила.

Лисса постаралась скрыть улыбку. И она, и я прекрасно понимали, что

Наталья, действуя исподтишка, не упускает случая вызнать, почему мы сбежали, — как и все остальные в школе.

— Не знаю, правильно или нет, — ответила Лисса. — Я проявила слабость. Вот Андрей не сбежал бы. Он был такой хороший. Во всем хороший. Ладил с людьми, в этой королевской чепухе участвовал.

— Ты тоже умеешь.

— Наверно. Но мне не нравится. В смысле, мне нравятся люди... но по большей части то, что они делают, сплошное притворство. Вот что мне не нравится.

— Ну и что плохого, что ты в этом не участвуешь? — сказала Наталья. — Я тоже не общаюсь с этими людьми, и посмотри на меня. Со мной все прекрасно. Папа говорит, его не волнует, дружу я с королевскими детьми или нет. Он хочет лишь, чтобы я была счастлива.

— И вот именно поэтому, — заявила я, в конце концов выйдя к ним, — должен был править он, а не эта сучка. У него украли трон.

Наталья подскочила чуть не на десять футов. Полагаю, набор ее ругательств не простирался дальше «черт возьми» и «проклятье».

— А я все думаю, где ты, — сказала Лисса.

Наталья перевела взгляд с нее на меня и обратно. Внезапно у нее сделался такой вид, будто она чувствует неловкость, затесавшись в команду мечты под названием «лучшие подруги». Переминаясь с ноги на ногу, она заправила за ухо выбившиеся волосы.

— Ну... Я должна отыскать папу. Увидимся в зале.

— Конечно, — ответила Лисса. — И спасибо тебе.

Наталья упорхнула.

— Она правда называет его папой?

Лисса стрельнула в меня взглядом.

— Оставь ее в покое. Она славная.

— Это правда. Я слышала, что она говорила, и, хотя мне противно в этом признаваться, ни одно слово не вызвало у меня желания повеселиться на ее счет. Она сказала чистую правду. — Я помолчала. — Знаешь, я убью ее. Королеву, не Наталью. Обведу вокруг пальца стражей. Это ей так не пройдет.

— Господи, Роза! Даже не говори такого! Тебя арестуют за измену. Пусть уж все так и остается.

— Так и остается? После того, что она тебе наговорила? Перед всеми?

Она не отвечала и даже не смотрела на меня, рассеянно играя веткой впавшего в зимнюю спячку куста. Она выглядела ужасно ранимой — хорошо знакомое мне зрелище, которого я так боялась.

— Эй! Не смотри так. Она не понимает, о чем говорит. Не позволяй пустым словам так сильно угнетать себя. И не делай чего не должна.

Она подняла на меня взгляд.

— Это может снова произойти? — прошептала она.

Ее рука, все еще сжимавшая ветку, дрожала.

— Нет, если ты не допустишь. — Я постаралась незаметно взглянуть на ее запястья. — Ты не?..

— Нет. — Она покачала головой, смаргивая слезы. — Я не хочу делать этого. Я расстроилась после истории с лисой, но тогда все обошлось. Мне нравится ни во что не ввязываться. Мне недостает нашего с тобой общения, но в остальном все в порядке. Мне нравится...

Она замолчала, я почти слышала, как слово всплывает в ее сознании.

— Кристиан.

— Ну зачем ты так? — с укором спросила она.

— Извини. Нужно ли мне еще раз провести с тобой беседу на тему «Кристиан — психопат и ничтожество»?

— Думаю, я все запомнила после десяти раз, — пробормотала она.

Я тем не менее решила, что одиннадцатый не помешает, однако в этот момент услышала смех и цоканье по камню высоких каблуков. К нам приближалась Мия, в сопровождении своих друзей, но без Аарона. Мои защитные рефлексы сработали мгновенно.

Внутренне Лисса все еще была потрясена словами королевы. Печаль и унижение обуревали ее. Она в растерянности — что другие теперь должны думать о ней? И продолжала терзаться мыслью, будто родные возненавидели бы ее за побег. Лично я так не думала, но чувствовала, что мрачные эмоции по-прежнему не отпускают ее. Она вовсе не была в порядке, вопреки ее недавним словам, и я беспокоилась, что она может сделать что-нибудь безрассудное. Меньше всего ей сейчас требовалась встреча с Мией.

— Что тебе надо? — требовательно спросила я. Игнорируя меня, Мия высокомерно улыбнулась Лиссе и сделала несколько шагов вперед.

— Просто захотелось узнать, каково это — быть такой важной, принадлежать к королевской семье. Ты, наверно, в восторге от того, что королева сказала тебе.

Сопровождающие захихикали.

— Ты подошла слишком близко. — Я встала между ними, и Мия чуть-чуть вздрогнула, наверно все еще опасалась, что я могу сломать ей руку. — И еще! Королева, по крайней мере, знает ее имя, чего не скажешь о тебе, сколько бы ты ни пыжилась стать вровень с королевскими особами. Или о

твоих родителях.

Я видела, как больно ей это слышать. Господи, она так сильно хотела принадлежать к королевской семье.

— Я, по крайней мере, вижусь со своими родителями, — парировала она. — Я, по крайней мере, знаю, кто они такие. А кто твой отец, знает один Бог! А твоя мамочка — одна из самых знаменитых стражей, но на тебя ей плевать. Все знают, что она никогда не приезжает к тебе. Думаю, она обрадовалась, когда ты сбежала. Если вообще заметила это.

Это было обидно. Я стиснула зубы.

— Ага, ну, по крайней мере, она знаменита. Она на самом деле дает советы королевским особам и дворянам, а не убирает за ними.

Одна из подружек Мии захихикала у нее за спиной. Мия открыла рот, без сомнения собираясь обрушить на меня возражения, которые накапливалась с тех пор, как поползли слухи о ее родителях, когда внезапно до нее наконец дошло.

— Это все ты! — воскликнула она, широко распахнув глаза. — Говорят, эти слухи распустил Джесси, но он не мог ничего знать обо мне. Он узнал от тебя. Когда ты спала с ним.

Теперь она уже по-настоящему достала меня.

— Я не спала с ним.

Мия кивнула на Лиссу и снова злобно уставилась на меня.

— Что же выходит? Ты делаешь грязную работу за нее, потому что она слишком нежная, чтобы делать ее самой? Учи, ты не всегда сможешь защитить ее. Ты тоже не в безопасности.

Пустые угрозы. Я наклонилась вперед, постаравшись придать голосу как можно более зловещее звучание. В моем тогдашнем настроении это было нетрудно.

— Правда? Ну, проверь. Прикоснись ко мне и посмотри, что получится.

Я надеялась, что она так и сделает. Я хотела этого! Вовсе ни к чему, чтобы она со своей вендеттой постоянно осложняла нам жизнь. Она вносила в нее ненужное напряжение... и, господи, как же мне хотелось врезать ей прямо сейчас!

Глянув в сторону, я увидела, как в сад входит Дмитрий, взглядом отыскивая... кого-то. И я почти не сомневалась, кого именно. Увидев меня, он зашагал в нашу сторону, но тут заметил собравшуюся вокруг толпу. Стражи способны учゅятьссору на расстоянии мили, а этуссору мог бы учゅять даже какой-нибудь шестилетка.

Дмитрий встал рядом со мной, скрестив на груди руки.

— Все в порядке?

— Конечно, страж Беликов. — Я улыбнулась, хотя на самом деле была в ярости. Столкновение с Миеей лишь усугубило состояние Лиссы. — Мы просто рассказывали друг другу семейные истории. Вы когда-нибудь слышали историю Мии? Она очаровательна.

— Пошли, — сказала Мия своим приятелям и увела их, одарив меня на прощание еще одним испепеляющим взглядом.

Мне не требовалось читать ее мысли, чтобы понять, что он выражал. Это не конец. Она попытается отомстить одной из нас или обеим. Прекрасно. Вперед, Мия.

— Я разыскивал тебя, чтобы отвести в твой корпус, — сухо сказал Дмитрий. — Ты ведь не собирались только что затеять драку?

— Конечно нет, — ответила я, все еще глядя на дверной проем, сквозь который только что прошла Мия. — Я не затеваю драк в людных местах.

— Роза... — простонала Лисса.

— Пошли. Доброй ночи, принцесса.

Я, однако, не двинулась с места.

— Ты справишься, Лисс?

Она кивнула.

— Я в порядке.

Это была явная ложь! Просто не верилось, что у нее хватает духу пытаться провести меня. Я видела слезы в ее глазах.

«Не нужно нам было сюда возвращаться», — уныло подумала я.

— Лисс...

Она улыбнулась мне, коротко, печально, и кивнула в сторону Дмитрия.

— Говорю же, я в порядке. А тебе и впрямь пора идти.

Я неохотно последовала за ним. Он повел меня в другой конец двора.

— Возможно, нам требуются дополнительные занятия по самообладанию, — заметил он.

— С самообладанием у меня все...

Я не договорила, увидев Кристиана, прошедшего мимо нас в ту сторону, откуда двигались мы. Я не видела его на приеме, но если Кирова позволила мне пойти, наверно, он тоже был там.

— Хочешь увидеться с Лиссой? — спросила я. Злость, предназначавшаяся Мие, теперь переключилась на него.

Сунув руки в карманы, он одарил меня взглядом плохого мальчика, которому на все плевать.

— Ну и что, если так?

— Роза, сейчас не время, — сказал Дмитрий.

Но по моим понятиям, сейчас было самое время. Лисса уже не одну неделю пренебрегала моими предостережениями относительно Кристиана. И сейчас было самое время обратиться непосредственно к первоисточнику и прекратить их нелепый флирт раз и навсегда.

— Почему бы тебе просто не оставить ее в покое? Ты настолько жаждешь внимания и не ориентируешься в реальном мире, что не в состоянии понять, что человек терпеть тебя не может?

Он нахмурился.

— Ты просто преследующий ее псих, и она понимает это. Она рассказывала мне о твоей нелепой одержимости — как ты всегда подлавливаешь ее на чердаке, как поджег Ральфа, чтобы произвести на нее впечатление. Она считает тебя ненормальным, просто слишком тактична, чтобы прямо так и заявить.

Он побледнел, в глазах вспыхнули мрачные огоньки.

— А ты, значит, не слишком тактична?

— Нет — когда сталкиваюсь с кем-то, достойным сожаления.

— Хватит.

Дмитрий подтолкнул меня дальше.

— В таком случае спасибо за «помощь», — злобно огрызнулся Кристиан.

— Всегда пожалуйста.

Когда мы отошли на некоторое расстояние, я украдкой оглянулась. Кристиан с задумчивым, унылым видом стоял у границы сада, глядя на тропинку, которая вела к Лиссе. Спустя несколько мгновений он развернулся и зашагал обратно к жилому корпусу мороев.

ДВЕНАДЦАТЬ

Этой ночью я долго ворочалась и металась, прежде чем наконец сон пришел ко мне.

Примерно час спустя я села на постели, стараясь расслабиться и разобраться в нахлынувших на меня эмоциях. Лисса. Испуганная и расстроенная. В очень неуравновешенном состоянии. Вечерние события снова промелькнули перед моим внутренним взором. Королева унижает ее. Мия. Может, даже Кристиан — он вполне мог все же найти ее. Было из-за чего расстраиваться.

Тем не менее... сейчас ее волновало что-то другое, скрытое глубоко внутри, что-то ужасно скверное. Я выбралась из постели и торопливо оделась, обдумывая, какие у меня есть варианты. Сейчас моя комната была на третьем этаже — слишком высоко для спуска по стене, в особенности учитывая, что на этот раз госпожи Карп нет и, значит, подлечить меня некому. Через основной вестибюль мне в жизни не выбраться. Оставалось одно.

— И куда, интересно, ты направляешься?

Надзирательница, дежурившая в коридоре, подняла на меня взгляд. Она сидела на посту в самом, конце коридора, около лестницы. Днем лестницу никто не охранял, ночью же мы с тем же успехом могли пребывать в тюрьме.

Я скрестила на груди руки.

— Мне необходимо увидеться с Дми... со стражем Беликовым.

— Сейчас поздно.

— Это аварийная ситуация.

Она оглядела меня сверху донизу.

— По-моему, с тобой все в порядке.

— Вы можете завтра нарваться на большие неприятности, когда выяснится, что вы помешали мне сообщить о том, что я узнала.

— Расскажи мне.

— Это касается только стражей.

Я вперила в нее свой самый твердый взгляд. Видимо, сработало, потому что она в конце концов поднялась и вытащила сотовый телефон. И поговорила с кем-то — с Дмитрием, я надеялась, — но так тихо, что я ничего не рассышала. Спустя несколько минут открылась дверь на лестницу и появился Дмитрий, полностью одетый, настороженный, хотя,

можно не сомневаться, я вытащила его из постели.

— Лисса, — сказал он, бросив на меня один-единственный взгляд.

Я кивнула.

Без единого слова он развернулся и начал спускаться по лестнице, я за ним. Мы в молчании пересекли внутренний двор, направляясь к спальному корпусу мороев. Для вампиров это была «ночь», то есть для всего остального мира белый день. Полуденное солнце сияло холодным, золотистым светом. Человеческие гены во мне порадовались ему; как всегда, возникло сожаление, что из-за повышенной чувствительности мороев к свету мы вынуждены жить большую часть времени во тьме.

Надзирательница в коридоре Лиссы удивленно открыла рот при виде нас, но остановить Дмитрия не посмела.

— Она в ванной, — сказала я. Надзирательница ринулась следом за мной, но я остановила ее. — Она слишком расстроена. Дайте мне сначала одной поговорить с ней.

Дмитрий обдумал мои слова.

— Хорошо. Даем вам минуту.

Я вошла в помещение ванной.

— Лисс?

Изнутри послышался негромкий звук, похожий на рыдание. Я миновала пять кабинок для купания, прежде чем обнаружила одну запертую.

— Впусти меня, — попросила я, стараясь говорить уверенно и спокойно.

Послышалось сопение, и спустя несколько мгновений дверь открылась. К чему, к чему, а к увиденному я совсем не была готова. Лисса стояла передо мной...

...залитая кровью.

Охваченная ужасом, я вскрикнула и чуть не позвала на помощь, но, приглядевшись внимательней, обнаружила, что кровь в основном не ее. Она выглядела так, как будто испачкала в ней руки, а потом, потерев лицо, и его тоже. Она осела на пол, и я рядом с ней, на коленях.

— Как ты? — прошептала я. — Что случилось?

Она лишь покачала головой, но из глаз снова полились слезы и лицо сморщилось. Я взяла ее руки в свои.

— Вставай. Давай я помогу тебе умыться...

Я смолкла. Нет, там все же была и ее кровь. Запястья пересекали ровные линии, не в тех местах, где проходили ключевые вены, но тем не менее по коже бежали красные ручейки. Она не стремилась перерезать

вены, не стремилась истечь кровью. Наши взгляды встретились.

— Прости... Я не хотела... Пожалуйста, не говори никому... — Она разрыдалась. — У меня крыша поехала, когда я увидела это. Я была так расстроена, что просто не сумела сдержать себя... — Она кивнула на запястья.

— Ладно, — ответила я чисто автоматически, недоумевая по поводу того, что за «это» она имела в виду. — Вставай.

В дверь постучали.

— Роза?

— Еще секундочку! — отозвалась я. Подвела Лиссу к раковине, смыла кровь с ее запястий. Достала «аптечку» и торопливо наклеила на порезы лейкопластырь. Кровь уже текла еле-еле.

— Мы входим, — заявила надзирательница. Я сдернула с себя рубашку, отдала Лиссе, и она только-только успела натянуть ее, как вошли Дмитрий и надзирательница. Он мгновенно оказался рядом с нами, и только тут до меня дошло, что, стремясь скрыть порезы Лиссы, я забыла про кровь на ее лице.

— Это не моя, — быстро объяснила она, заметив выражение его лица. — Это... Это кролика...

Дмитрий внимательно оглядел ее, и я от всей души надеялась, что он не станет задерживаться взглядом на запястьях. Не заметив никаких зияющих ран, он спросил:

— Какого кролика?

Этот вопрос вертелся и у меня на языке. Трясущейся рукой она указала на мусорную урну.

— Я выбросила его. Не хотела, чтобы Наталья увидела.

Мы с Дмитрием одновременно подошли к урне и заглянули в нее. Я тут же отпрянула, с трудом сдержав позыв к рвоте. Непонятно, как Лисса поняла, что это кролик. Я видела только кровь. Кровь и пропитанные кровью бумажные полотенца. Ну, еще кровавые ошметки чего-то, что я не смогла идентифицировать. Запах был ужасающий.

Дмитрий вернулся к Лиссе и наклонился к ней.

— Расскажи, что произошло, — попросил он, протягивая ей бумажные носовые платки.

— Я вернулась примерно час назад. И он был там. Прямо посреди пола. Разодранный на части. Как будто он... взорвался. — Она шмыгнула носом. — Я не хотела, чтобы Наталья нашла его, не хотела ее пугать... ну и... выбросила его. А потом просто не могла... Не могла вернуться туда...

Ее плечи задрожали, и она заплакала.

Остальное — то, о чем она не рассказала Дмитрию, — я вычислила без труда. Она нашла кролика, выбросила его и пришла в такое состояние, что порезала себе запястья, таков был ее дикий способ справляться с горестями.

— Никто не может входить в эти комнаты! — воскликнула надзирательница. — Как такое произошло?

— Тебе известно, кто это сделал? — мягко спросил Дмитрий.

Лисса достала из кармана пижамы скомканный листок бумаги. Он так сильно пропитался кровью, что написанное читалось с трудом, хотя Дмитрий и разгладил его.

«Я знаю, кто ты такая. Здесь тебе не жить, уж поверь мне. Убирайся немедленно. Для тебя это единственный способ уцелеть».

Надзирательница пришла в шок, но быстро справилась с собой и ринулась к двери.

— Позову Эллен.

В первый момент я даже не сообразила, что речь идет о Кировой.

— Мы будем в больнице, — сказал Дмитрий и добавил, обращаясь к Лиссе: — Тебе нужно прилечь.

Она не двигалась. Я взяла ее под руку.

— Пошли, Лисс. Лучше уйти отсюда.

Медленно переставляя одну ногу перед другой, она позволила отвести себя в академическую больницу. Обычно там дежурили два доктора, но сейчас, по ночному времени, только медсестра. Она предложила разбудить кого-нибудь из докторов, но Дмитрий отказался.

— Ей просто нужно отдохнуть.

Не успела Лисса вытянуться на узкой постели, как Кирова и еще несколько человек ворвались внутрь и кинулись расспрашивать ее.

Я, однако, преградила им путь.

— Оставьте ее в покое! Неужели вы не понимаете, что она не хочет об этом говорить? Дайте ей сначала хоть немного поспать!

— Мисс Хэзевей, — заявила Кирова, — вы, как обычно, переходите границы. Мне даже непонятно, что вы вообще тут делаете.

Дмитрий спросил, можно ли поговорить с ней наедине, и увел ее в коридор. Я слышала, как там она сердито шептала что-то, а он спокойно и жестко отвечал ей, тоже шепотом. Когда они вернулись, она сурово объявила:

— Можете ненадолго остаться с ней. Уборщики наведут порядок и осмотрят все в вашей комнате и ванной, мисс Драгомир, а утром обсудим ситуацию в деталях.

— Не разбудите Наталью, — прошептала Лисса. — А то она испугается. Я уже все убрала в комнате.

Кирова с сомнением посмотрела на нее. Все направились к выходу, но прежде медсестра спросила, не хочет ли Лисса чего-нибудь поесть или выпить. Лисса отказалась. Когда мы остались одни, я легла рядом и обняла ее.

— Не бойся, они не узнают, — сказала я, чувствуя, что она беспокоится из-за запястий. — Однако жаль, что ты прежде не поговорила со мной, а ведь ты обещала мне это.

— У меня ничего подобного и на уме не было, — безучастно ответила она, глядя в пространство. — Клянусь! В смысле, я была расстроена после приема, но думала... думала, что сумею справиться. Я старалась, очень старалась... правда, Роза. Но потом пошла к себе в комнату, и увидела это, и... просто совсем запуталась. И я знала, что должна все убрать. Должна убрать, прежде чем все увидят, все узнают, но там было ужасно много крови... и потом, когда я все сделала, это оказалось слишком для меня... такое чувство, будто я вот-вот... не знаю... взорвусь, что ли, и я должна была выпустить всю мерзость из себя, понимаешь? Я должна была...

Я прервала ее истерику:

— Ладно, ладно, понимаю.

Хотя я солгала. Я никогда не понимала этой ее истории с порезами. После аварии она поступала так время от времени, и каждый раз это ужасно пугало меня. Она пыталась объяснить мне, что она вовсе не хотела умереть, а просто нуждалась в том, чтобы как-то избавиться от негатива. Эмоции оказывались настолько сильны, говорила она, что физическая боль казалась единственной отдушиной, единственным способом избавиться от внутренней боли. Только так она могла справиться с ней.

— Почему это происходит? — рыдала она в подушку. — Почему я такая уродина?

— Никакая ты не уродина.

— Ни с кем больше такого не случается. Никто больше не использует магию так, как я.

— Ты прибегла к магии, Лисс?

Молчание.

— Пыталась исцелить кролика?

— Просто протянула руку, чтобы посмотреть, не смогу ли я ему помочь, но было слишком много крови... и ничего не вышло.

«Чем больше она использует свои способности, тем хуже будет. Останови ее, Роза».

Лисса была права. Моройская магия может взвывать к огню и воде, двигать скалы и другие части земли. Но никто не может исцелять или возвращать животное к жизни после того, как оно перешло границу смерти. Никто, за исключением госпожи Карп.

«Останови ее, прежде чем они заметят. Увези ее отсюда».

Эта ее тайна чрезвычайно тяготила меня, главным образом потому, что я не знала, как с ней быть. Терпеть не могу чувствовать себя беспомощной. Я должна защитить ее от этого — и от нее самой. Но одновременно я должна защитить ее и от них.

— Нужно уходить отсюда, — резко сказала я.

— Роза...

— Это происходит снова. И даже еще хуже. Хуже, чем в прошлый раз.

— Тебя испугала записка.

— Не боюсь я никаких записок! Просто здесь небезопасно.

Внезапно я страстно затосковала по Портленду. Может, там грязнее и больше народу, чем в Монтане, но, по крайней мере, ты знаешь, чего ожидать, — не то что здесь. Здесь, в Академии, прошлое и настоящее сражаются друг с другом. Пусть тут прекрасные старые стены и сады, однако современный мир медленно, но верно просачивается внутрь, и люди не умеют справляться с ним. Все очень похоже на то, что происходит с самими мороями. Внешне действует архаичная система власти королевских семей, однако в людях нарастает недовольство. Дампиры хотят жить более полноценной жизнью. Морои типа Кристиана тоже хотят сражаться со стригоями. Королевские семьи по-прежнему цепляются за традиции, навязывают свою власть всем остальным — в точности как искусно выкованные железные ворота Академии якобы демонстрируют традиции и несокрушимость.

И эти секреты и непрерывная ложь! Они шмыгают по коридорам, прячутся в углах. Кто-то здесь ненавидит Лиссу — кто-то, кто, скорее всего, в лицо улыбается ей и притворяется другом. Я не могу позволить им погубить ее.

— Тебе нужно немного поспать, — сказала я.

— Я не усну.

— Нет, уснешь. Я рядом. Ты будешь не одна.

Ее захлестывали тревога, страх и другие эмоции. И все же в итоге потребности тела взяли верх. Прошло немного времени, и ее глаза закрылись, дыхание стало ровным, эмоциональный фон начал стихать.

Мне самой было не до отдыха — так бурлил в крови адреналин. Примерно через час вернулась медсестра и сказала, что я должна уйти.

— Это невозможно, — ответила я. — Я обещала, что не оставлю ее одну.

Медсестра была высокая даже для моройки, с добрыми карими глазами.

— Я побуду с ней.

Я скептически смотрела на нее.

— Обещаю, — добавила она.

* * *

Вернувшись к себе, я почувствовала, что тоже полностью разбита, измотана страхом и волнением. На мгновение мне захотелось просто жить нормальной жизнью и иметь нормальную лучшую подругу. Однако я тут же выбросила эти мысли из головы. На самом деле никого вообще нельзя считать нормальным. И у меня никогда не было подруги лучше Лиссы... но, господи, временами бывает так трудно!

Я крепко проспала до утра. На первый урок пошла, чтобы проверить — а вдруг слух о произошедшем ночью уже распространился? Выяснилось, что разговоры о вчерашних событиях действительно велись, но, главным образом, о королеве и приеме. О кролике никто ничего не знал. Как ни трудно в это поверить, лично я почти забыла обо всех этих королевских штучках, они казались такими незначительными на фоне того, что рядом существует некто, устроивший в комнате Лиссы ужасный взрыв.

Тем не менее, по мере того как разворачивался день, я заметила кое-что странное. Люди перестали таращиться на Лиссу и переключились на меня. Плевать. Не обращая на них внимания, я порыскала вокруг и нашла Лиссу, которая как раз заканчивала «кормление». Всякий раз, когда я видела, как ее рот впивается в шею «кормильца», у меня возникало довольно странное чувство. Струйки крови стекали в горло Лиссы, выделяясь на фоне ее бледной кожи. «Кормилец», хоть и человек, был почти так же бледен, как морои, — из-за потери крови. Он ничего не замечал, погрузившись в кайф от укуса вампира. Почувствовав укол зависти, я решила, что пора лечиться.

— Как ты? — спросила позже, по дороге в класс. На ней была блузка с длинными рукавами, прикрывающими запястья.

— Ничего... Но я никак не могу перестать думать о кролике. Это было ужасно. Он так и стоит у меня перед глазами. И то, что я делала потом. — Она на мгновение зажмурилась, но тут же снова открыла глаза. — О нас

болтают.

— Знаю. Не обращай внимания.

— Ненавижу это! — возмущенно сказала она.

Волна мрачных чувств нахлынула на нее и благодаря нашей связи передалась дальше, ко мне. Моя лучшая подруга была беззаботной доброй девушки. Она не должна испытывать подобные чувства.

— Ненавижу все эти сплетни. Глупость ужасная. Почему все они такие поверхностные?

— Не обращай внимания, — успокаивающе повторила я. — Самое разумное — вообще держаться от них подальше.

Однако не обращать внимания становилось все труднее. Перешептывания и взгляды усиливались. На уроке поведения животных стало так плохо, что я не могла сосредоточиться даже на предмете, который сейчас нравился мне больше всего. Госпожа Мейснер рассказывала об эволюции, выживании сильнейших и о том, как животные инстинктивно ищут пару с хорошими генами. Рассказ увлек меня, но даже ей было все труднее вести урок, поскольку приходилось постоянно покрикивать на учеников, добиваясь их внимания и тишины.

— Что-то происходит, — сказала я Лиссе на перемене. — Не знаю что, но явно что-то новое.

— Что еще? Помимо того, что королева ненавидит меня. Что еще может быть?

— Хотелось бы мне знать.

События достигли своего апогея на последнем уроке, славянского искусства. Мы работали над индивидуальными проектами, и тут парень, которого я едва знала, сделал мне почти непристойное предложение. Я ответила на уровне — открытым текстом заявила ему, что он может с этим предложением сделать.

Он лишь рассмеялся.

— Брось, Роза. Я с удовольствием пущу тебе кровь.

Вокруг громко захихикали, и Мия бросила на нас насмешливый взгляд.

— Постойте-ка, это ведь Роза раздает свою кровь?

Снова смех, еще больше. И тут до меня дошло. Я толкнула Лиссу.

— Они знают.

— Знают что?

— О нас. О том, как ты... ну, как я «кормила» тебя, когда мы были в бегах.

Она удивленно открыла рот.

— Откуда?

— А ты как думаешь? От твоего дружка Кристиана.

— Нет, — категорично заявила она. — Он не стал бы болтать.

— А что, кто-нибудь еще знает?

Вера в Кристиана полыхала в ее глазах и эмоциях. Однако она не знала того, что знала я. Она не знала, как вчера вечером я обманула его, заставив поверить, что она его ненавидит. Какой непостоянный оказался парень! Выдать наш наиглавнейший секрет — ну, один из них — вполне адекватная месть. Может, и кролика он убил. В конце концов, это произошло спустя всего пару часов после нашего с ним разговора.

Не дожидалась ее протестов, я зашагала на другую сторону класса, туда, где сидел Кристиан, в полном одиночестве, как обычно. Лисса пошла следом за мной. Не заботясь о том, что нас видят, я наклонилась к нему так близко, что мое лицо оказалось всего в нескольких дюймах от его.

— Я убью тебя.

Его взгляд метнулся к Лиссе, слабая тень желания мелькнула в глазах, но лицо ту же приняло хмурое выражение.

— Почему? Разве это не добавляет чести стражу?

— Хватит выделяться, — совсем тихо сказала я. — Ты разболтал. Разболтал о том, как я «кормила» Лиссу.

— Скажи ей! — в отчаянии вмешалась Лисса. — Скажи, что она ошибается!

Кристиан перевел взгляд с меня на нее. Они уставились друг на друга, и я почувствовала такую мощную волну взаимного притяжения, что она, фигурально выражаясь, чуть не сбила меня с ног. Сердце Лиссы буквально таяло, и он испытывал по отношению к ней те же чувства, это было очевидно для меня, но не для Лиссы, поскольку он все еще смотрел на нее сердито.

— Можешь больше не притворяться, знаешь ли, — сказал он наконец.

Влечение растаяло, тон Кристиана вызвал у Лиссы ощущение потрясения и обиды.

— Я... что? В каком смысле... притворяться?

— Сама знаешь в каком. Просто прекрати. Не трудись зря.

Лисса смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых плескалась боль. Ей даже в голову не приходило, что я наехала на него вчера вечером. Тем более ей не приходило в голову, что он поверил, будто она терпеть его не может.

— Прекрати жалеть себя и объясни, что происходит! — рявкнула я. — Ты разболтал или нет?

Он вызывающе уставился на меня.

— Нет. Я этого не делал.

— Я тебе не верю.

— А я верю, — сказала Лисса.

— Понимаю, немыслимо поверить, будто такой урод, как я, может держать рот на замке — в особенности когда ты сама не можешь, — но у меня есть чем заняться, кроме как распускать дурацкие слухи. Хочешь найти виноватого? Обвиняй своего золотоволосого приятеля, вон того.

Я проследила за его взглядом и увидела Джесси и этого идиота Ральфа, смеющихся над чем-то.

— Джесси не знает, — с вызовом сказала Лисса. Взгляд Кристиана вернулся ко мне.

— Выходит, что знает. Правда, Роза?

Всякое высокомерие слетело с меня. Да, Джесси знал. Догадался той ночью в комнате отдыха.

— Не думаю... Не думаю, что он станет болтать. Для этого он слишком боится Дмитрия.

— Ты рассказала ему? — воскликнула Лисса.

— Нет, он сам вычислил.

Меня буквально затошило.

— Похоже, это была не просто догадка, — пробормотал Кристиан.

Я повернулась к нему.

— Как это понимать?

— А то ты не знаешь.

— Глянусь Господом, Кристиан, после урока я сверну тебе шею.

— Слушай, ты и впрямь психованная. — На его губах все еще играла усмешка, глаза сверкали от злости, но в голосе звучал оттенок неловкости. — Он, типа, уточнил то, о чем говорилось в записке. Сообщил некоторые детали.

— А-а, понятно! Он говорил, что у нас был секс.

Мне не было нужды выбирать выражения. Кристиан кивнул. Итак, Джесси пытается повысить собственную репутацию. Ладно. С этим я справлюсь. Моя репутация с самого начала была не ахти. Все и так считали, что я постоянно занимаюсь сексом.

— Но... мmm... это еще не все. И Ральф тоже, в смысле, что ты и он...

Ральф? Никакое количество алкоголя или даже наркотиков не заставило бы меня прикоснуться к нему.

— Я... что? Занималась сексом и с Ральфом?

Кристиан кивнул.

— Вот козел! Да я...

— И это еще не все.

— Что, я спала с целой баскетбольной командой?

— Он говорит... они оба говорят... что ты позволяла им... ну... пить свою кровь.

Даже на меня это подействовало, точно удар. Давать пить свою кровь во времяекса. Грязнее этого просто быть ничего не может. Постыдно. Порочно. Хуже, чем быть ветреной или даже шлюхой. В миллион раз хуже, чем давать Лиссе свою кровь в интересах ее выживания.

Это и означает быть «кровавой шлюхой».

— Что за чушь! — воскликнула Лисса. — Роза никогда бы не... Роза?

Однако я уже ничего не слышала. Я погрузилась в свой собственный мир, и этот мир повел меня через весь класс прямиком к Джесси и Ральфу. Оба подняли взгляд — выражение физиономий отчасти самодовольное, отчасти... нервное, да. Ничего удивительного, поскольку оба знали, что оболгали меня.

Весь класс замер, по-видимому рассчитывая, что сейчас последует что-то вроде решающего поединка. Моя репутация «неуравновешенной» в действии.

— Что вы себе позволяете? — спросила я тихо, угрожающим голосом.

Теперь физиономию Джесси перекосило от ужаса. Он, конечно, выше меня, но мы оба знали, кто победит, если дело дойдет до схватки. Ральф, однако, самоуверенно ухмыльнулся мне.

— Мы не делали ничего такого, что тебе не понравилось бы. — В его усмешке появился оттенок жестокости. — И даже не мечтай хотя бы дотронуться до нас. Только посмей, и Кирова вышибет тебя отсюда. Будешь жить среди других «кровавых шлюх».

Ученики в классе затаили дыхание, ожидая дальнейшего развития событий. Удивительно, как это мистер Надь сумел не заметить разворачивающейся на его уроке драмы. Мне хотелось врезать им, отколошматить так сильно, что обращение Дмитрия с Джесси выглядело бы легким похлопыванием по спине. Хотелось стереть ухмылку с физиономии Ральфа.

Но пусть он и козел, в его словах содержалась истина. Если я хотя бы прикоснусь к ним, Кирова в мгновение ока выгонит меня. А если меня выгонят, Лисса останется одна. Я сделала глубокий вдох и приняла одно из самых трудных решений в своей жизни: просто развернулась и ушла.

Оставшаяся часть дня прошла ужасно. Отказавшись от драки, я открыла себя для насмешек со стороны. Слухи и шепотки зазвучали

громче. Все откровенно таращились на меня. И смеялись.

Лисса пыталась заговорить со мной, успокоить меня, но я игнорировала даже ее. Высидела на всех остальных уроках, словно зомби, и по окончании молниеносно сбежала на тренировку с Дмитрием. Он удивленно посмотрел на меня, но не задал никаких вопросов. Оказавшись наконец в своей комнате, я расплакалась впервые за много лет. Хотя бы отчасти выпустив таким образом пар, я уже собралась надеть пижаму, как услышала стук в дверь. Дмитрий. Бросив на меня внимательный взгляд, он тут же отвел его, видимо, понял, что я плакала. Я тоже поняла по его лицу, что слухи докатились и до него. Он знал.

— Ты в порядке?

— Это не имеет значения, помнишь? Лисса в порядке? Ей придется нелегко.

Забавное выражение возникло на его лице — как будто он страшно удивился, что даже в такие времена я по-прежнему тревожусь о ней. Он поманил меня за собой и повел к задней лестнице, которая обычно была заперта для учеников. Однако сейчас она оказалась открыта, и он жестом показал мне выйти туда. И предупредил тихо:

— Пять минут.

Охваченная любопытством, я вышла на лестничную площадку и увидела Лиссу. Я должна была почувствовать, что она рядом, но, видимо, сумятица в душе помешала этому. Без единого слова она обняла меня и прижала к себе. Я с трудом удержалась от новых слез. Когда наконец она разомкнула руки, взгляд ее был спокоен и тверд.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Это не твоя вина. Обойдется.

Однако она явно сомневалась в этом. Как и я.

— И это моя вина, — сказала она. — Она сделала это, чтобы отомстить мне.

— Она?

— Мия. У Джесси и Ральфа ума не хватило бы такое придумать. Ты сама говорила: Джесси слишком боится Дмитрия, чтобы болтать о том, что произошло. И зачем было так долго ждать? Ведь прошло уже немало времени. Если бы он хотел распускать слухи, то начал бы тогда же. Мия устроила все в отместку тебе за то, что ты рассказала о ее родителях. Не знаю, как ей это удалось, но уверена — это она заставила их говорить всякие гадости.

В глубине души я чувствовала: Лисса права. Джесси и Ральф — всего лишь орудия. Мия — вот кто тайный вдохновитель.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — вздохнула я.

— Роза...

— Забудь, Лисса. Что сделано, то сделано.

Некоторое время она внимательно глядывалась в мое лицо.

— Давно я не видела, как ты плачешь.

— Я не плакала.

Душевная боль и сострадание — вот чувства, которые хлынули в меня через нашу связь.

— Нельзя, чтобы она так поступала с тобой.

Я рассмеялась с оттенком горечи, отчасти удивленная чувством собственной беспомощности.

— Но ведь поступила же. Она говорила, что отомстит мне и я не смогу защитить тебя. Ну, так оно и есть. Стоит мне теперь войти в класс...

Внутри возникло отвратительное, тошнотворное ощущение. Я подумала о друзьях и том уважении, которое сумела заслужить, несмотря на нашу более чем скромную роль. Теперь от этого не останется и следа. Отмыться от такой грязи невозможно, по крайней мере в среде мороев. Если тебя заклеймили как «кровавую шлюху», ею ты и останешься. И хуже всего: какой-то темной, тайной части меня нравилось быть побежденной.

— Ты не должна и дальше все время кидаться на мою защиту, — сказала Лисса.

Я засмеялась.

— Это моя работа. Я надеюсь стать твоим стражем.

— Понимаю, но я имею в виду — таким образом. Ты не должна страдать из-за меня. Не должна постоянно присматривать за мной. А ты всегда именно так и делаешь. Ты увезла меня отсюда. Ты заботилась обо всем, когда мы были предоставлены сами себе. И даже после возвращения сюда... ты всегда берешь всю работу на себя. Каждый раз, когда я теряю самообладание — как сегодня ночью, — ты тут как тут. Потому что я слабая. Не такая, как ты.

Я покачала головой.

— Это не важно. Такая у меня работа. Я ничего не имею против.

— Да, но смотри, что получается. Я — вот на кого Мия по-настоящему злится... хотя я и не понимаю почему. Ну, не важно. Это нужно прекратить. Теперь я буду защищать тебя.

В ней появились решимость и удивительная уверенность, напомнившая мне ту Лиссу, которую я знала до аварии. Одновременно я почувствовала в ней что-то еще — что-то более темное, ощущение затаенного гнева. Это я тоже видела в ней прежде — и мне оно не

нравилось. Я не хотела, чтобы снова ожила эта сторона ее натуры, я хотела одного — чтобы она была в безопасности.

— Лисса, ты не можешь защищать меня.

— Могу! — страстно воскликнула она. — Существует кое-что, чего Мия хочет сильнее, чем навредить тебе и мне. Она хочет быть принятой в среду королевских семей и чувствовать себя так, будто она одна из них. Я могу лишить ее этого. — Она улыбнулась. — Я могу настроить их против нее.

— Как?

— Поговорив с ними.

Ее глаза вспыхнули.

Этим вечером я явно соображала медленно, и поэтому до меня не сразу дошло.

— Лисс... Нет. Нельзя использовать принуждение. Только не здесь.

— Могу я в конце концов иметь хоть какую-то пользу от этой своей дурацкой силы?

«Чем больше она использует свои способности, тем хуже. Останови ее, Роза. Останови ее до того, как они заметят и уничтожат ее тоже. Увези ее отсюда».

— Лисс, если тебя поймают...

В дверь просунул голову Дмитрий.

— Роза, тебе нужно вернуться, пока никто не заметил.

Я бросила на Лиссу панический взгляд, но она уже уходила.

— На этот раз я позабочусь обо всем, Роза. Обо всем.

ТРИНАДЦАТЬ

Последствия распущенной Джесси и Ральфом лжи оказались примерно настолько неприятны, как я и ожидала. Единственным способом выжить было игнорировать всех и все. Это позволяло не сойти с ума — и то едва-едва, — но ужасно претило мне. Такое чувство, будто я все время сдерживаю слезы. Аппетит пропал, спала я тоже скверно.

Тем не менее, как ни плохо мне приходилось, я гораздо больше тревожилась из-за Лиссы. Она выполняла свое обещание изменить положение вещей. Дело продвигалось медленно, но верно. То один, то другой член какой-нибудь королевской семьи, а иногда и по двое подходили к ней во время ланча или в классе и приветствовали ее. Она отвечала им ослепительной улыбкой, смеялась и разговаривала, как с лучшими друзьями.

Поначалу я не понимала, как она добивается своего. Она сказала, что будет использовать принуждение, чтобы расположить к себе других членов королевских семей и настроить их против Мии. Но я не видела, чтобы она это делала. Возможно, конечно, что она добивалась расположения людей без всякого принуждения. В конце концов, она была умная, славная и где-то даже забавная. Любому могла понравиться. Однако что-то подсказывало мне, что она завоевывает дружбу не старомодным способом, и в итоге, поломав голову, я поняла, что к чему.

Она не использовала принуждение, если я находилась поблизости. Мы виделись с ней очень незначительную часть дня, она знала, что я не одобряю, когда она прибегает к своей силе, и потому делала это, лишь когда меня не было рядом.

Спустя несколько дней тайного принуждения я поняла, что мне нужно сделать: снова проникнуть в ее голову. По собственному желанию. Один раз получилось, значит, получится и еще. По крайней мере, так я внушала себе, сидя как-то днем на уроке Стэна. Но это оказалось совсем не так легко, как я думала, отчасти потому, что я была слишком взвинчена, чтобы расслабиться и открыть себя ее мыслям. Еще у меня вызывал беспокойство тот факт, что сейчас она чувствовала себя относительно спокойно, а проникнуть в ее голову легче удавалось тогда, когда в ней кипели эмоции. Тем не менее я поступила в точности как в прошлый раз, когда подглядывала за ней и Кристианом. Медитация. Медленное дыхание. Глаза закрыты. Сосредоточиться по-прежнему трудно, но в конце концов я

сумела переместиться, проскользнуть в ее голову и увидеть мир ее глазами. Шел урок американской литературы, время самостоятельной работы, но она, как и большинство учеников, не занималась делом. Они с Камиллой Контой прислонились к стене в дальнем конце класса и негромко разговаривали.

— Это неприлично, — решительно говорила Камилла, хмурое выражение портило ее хорошенекое лицо. На ней была голубая юбка из чего-то вроде бархата, достаточно короткая, чтобы демонстрировать длинные ноги и поставить под сомнение ее вкус. — Если вы делали это раньше, ничего удивительного, что у нее возникло привыкание и она позволила это Джесси.

— Она не позволяла этого Джесси, — убежденно ответила Лисса. — И у нас не было ничего похожего на секс. Просто никаких других «кормильцев» мы не имели, вот и все. — Лисса полностью сосредоточилась на Камилле и улыбнулась ей. — Ничего страшного. Все слишком остро реагируют.

Камилла выглядела так, словно всерьез сомневается в этом, но чем дольше она смотрела на Лиссу, тем больше рассеянным делался ее взгляд. В конце он совсем ничего не выражал.

— Правильно? — нежным, как шелк, голосом спросила Лисса. — В этом нет ничего страшного.

Камилла снова нахмурилась, пытаясь отшвырнуть с себя принуждение. Сам факт того, что дело зашло так далеко, был совершенно невероятен. Как заметил Кристиан, использовать принуждение по отношению к мороям — дело неслыханное. Камилла, несмотря на свой волевой характер, проиграла сражение.

— Да, — медленно сказала она. — На самом деле в этом нет ничего страшного.

— И Джесси лжет.

Камилла кивнула.

— Определенно лжет.

Душевное напряжение выжигало Лиссу изнутри, когда она прибегала к принуждению. Сейчас оно потребовало от нее значительных усилий, а ведь она еще не закончила.

— Что вы делаете сегодня вечером?

— Мы с Карли собираемся в ее комнате изучать тест Маттесона.

— Пригласите меня.

Камилла задумалась.

— Хочешь изучать его с нами?

— Конечно, — ответила Лисса и улыбнулась. Камилла улыбнулась в ответ.

Лисса прекратила принуждение, и волна головокружения нахлынула на нее. Она почувствовала слабость. Камилла оглянулась, как бы в удивлении, но потом стряхнула с себя это необычное ощущение.

— Ну, значит, увидимся после обеда.

— Увидимся.

Когда Камилла отошла, Лисса подняла руки, чтобы связать волосы в «конский хвост». Пальцы слегка дрожали и не могли аккуратно захватить все волосы, но тут внезапно другие руки помогли ей, собрав их. Она резко обернулась, увидела перед собой льдисто-голубые глаза Кристиана и отпрянула от него.

— Не трогай меня! — воскликнула она с содроганием.

Он наградил ее своей ленивой, слегка кривой улыбкой и откинул с лица пряди непокорных черных волос.

— Ты просишь или приказываешь?

— Заткнись!

Она оглянулась по сторонам, избегая его взгляда и желая убедиться, что никто не видит их вместе.

— В чем проблема? Беспокоишься о том, что подумают твои рабы, увидев, как ты разговариваешь со мной?

— Они мои друзья, — возразила она.

— Ах, ну да, конечно. Судя по тому, что я видел, Камилла зачем-то тебе нужна. Друзья до гроба.

Он скрестил на груди руки, и, несмотря на всю свою злость, она не смогла не отметить, как красиво его серебристо-серая рубашка оттеняет темные волосы и голубые глаза.

— Она, по крайней мере, не такая, как ты. Не притворяется моим другом, а потом не перестает вдруг замечать меня без всякой причины.

По его лицу скользнуло выражение неуверенности. С тех пор как я накричала на него после приема, между ними нарастали напряженность и раздражение. Поверив моим словам, Кристиан перестал разговаривать с ней, а если она пыталась завязать разговор, вел себя очень грубо. Теперь, спустя неделю, она, чувствуя себя обиженней и сбитой с толку, оставила все попытки наладить с ним контакт. Ситуация становилась все хуже и хуже.

Сейчас, глядя на него глазами Лиссы, я видела, что он все еще неравнодушен к ней. Тем не менее была задета его гордость, и он не собирался демонстрировать слабость.

— Правда? — злым голосом спросил он. — А я-то думал, что именно так королевские особы и ведут себя. Ты, по крайней мере, в этом преуспела. Или, может, ты просто используешь принуждение, чтобы заставить меня думать о тебе как о двуличной суке. А на самом деле ты вовсе не такая, хотя я сильно сомневаюсь в этом.

При слове «принуждение» Лисса вспыхнула, снова обеспокоенно оглянулась по сторонам, но решила не доставлять ему удовольствия продолжать спор. Просто бросила на Кристиана последний сердитый взгляд, метнулась через весь класс и присоединилась к группе мороев, корпевших над своими заданиями.

Вернувшись в себя, я тупо оглядела класс, пытаясь разобраться в том, что видела. Какой-то крошечной, крошечной частью души я начала сочувствовать Кристиану. Но это была такая крошечная часть, что игнорировать ее не составляло труда.

* * *

Утром на следующий день я отправилась на тренировку с Дмитрием. Теперь наши занятия стали самой любимой моей частью дня, в какой-то степени из-за моей глупой влюбленности в него, но еще и потому, что при этом рядом не было посторонних.

Как обычно, мы начали с пробежки, и он бежал со мной, спокойно, почти мягко давая инструкции, видимо, из опасения еще больше расстроить меня. Он знал о слухах, но никогда не заговаривал об этом.

По окончании пробежки он позволил мне нападать на него с любым самодельным оружием, которое оказалось под рукой. К собственному удивлению, я сумела нанести ему несколько ударов, хотя они, похоже, причинили больше вреда мне, чем ему. В результате каждый раз после очередного удара я еле удерживалась на ногах, а он даже не шелохнулся. Тем не менее я продолжала бросаться на него с почти слепой яростью. Не знаю, с кем я по-настоящему сражалась в эти мгновения: с Мией, Джесси или Ральфом. Может, со всеми сразу.

В конце концов Дмитрий объявил конец тренировки. Когда мы относили использованное снаряжение на склад, он глянул на мои руки и выругался по-русски. К этому времени я уже узнавала эти слова, но он отказывался объяснить, что они означают.

— Где твои перчатки?

Я глянула на свои руки. Сегодня они выглядели даже хуже, чем в

прежние дни. От холода кожа огрубела и пошла трещинами, некоторые из них кровоточили. Кое-где появились волдыри.

— У меня нет перчаток. В Портленде в них не было нужды.

Он снова выругался, заставил сесть в кресло, а сам достал «аптечку». Стирая влажной тканью кровь, он сердито сказал:

— Будут у тебя перчатки.

Я перевела взгляд на свои несчастные руки.

— Это только начало?

— Начало чего?

— Превращения меня в Альберту. В нее и... во всех других женщин-стражей. Они жесткие и мускулистые. Постоянно тренироваться, да еще по большей части на свежем воздухе — где уж тут выглядеть хорошенькой. — Я помолчала. — Такая... такая жизнь... разрушает их. Я имею в виду внешний вид.

Он поднял на меня взгляд теплых карих глаз, и в груди все сжалось. Проклятье! Нужно как-то справиться со своими чувствами к нему.

— С тобой этого не произойдет. Ты слишком...

Он заколебался, подыскивая нужное слово, а я мысленно перебирала возможности. Божественная. Убийственно сексуальная. Наконец он сдался и просто повторил:

— С тобой этого не произойдет.

И снова занялся моими руками. Интересно, он считает меня хорошенькой? Я всегда была уверена в том впечатлении, какое произвожу на парней своего возраста, но что касается Дмитрия... Я не знала. Напряжение в груди нарастало.

— А вот с моей мамой произошло. Раньше она была красавицей. Полагаю, и сейчас хороша, в некотором роде. Но далеко не так, как прежде... Сто лет ее не видела, — добавила я с горечью. — Может, теперь вообще ее не узнаю.

— Ты не любишь свою мать.

— Это так заметно?

— Ты почти не знаешь ее.

— Это точно. Она бросила меня. Я выросла в Академии.

Закончив очищать открытые раны, Дмитрий достал баночку целебной мази и начал втирать ее в огрубевшие участки кожи. Я буквально растворилась в ощущении, возникшем, пока он массировал мои руки.

— Ты так говоришь о ней... но как иначе она могла поступить? Знаю, ты хочешь стать стражем. Знаю, как много это значит для тебя. Думаешь, она испытывала другие чувства? Как сложилась бы твоя жизнь, если бы

она не оставила тебя здесь? Не люблю, когда приводят подобные разумные аргументы.

— По-твоему, я лицемерю?

— Просто хочу сказать, что тебе не следует так сурово относиться к ней. Она очень уважаемая женщина-дампир. И направила тебя по тому же пути.

— Это не убило бы ее — повидаться со мной, — пробормотала я. — Но наверно, ты прав. Отчасти. Могло быть гораздо хуже. Могло получиться так, что меня вырастили бы «кровавые шлюхи».

Дмитрий поднял на меня взгляд.

— Я вырос в дампирской общине. Они не так плохи, как тебе кажется.

— Ох! — Внезапно я почувствовала себя ужасно глупо. — Я не хотела...

— Все нормально.

Он снова сосредоточился на моих руках.

— Значит, у тебя там были родные? И они растили тебя?

— Да, мать и две сестры. Я мало виделся с ними после того, как пошел в школу, но мы поддерживаем связь. В основном эти общины возникают вокруг семей. Там хватает любви, какие бы рассказы о них ты ни слышала.

Чувство горечи вернулось, и я потупила взгляд, чтобы скрыть его. Пусть мать Дмитрия и другие его родственницы считалась обесчещенными, его семейная жизнь с ними была счастливее, чем моя с «достойной уважения» матерью-стражем. Во всяком случае, он уж точно лучше знал свою мать, чем я свою.

— Да, но... разве это не странно? Разве многие мужчины-морои не бывают там?..

Он продолжал круговыми движениями втирать в мою кожу мазь.

— Иногда.

В его голосе прозвучало что-то, подсказавшее мне, что углубляться в эту тему не следует.

— Я... Извини. Я не имела в виду ничего плохого...

— На самом деле... ты, скорее всего, и не подумала бы, что это плохо, — ответил он спустя, наверно, целую минуту и натянуто улыбнулся. — Ты не знаешь своего отца?

Я покачала головой.

— Нет. Мне известно лишь, что у него были классные волосы.

Дмитрий скользнул по мне взглядом.

— Наверно. — Он снова занялся моими руками. — Я знал своего отца.

Я замерла.

— Правда? Большинство моройских парней не остаются... в смысле, некоторые остаются, но обычно они просто...

— Ну, он любил мою мать. — Он произнес слово «любил» почти с отвращением. — И часто бывал у нее. Он отец и моих сестер. Но когда он приходил... ну, он не слишком хорошо обращался с матерью. Делал ужасные вещи.

— Например? — Я заколебалась. В конце концов, речь шла о матери Дмитрия, и я не знала, как далеко могу зайти. — Те, что делают с «кровавыми шлюхами»?

— Нет, он зверски избивал ее.

Он наложил повязки на мои руки, но по-прежнему держал их в своих; по-моему, даже не замечая этого. Я-то уж точно заметила. Его руки были большими, теплыми, с изящными длинными пальцами. В другой жизни он мог бы играть на пианино.

— О господи! — воскликнула я. — Какой ужас! — Я невольно стиснула руки, в ответ он сжал свои. — Это кошмар. И она... она позволяла ему это?

— Она — да. — Уголок его рта приподнялся, возникла лукавая и одновременно грустная улыбка. — Я — нет.

Меня захлестнула волна восхищения.

— Расскажи мне, расскажи! Ты выбил из него это дермо?

Его улыбка стала шире.

— Именно.

— Класс! — Я думала, что круче, чем Дмитрий, быть невозможно, но ошибалась. — Ты отдубасил своего папочку! В смысле, это, конечно, ужасно, но... Здорово! Ты и вправду бог.

Он удивленно уставился на меня.

— Что?

— Так, ничего. — Я поспешила сменила тему разговора. — Сколько тебе тогда было лет?

Он по-прежнему выглядел слегка ошеломленным из-за этого моего замечания насчет бога.

— Тринадцать.

Вот это да! Ну, точно бог.

— Ты отколотил отца, когда тебе было всего тринадцать?

— Это оказалось не так уж трудно. Я был сильнее его и почти такого же роста. Я не мог позволить ему продолжать в том же духе. Хотел, чтобы он усвоил — быть мороем из королевской семьи не означает, что можно творить что угодно с другими людьми... даже с «кровавыми шлюхами».

Я просто ушам своим не поверила. Неужели он имел в виду собственную мать?

— Мне очень жаль.

— Все нормально.

Отдельные куски головоломки встали на свое место.

— Ты поэтому так расстроился из-за Джесси? Он тоже из королевской семьи и тоже пытался воспользоваться этим своим преимуществом по отношению к девушке-дампиру. Дмитрий отвел взгляд.

— Я расстроился по многим причинам. В конце концов, вы нарушили правила, и...

Он не закончил и снова посмотрел мне в глаза с тем выражением, которое создавало между нами ощущение теплоты.

К несчастью, воспоминание о Джесси испортило мне настроение. Я опустила взгляд.

— Ты наверняка слышал, что обо мне говорят...

— Я знаю, что это неправда, — перебил он меня. Его быстрая, уверенная реакция удивила меня.

— Откуда?

— Потому что я знаю тебя, — твердо ответил он. — Знаю твой характер. Знаю, что ты хочешь стать выдающимся стражем.

Его уверенность вернула мне ощущение теплоты.

— Я рада, что хоть кто-то понимает. Все прочие считают меня совершенно безответственной.

— Несмотря на то, что ты больше заботишься о Лиссе, чем о себе? — Он покачал головой. — Нет, твое чувство ответственности глубже, чем у некоторых стражей вдвое старше. Ради достижения своей цели ты сделаешь все, что потребуется.

Я задумалась над его словами.

— Не уверена, что действительно смогу сделать все.

Он этим своим крутым движением вопросительно вскинул бровь.

— Не хочу коротко стричься, — пояснила я. Он явно удивился.

— Это и не требуется.

— Все женщины-стражи коротко стригут волосы. Чтобы были видны их татуировки.

Он неожиданно отпустил мои руки и отклонился назад. Медленно потянулся к моей голове, захватил локон и задумчиво накрутил его на палец. Я замерла, какое-то время в мире не существовало ничего, кроме ощущения его прикосновения к моим волосам. Потом он отпустил их, явно удивляясь и даже смущаясь из-за того, что только что сделал.

— Не обрезай их, — угрюмо сказал он. Каким-то чудом я сумела вспомнить, что это такое — разговаривать.

— Тогда никто не увидит моих татуировок. Он зашагал к двери, с легкой улыбкой на губах.

— Зачесывай их наверх.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

На протяжении двух последующих дней я продолжала шпионить за Лиссой, каждый раз испытывая умеренное чувство вины. Она терпеть не могла, когда это происходило случайно, а теперь я поступала так намеренно.

Я наблюдала за тем, как одного за другим она привлекает на свою сторону могущественных игроков из королевских семей. Групповое принуждение было ей не по силам, но обрабатывать их поодиночке давало тот же эффект, разве что происходило медленнее. И фактически, многих даже не приходилось подталкивать к тому, чтобы возобновить общение с ней. Далеко не все были столь поверхностны, какими казались, они помнили Лиссу и любили ее за то, какая она есть. Они тянулись к ней, и теперь, спустя полтора месяца после нашего возвращения в Академию, казалось, будто она никогда ее и не покидала. И, обретая былую популярность, она одновременно поддерживала меня и объединяла остальных против Мии и Джесси.

Однажды утром я настроилась на нее, когда она готовилась выйти к завтраку. Последние двадцать минут она сушила волосы феном, одновременно распрямляя их, — этого она не делала уже давно. Наталья, сидя на своей постели в их комнате, с любопытством наблюдала за процессом. Потом Лисса занялась макияжем, и тут Наталья заговорила:

— После уроков мы собираемся в комнате Эрин. Будем смотреть кино. Пойдешь?

Я часто шутила насчет того, насколько Наталья скучная особа, но ее подругу Эрин по темпераменту можно было сравнить со стеной.

— Не могу. Я обещала помочь Камилле обесцветить Карли волосы.

— Ты теперь проводишь много времени с ними.

Лисса пожала плечами, продолжая накладывать тушь на ресницы, отчего глаза сразу же стали казаться больше.

— Я думала, они тебе больше не нравятся, — продолжала Наталья.

— Я изменила свое мнение.

— Ты им, похоже, тоже теперь нравишься больше. Не в том смысле, будто кто-то не может полюбить тебя, но когда ты вернулась и не разговаривала с ними, они вроде бы охотно мирились с этим. Я слышала, они много говорят о тебе. Это неудивительно, поскольку они дружат и с Мией, но разве не странно, с чего они вдруг так сильно полюбили тебя?

Прежде чем планировать что-то, они всегда ждут, чтобы посмотреть, что ты будешь делать. И многие из них теперь защищают Розу, которая на самом деле съехала с катушек. Не в том дело, что я верю всей этой болтовне о ней, но мне всегда казалось немыслимым...

За трескотней Натальи скрывалось крошечное зерно подозрения, и Лисса почувствовала его. Наталья вряд ли нуждалась в принуждении, но Лисса не могла рисковать тем, чтобы невинные вопросы превратились в нечто большее.

— Знаешь что? — прервала она Наталью. — Может, я тоже успею к Эрин. У Карли волосы не такие уж длинные.

Эти слова мгновенно сбили Наталью с мысли.

— Правда? Вот класс! Это будет замечательно. Она сильно расстраивается, что ты больше не с нами, и я сказала ей...

* * *

Так оно и шло. Лисса продолжала применять принуждение и добивалась все большей популярности. Я наблюдала за ней, не вмешиваясь, но постоянно тревожась, пусть даже ее усилия начали приводить к тому, что косых взглядов в мою сторону и сплетен стало меньше.

— Это может вызвать встречный огонь, — шепнула я ей однажды в церкви. — Кто-то начнет удивляться и задавать вопросы.

— Не драматизируй. Здесь все время действует та или иная сила.

— Но не такая.

— Ты не думаешь, что мое обаяние может само по себе обеспечить такой успех?

— Конечно думаю, но если Кристиан сразу опознал это, почему и другие не...

Я замолчала, когда два парня чуть дальше нас на церковной скамье внезапно взорвались смехом, глядя прямо на меня и даже не пытаясь скрыть этого.

Я отвернулась, стараясь не обращать на них внимания и чуть ли не впервые в жизни мечтая, чтобы священник поскорее начал службу. Однако Лисса посмотрела им прямо в глаза, на ее лице вспыхнуло выражение ярости. Она не произнесла ни слова, но под ее тяжелым взглядом улыбки парней быстро увяли.

— Скажите ей, что вы извиняетесь, — заявила она. — Да так, чтобы она поверила в это.

Спустя мгновение они буквально рассыпались в извинениях, умоляя меня о прощении. Я просто глазам своим не верила. Она использовала принуждение в публичном месте — и в каком! В церкви, только представьте себе! И применительно к двум людям сразу!

В конце концов их извинения иссякли, но Лисса все еще не чувствовала себя удовлетворенной.

— Это лучшее, на что вы способны? — взорвалась она.

Судя по их вытаращенным глазам, парни были в ужасе, что рассердили ее.

— Лисс! — Я коснулась ее руки. — Все в порядке. Я принимаю их извинения.

Ее лицо все еще излучало осуждение, но в конце концов она кивнула. Парни с облегчением откинулись на скамье.

Уф! Никогда в жизни я так не радовалась началу службы. Благодаря нашей связи я чувствовала исходящее от Лиссы мрачное удовлетворение, очень нехарактерное для нее. Мне это совсем не нравилось. Чтобы отвлечься от беспокойства за нее, я принялась, как часто делала, разглядывать людей в церкви. Сидя неподалеку, Кристиан открыто наблюдал за Лиссой с выражением тревоги на лице. Заметив мой взгляд, он нахмурился и отвернулся.

Дмитрий, как обычно, сидел сзади, в виде исключения не сканируя каждый угол на предмет возможной угрозы. Он ушел в себя, лицо приняло почти страдальческое выражение. Я до сих пор не понимала, зачем он ходит в церковь. Всякий раз он выглядел так, будто в нем идет какая-то внутренняя борьба.

Священник снова заговорил о святом Владимире:

— Его дух был необычайно силен, и поистине он имел дар Божий. Стоило ему прикоснуться, и калеки начинали ходить, а слепые прозревали. Куда бы он ни пришел, повсюду расцветали цветы.

Господи, мороям явно не помешали бы и другие святыне...

Исцелял хромых и слепых?

Я совсем забыла о святом Владимире. Мейсон говорил, он возвращал к жизни людей, перешагнувших за черту смерти, и тогда это напомнило мне о Лиссе. Потом множество других событий отвлекли меня, и я не вспоминала об этом святом, его «поцелованной тьмой» женщине-страже, да и об их «связи» тоже. Как могла я упустить все из виду? Госпожа Карп была не единственным мороем, способным исцелять, как Лисса. Владимир тоже мог.

— И все время люди стекались к нему, обожали его, горели желанием

следовать его путем и слушать, как он проповедует слово Божье...

Я повернулась и посмотрела на Лиссу. Она ответила мне недоуменным взглядом.

— Что такое?

Я не получила возможности разъяснить ей свои мысли — и даже не была уверена, что сумела бы облечь их в слова, — поскольку сразу по окончании службы меня загнали в мою «тюрьму».

Оказавшись там, я включила компьютер и попыталась найти что-нибудь о святом Владимире, но практически без толку. Проклятье! Мейсон просмотрел книги в библиотеке. По его словам, там тоже было не очень-то много. И с чем я осталась? Никакой возможности узнать больше об этом покрытом пылью веков старом святом. Или такая возможность есть? Что там говорил Кристиан во время первой встречи с Лиссой?

«Сверх того тут имеется старый ящик с рукописями благословенного и безумного святого Владимира».

Хранилище над церковью. Вот где эти рукописи. Я должна просмотреть их, но как? Не священника же просить? Как он среагирует, когда поймет, что туда лазают ученики? Тогда с убежищем Кристиана будет покончено. Но что, если... Что, если Кристиан сам поможет мне? Сегодня воскресенье, и я увижу его только завтра днем, но и тогда не факт, что удастся поговорить с ним наедине.

Позже, идя на тренировку, я заглянула на кухню — захотелось немного гранолы.^[8] По дороге я прошла мимо двух парней-новичков, Майлза и Энтони. При виде меня Майлз присвистнул.

— Как дела, Роза? Страдаешь от одиночества? Хочешь, составим тебе компанию?

Энтони рассмеялся.

— Я не могу укусить тебя, зато могу дать кое-что другое, чего ты так желаешь.

Они стояли в дверном проеме, через который мне нужно было пройти. Сердито глядя на них, я ринулась напролом, но Майлз обхватил меня за талию. Его рука скользнула к моим ягодицам.

— Убери руки от моей задницы, пока я не расквасила тебе физиономию! — воскликнула я и вырвалась, но при этом налетела на Энтони.

— Да брось ты! — сказал он. — Думаю, для тебя это не проблема — с двумя парнями зараз...

Тут послышался новый голос:

— Если вы сейчас же не отвалите, я сам разберусь с вами.

Мейсон. Мой герой.

— Нарываешься, Эшфорд? — сказал Майлз. Он был крупнее Энтони и тут же забыл обо мне, предвкушая драку с Мейсоном. Энтони попятился от меня, его больше интересовало, будет драка или нет. В воздухе витало столько тестостерона, что возникло ощущение, будто мне требуется противогаз.

— Тоже имеешь ее? — спросил Майлз Мейсона. — А поделиться не желаешь?

— Еще одно слово о ней, и я оторву тебе голову.

— Почему? Она же просто дешевая кровавая...

Мейсон ударил его. Не оторвал голову, нет, и даже ничего не сломал, и кровь не потекла, но, похоже, это было больно. Глаза Майлза широко распахнулись, он кинулся на Мейсона...

Дальше по коридору открылась дверь, и этот звук заставил всех замереть. Для новичков драка всегда оборачивалась большими неприятностями.

— Наверняка стражи, — усмехнулся Мейсон. — Хотите, чтобы им стало известно, что вы напали на девушку?

Майлз и Энтони обменялись взглядами.

— Пошли, — сказал Энтони. — Сваливаем. У нас нет на это времени.

Майлз с явной неохотой последовал за ним.

— Позже я найду тебя, Эшфорд.

Когда они ушли, я посмотрела на Мейсона.

— Напали на девушку?

— Я тоже рад тебя видеть, — сухо ответил он.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи.

— Кто бы сомневался. Уверен, ты и сама прекрасно справилась бы.

— Они просто захватили меня врасплох, вот и все. В итоге я все равно разобралась бы с ними.

— Послушай, не переноси на меня свою злость на них.

— Просто я терпеть не могу, когда со мной обращаются как с... девушкой.

— Но ты и есть девушка. А я просто пытался помочь.

Он говорил совершенно серьезно. Конечно, никаких дурных намерений у него не было. Стоит ли вести себя с ним как последняя сука, когда вокруг полно людей, ненавидеть которых у меня действительно есть основания?

— Ну... спасибо. Извини, что рявкнула на тебя.

Мы немного поболтали, и я сумела вытянуть из него кое-что о новых

курсирующих по школе сплетнях. Он заметил, что Лисса упрочила свое положение, но, похоже, не видел в этом ничего странного. Разговаривая с ним, я заметила выражение обожания, всегда возникающее на его лице рядом со мной. Грустно, что он питает ко мне такие чувства. Я даже испытала легкий укол вины.

Интересно, задумалась я, это было бы трудно — встречаться с ним? Он славный, забавный и определенно симпатичный внешне. Мы ладим друг с другом. С какой стати я впутываюсь в неприятности с другими парнями, когда у меня есть этот славный малый, который хочет меня? Почему не могу просто ответить на его чувства?

Ответ пришел прежде, чем я успела задать себе вопрос. Я не могла стать подружкой Мейсона, потому что если и представляла кого-то, обнимающего меня и нашептывающего на ухо всякие вольности, в его словах должен был слышаться русский акцент.

Мейсон продолжал восхищенно созерцать меня, понятия не имея, что творится в моей голове. И при виде этого обожания я внезапно поняла, как могу использовать его к своей выгоде. С некоторым чувством вины я повела разговор в более игривом стиле, пыл Мейсона разгорелся еще жарче.

Прислонившись рядом с ним к стене, так что наши руки соприкасались, я наградила его улыбкой.

— Знаешь, мне по-прежнему не нравится, что ты выступал в роли героя, но, что ни говори, ты напугал их. Оно того стоило... почти.

— Но тебе не нравится?

Я провела пальцем по его руке.

— Нет. В смысле, это круто в принципе, но не на практике.

Он засмеялся.

— Черта с два! — Он поймал мою руку и бросил на меня понимающий взгляд. — Иногда ты нуждаешься в том, чтобы тебя спасли. И думаю, иногда тебе нравится быть спасенной, просто ты не хочешь признать этого.

— А я думаю, это ты ловишь кайф, спасая людей, просто не хочешь признать этого.

— Полагаю, ты понятия не имеешь, от чего я ловлю кайф. Спасти девицу вроде тебя — благородное дело, вот и все, — горделиво заявил он.

Я сдержала порыв стукнуть его за словечко «девица».

— Тогда докажи это. Окажи мне любезность. Это ведь тоже благородное дело.

— Конечно, — тут же согласился он. — Чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты передал сообщение Кристиану Озере.

Его пыл слегка угас.

— Что? Ты же это не всерьез?

— Очень даже всерьез.

— Роза... Ты ведь знаешь, я не могу заговорить с ним.

— Мне послышалось, ты сказал, что готов помочь. Мне послышалось, ты сказал, что помогать «девицам» — благородное дело.

— При чем тут благородство, скажи на милость?

Я одарила его самым нежным взглядом, на какой была способна, и он не устоял.

— Что ему передать?

— Скажи, что мне нужны рукописи святого Владимира. Те, которые в хранилище. И пусть поторопится. Скажи, это для Лиссы. И скажи ему... скажи ему, что я соврала тем вечером после приема. — Я на мгновение заколебалась. — Скажи, что я сожалею об этом.

— Не вижу никакого смысла...

— Так и должно быть. Просто сделай это. Пожалуйста.

Я снова одарила его улыбкой королевы красоты.

Заверив меня, что постарается исполнить поручение, он отбыл на ланч, а я пошла на тренировку.

ПЯТНАДЦАТЬ

Мейсон выполнил мою просьбу. Он нашел меня на следующий день перед уроками, в руках у него был ящик с книгами.

— Вот они, — сказал он. — Спрячь их поскорее, пока у тебя не начались неприятности.

Книги оказались очень тяжелыми.

— Это тебе Кристиан дал?

— Да. Я сумел поговорить с ним так, что никто не заметил. Этот парень любит выделяться, ты обратила внимание?

— Да. — Я снова улыбнулась ему, и он просиял. — Спасибо. Это дорогостоящего стоит.

Я поволокла добычу к себе в комнату, прекрасно понимая, как дико это выглядит: я, которая терпеть не может всякие премудрости, готова с головой зарыться в покрытое пылью дермо из четырнадцатого столетия. Однако, открыв первую книгу, я поняла, что это перепечатка перепечатки еще более ранней перепечатки; если бы книге на самом деле было столько лет, сколько я думала, она давно развалилась бы на части.

Быстро проглядев книги, я поняла, что их можно разбить на три категории: книги, написанные после смерти святого Владимира; книги, написанные разными людьми при его жизни; и что-то вроде дневника, написанного им самим. Что там Мейсон говорил о первоисточниках? Две последние группы — как раз то, что мне нужно.

Тот, кто перепечатывал записи, заодно и переложил их на современный язык, так что мне не пришлось ковыряться в староанглийском. Или, может, в старорусском? Святой Владимир жил в этой древней стране.

«Сегодня я исцелил мать Саввы, много лет страдавшую от острых резей в животе. Теперь она выздоровела, но, по воле Господа нашего, это далось мне нелегко. Я чувствую слабость и головокружение, безумие пытается овладеть мною. Каждый день я благодарю Бога за поцелованную тьмой Анну, поскольку без нее, конечно, всего этого не вынес бы».

Снова Анна. И снова «поцелованная тьмой». Он много раз упоминал ее среди прочего. В основном он писал длинные проповеди вроде тех, что я слышала в церкви. Жутко скучные. Однако другие отрывки больше

напоминали дневник, перечисление того, что он делал каждый день. И если это на самом деле соответствовало действительности, он все время исцелял. Больных. Раненых. Даже растения. Оживлял погибшие зерновые, когда люди голодали. А иногда просто черт знает ради чего заставлял расцветать цветы.

Читая, я поняла, как это было хорошо для старого Влада — всегда иметь Анну рядом, потому что ему приходилось очень несладко. Чем больше он использовал свою силу, тем больше она сама воздействовала на него. Он вел себя иррационально — то печалился, то сердился. Винил в этом демонов и молол всякую чушь в том же духе — совершенно очевидно, что он страдал от депрессии. Однажды, гласил дневник, он даже пытался убить себя. И кто же его остановил? Конечно, Анна.

Позже, проглядывая книгу, написанную человеком, который знал Владимира, я прочла:

«И многие воспринимают это как чудо — силу, которой обладает блаженный Владимир. Морои и дампиры стекаются к нему, вслушиваются в каждое слово, счастливы просто находиться рядом. Некоторые говорят, что это прикосновение не духа, а безумия, но большинство обожают его и готовы сделать все ради него. Вот так Господь помечает избранных, и если расплатой становятся галлюцинации и отчаяние, эта жертва невелика по сравнению с тем, сколько добра он приносит людям и как наставляет их на путь праведный».

Отрывок напоминал то, о чем говорил священник, но я чувствовала, что дело тут не просто в «обаянии», как выразилась Лисса. Люди обожали его, были готовы сделать все, что он попросит. Да, я уверена — Владимир применял к своим последователям принуждение. В те дни, до запрета, многие морои обладали этой силой, но не использовали ее по отношению к мороям и дампирам. Просто не могли. Только Лисса может.

Я захлопнула книгу и откинулась на спинку кровати. Владимир исцелял растения и животных. Он мог использовать принуждение по отношению к большим массам людей, и, судя по всем отчетам, это сводило его с ума и вгоняло в депрессию. Но самое странное во всем этом, что буквально все описывали его женщину-стражу как «поцелованную тьмой». Это выражение не давало мне покоя с тех пор, как я впервые услышала его...

* * *

— Ты «поцелованная тьмой»! Ты должна заботиться о ней!

Госпожа Карп прокричала эти слова, притянув меня к себе за рубашку. Это произошло два года назад, вечером, когда я находилась в здании средней школы, куда отправилась, чтобы вернуть какую-то книгу. До отбоя оставалось совсем немного, и коридоры опустели. Я услышала громкий шум, и потом из-за угла вылетела госпожа Карп, с выпученными глазами и совершенно безумным видом.

Все еще вцепившись в мою рубашку, она оттолкнула меня к стене.

— Понимаешь?

Я достаточно хорошо была знакома с приемами самозащиты, чтобы отпихнуть ее, однако потрясение парализовало меня.

— Нет.

— Они пришли за мной. Придут и за ней.

— За кем?

— За Лиссой. Ты должна защищать ее. Чем больше она использует свои способности, тем хуже будет. Останови ее, Роза. Останови ее до того, как они заметят и уничтожат и ее тоже. Увези ее отсюда.

— Я... Что вы имеете в виду? Увези ее отсюда... в смысле, из Академии?

— Да! Вы должны бежать. Вы «связаны». Это в ваших силах. Увези ее отсюда.

Ее слова показались мне чистым безумием. Никто никогда не сбегал из Академии. И все же, когда она вот так стояла, прижав меня к стене и пристально глядя мне в глаза, я начала испытывать странное чувство. Как будто туман окутал мой мозг, и то, о чем она говорила, внезапно показалось очень разумным, чуть ли не самой разумной вещью на свете. Да. Я должна увезти Лиссу отсюда, должна...

В коридоре послышались шаги, из-за угла выскочили несколько стражей. Незнакомых, они были не из школы. Они оторвали госпожу Карп от меня, обрушивая на нее жуткие удары. Кто-то спросил, все ли со мной в порядке, но я могла лишь неотрывно смотреть на госпожу Карп.

— Не позволяй ей использовать эту силу! — кричала она. — Спаси ее. Спаси ее от нее самой!

Позже стражи объяснили мне, что она не совсем здорова и ее отослали туда, где она сможет поправиться. О ней позаботятся, заверили они меня. Она выздоровеет.

Вот только этого не произошло.

* * *

Вернувшись в настоящее, я, глядя на книги, попыталась собрать все воедино. Лисса. Госпожа Карп. Святой Владимир.

И что, спрашивается, мне делать?

Кто-то постучал в дверь, и я очнулась. Ко мне никто никогда не приходил, даже из персонала, поскольку таково было условие испытательного срока. Я открыла дверь, и что же? Это оказался Мейсон!

— Дважды за день? — спросила я. — И как ты вообще ухитрился проникнуть сюда?

Он беспечно улыбнулся.

— Кто-то сунул горящую спичку в контейнер с отходами в одной из душевых. Позор! Все служащие сейчас стоят на ушах. Пошли, я вызволю тебя.

Я покачала головой. Надо полагать, это такой новый знак расположения — разжигать огонь. Сначала Кристиан, теперь Мейсон.

— Извини, ничего не выйдет. Если меня застукают...

— Лисса велела.

Я заткнулась и позволила ему тайком вывести меня из здания. Он повел меня в жилой корпус мороев и чудесным образом доставил незамеченной пряником в комнату Лиссы. Интересно, в этом доме тоже что-нибудь подожгли в душевой для отвлечения внимания?

Вечеринка была в самом разгаре. Лисса, Камилла, Карли, Аарон и несколько других членов королевских семей смеялись, слушали громкую музыку и передавали друг другу бутылки виски. Ни Мии, ни Джесси. Наталья, заметила я чуть позже, сидела в стороне от остальных, явно чувствуя себя неловко в их присутствии. На их фоне она выглядела особенно неуклюжей.

Лисса встала, пошатываясь, благодаря нашей связи я почувствовала, что она немного пьяна.

— Роза! — Она одарила Мейсона ослепительной улыбкой. — Ты привел ее.

Он отвесил ей преувеличенно низкий поклон.

— Я в твоем распоряжении.

Я надеялась, что он проделал все это не под принуждением, а исключительно в качестве волнующего приключения. Лисса обхватила

меня за талию и подтолкнула к остальным.

— Присоединяйся.

— Что празднуем?

— Понятия не имею. Может, твой сегодняшний побег?

Некоторые гости подняли пластиковые чашки, приветствуя меня. Ксандер Бадика наполнил еще две чашки и протянул их нам с Мейсоном. Я с улыбкой взяла свою, все время чувствуя тревогу относительно такого поворота событий. Еще совсем недавно я радовалась бы вечеринке вроде этой и залпом проглотила бы свою выпивку, но сейчас слишком многое меня беспокоило. Например, тот факт, что все эти королевские отпрыски вели себя с Лиссой как с богиней. Будто никто из них не помнил, что меня заклеймили как «кровавую шлюху». И что Лисса, несмотря на свои улыбки, чувствовала себя ужасно несчастной.

— Где вы достали виски? — спросила я.

— У мистера Надя, — ответил Аарон. Он сидел рядом с Лиссой.

Все знали, что мистер Надь после школы постоянно поддает и хранит свои запасы в кампусе.

Он постоянно перепрятывал их в новое место, а ученики постоянно это место обнаруживали. Лисса прислонилась к плечу Аарона.

— Аарон помог мне проникнуть к нему в комнату и забрать бутылки. Они были спрятаны в нижней части шкафа с красками.

Окружающие засмеялись. Аарон смотрел на Лиссу с обожанием на грани поклонения. Забавно. Я поняла, что ей не пришлось применять к нему принуждение. Он и так был просто без ума от нее. Как всегда.

— Почему ты не пьешь? — прошептал мне на ухо Мейсон спустя какое-то время.

Я заглянула в свою чашку и сделала вид, что удивилась, обнаружив, что та полна.

— Не знаю. Наверно, потому, что, мне кажется, страж не должен пить рядом со своим подопечным.

— Она пока еще не твоя подопечная! И не скоро станет ею. С каких это пор в тебе проснулось такое чувство ответственности?

Не думаю, что во мне проснулось такое уж чувство ответственности, но я помнила, что говорил Дмитрий о балансе между развлечением и долгом. Это простоказалось неправильным — накачиваться, когда Лисса в последнее время в таком уязвимом положении. Зажатая между Мейсоном и ею, я с трудом вывернулась, подошла к Наталье и села рядом.

— Привет, Нат! Ты сегодня что-то совсем притихла.

В руке она держала чашку, тоже полную, как моя.

— Как и ты.

Я негромко рассмеялась.

— Похоже на то.

Склонив голову набок, она рассматривала Мейсона и королевских чад с таким видом, словно они были объектами научного эксперимента. Уже после моего появления они здорово накачались виски, и глупость из них так и лезла.

— Странно? Ты привыкла быть в центре внимания, а теперь она заняла твое место.

Я удивленно посмотрела на нее, такое сравнение не приходило мне в голову.

— Похоже на то.

— Эй, Роза! — К нам приближался Ксандер, едва не расплескав по дороге свое питье. — На что это было похоже?

— Что на что было похоже?

— Ну, «кормить» кого-то?

Все притихли с выражением предвкушения на физиономиях.

— Она не делала этого! — тоном предостережения сказала Лисса. — Я же говорила тебе.

— Ну да, да, я знаю, что с Джесси и Ральфом ничего такого не было. Но вы-то делали это? Пока были в бегах?

— Оставь, — сказала Лисса.

Принуждение срабатывало лучше при взгляде глаза в глаза, а внимание Ксандера было приковано ко мне, не к ней.

— В смысле, это круто и все такое. Вы делали то, что должны были делать. Это совсем не то что быть «кормилицей». Я просто хочу понять, что при этом испытываешь. Даниелла Селски как-то позволила мне укусить себя. И по ее словам, вообще ничего не почувствовала.

Присутствующие девушки так и ахнули. Заниматься сексом с дампирами и пить при этом их кровь считалось грязным делом, когда же такое происходило между мороями, это рассматривалось как каннибализм.

— Ты такой выдумщик, — заметила Камилла.

— Нет, я серьезно. Это был совсем маленький укус. Она не испытала кайфа, ну, как «кормильцы». А ты? — Свободной рукой он обнял меня за плечи. — Тебе нравилось?

Лицо Лиссы побледнело и застыло. Алкоголь отчасти приглушал ее эмоции, и все же мне хватило понять, что она чувствует. Мрачные, пугающие мысли потекли в меня — и все они были окрашены гневом. Она обычно держала в узде свой нрав — в отличие от меня, — но мне уже

приходилось видеть, как она может вспыхивать. Однажды это случилось на очень похожей вечеринке, спустя всего несколько недель после того, как увезли госпожу Карп.

Ту вечеринку устроил в своей комнате Грэг Дацков, отдаленный родственник Натальи. По-видимому, его родители были знакомыми чьих-то знакомых, потому что он располагал одной из самых больших комнат в жилом корпусе. До аварии он дружил с братом Лиссы и был более чем счастлив ввести в общество младшую сестричку Андрея. Мое общество тоже доставляло ему удовольствие, и тем вечером мы не отходили друг от друга. Для второклассницы средней школы вроде меня проводить время с мороем из королевской семьи, да еще из выпускного класса — высший кайф.

Тем вечером я выпила много, но не забывала поглядывать на Лиссу. Среди большого количества людей ее всегда охватывала тревога, но никто ничего не замечал, потому что это не мешало ей мило общаться с ними. То, что я так набралась, не позволяло мне воспринимать многие ее чувства, но, поскольку внешне все было в порядке, я не волновалась.

Мы страстно целовались с Грэгом, когда он внезапно оторвался от моих губ и глянул куда-то мне через плечо. Он сидел в кресле, я — у него на коленях; пришлось вывернуть шею, чтобы проследить за его взглядом.

— Что такое?

Он покачал головой с видом удивления и недовольства.

— Вайд привел «кормилицу».

Действительно, Вайд Вода стоял, обхватив рукой хрупкую девушку примерно моего возраста. Человеческую девушку, хорошеньюку, с волнистыми светлыми волосами и «фарфоровой» кожей, мертвенно-бледной от большой потери крови. Несколько парней окружили ее и стояли рядом с Вайдом, смеясь и дотрагиваясь до ее лица и волос.

— Она уже «кормила» слишком многих сегодня, — сказала я, отметив ее бледность и общее впечатление потерянности.

Грэг обхватил рукой мою шею и развернул к себе.

— Они не причинят ей вреда.

Мы снова вернулись к поцелуям. Потом я почувствовала похлопывание по плечу.

— Роза.

Я подняла взгляд и увидела Лиссу. Ее обеспокоенное выражение испугало меня, потому что я утратила способность ощущать стоящие за ним эмоции. Слишком много пива для меня. Я поднялась с колен Грэга.

— Куда ты? — спросил он.

— Скоро вернусь. — Я оттащила Лиссу в сторону, внезапно пожалев, что пьяна. — Что случилось?

— Вон что.

Она кивнула на парней с девушкой-«кормилицей». Они по-прежнему толпились вокруг нее, и, когда она немного сместилась в сторону, я увидела маленькие красные ранки у нее на шее. Это было вроде как групповое «кормление», они по очереди кусали ее. Находясь под кайфом, она практически не осознавала происходящего и не препятствовала им.

— Это немыслимо! — сказала Лисса.

— Она просто «кормилица». Никто не станет останавливать их.

В глазах Лиссы появилось умоляющее выражение, боль, возмущение и гнев переполняли ее.

— И ты?

Я всегда была агрессивной особой, всегда заботилась о Лиссе, еще с тех пор, когда мы были совсем маленькими. Видеть ее такой расстроенной, с надеждой и верой глядящей на меня — нет, это было выше моих сил. Я кивнула ей — не слишком уверенно — и направилась к парням.

— Тебе так невтерпеж, Вейд, что ты переключился на одурманенных девушек?

Не отрывая губ от ее шеи, он поднял на меня взгляд.

— В чем дело? Тебе надоел Грэг? Ищешь новых приключений?

Я уперла руки в бедра, надеясь, что это придаст мне угрожающий вид. Суть в том, однако, что на самом деле меня начало слегка подташнивать, оттого что я перебрала.

— Все наркотики мира не заставят меня быть с тобой, — сказала я. Некоторые его дружки засмеялись. — Видишь лампу над головой? Она хорошо светит? Различаешь, что уже получил достаточно? Хватит терзать ее.

Послышились новые смешки.

— Не суй нос не в свое дело, — прошипел он. — Она всего лишь ланч.

Обзывают «кормильцев» едой было даже хуже, чем дампиров «кровавыми шлюхами».

— Здесь тебе не пункт питания. Никому неохота видеть это.

— Да, — согласилась со мной одна из одноклассниц Вейда. — Это неприлично.

Некоторые приятели поддержали ее. Вейд обвел нас сердитым взглядом и задержал его на мне.

— Прекрасно. Вы ничего и не увидите. Пошли.

Он схватил девушку за руку и потащил ее прочь. Негромко хныча и

спотыкаясь, она следом за ним покинула комнату.

— На большее я неспособна, — сказала я Лиссе. Она в шоке смотрела на меня.

— Он же просто повел ее к себе. Это обернется для нее еще хуже.

— Лисс, меня от всего этого тоже воротит, но что, гнаться за ним? — Я потеряла лоб. — Я, конечно, могла бы врезать ему, но теперь уж пусть все идет, как идет.

Ее лицо омрачилось, она прикусила губу.

— Нельзя позволить ему делать это.

— Мне очень жаль.

Я вернулась к Грэгу, испытывая неприятное ощущение по поводу происшедшего. Мне не больше Лиссы нравилось, что «кормилицу» используют, — это было слишком похоже на то, что, по мнению многих моройских парней, они вольны делать с девушками-дампирами. Однако схватку мне не выиграть, по крайней мере сегодня вечером.

Спустя несколько минут в процессе наших объятий Грэг слегка передвинул меня, и тут я заметила, что Лиссы нигде нет. Я вскочила с его колен — едва не свалившись при этом — и оглянулась.

— Где Лисса?

Он попытался притянуть меня к себе.

— В туалете, наверно.

Алкоголь мешал мне почувствовать ее эмоции через нашу связь. Выйдя в коридор, я испустила вздох облегчения, не слыша больше громкой музыки и голосов. Здесь было тихо — если не считать грохота, доносившегося из-за третьей от меня двери. Она оказалась приоткрыта, и я вошла внутрь.

Девушка-«кормилица» съежилась в углу, Лисса стояла, скрестив на груди руки, с гневным, пугающим выражением лица. Она в упор смотрела на Вейда, а он на нее, словно зачарованный. В руках он сжал бейсбольную биту и, похоже, уже успел пустить ее в дело, поскольку комната выглядела разгромленной: книжные полки, стерео, зеркало...

— Теперь разбей окно, — ровным тоном приказала Лисса. — Давай. Это все пустяки.

Загипнотизированный, он подошел к большому темному окну. Удивленно раскрыв рот, я смотрела, как он размахнулся и ударил битой по стеклу. Осколки полетели во все стороны, свет раннего утра, обычно затененный, хлынул в комнату, ударили Вейду в глаза. Тот вздрогнул, но остался на месте.

— Лисса! — воскликнула я. — Прекрати! Заставь его остановиться.

— Он раньше должен был остановиться.

До предела огорченное, возмущенное выражение лица делало ее почти неузнаваемой, и я определенно никогда не видела, чтобы она творила такие вещи. Я, конечно, понимала, что это такое. Принуждение. Остался последний шаг — заставить Вейда использовать биту против себя самого.

— Пожалуйста, Лисса. Хватит. Пожалуйста.

Сквозь туман опьянения ко мне просочился ручеек ее эмоций, настолько сильных, что я еле устояла на ногах. Гнев, жестокость, беспощадность. И это обычно милая, уравновешенная Лисса! Мы знакомы с детского сада, но в этот момент я едва узнавала ее.

Мне стало страшно.

— Пожалуйста, Лисса, оно того не стоит. Отпусти его.

Она не отвела яростного взгляда от Вейда. Он медленно поднял биту и нацелил ее на собственную голову.

— Лисс! — продолжала молить я. О господи! Схватить ее, что ли, чтобы заставить остановиться? — Не делай этого!

— Его нужно остановить, — так же ровно ответила Лисса. Бита пришла в движение, вот-вот она наберет инерцию и... — Он не должен был так обращаться с ней. Люди не должны так обращаться с другими людьми... даже с «кормильцами».

— Но ты пугаешь ее. Посмотри.

Я думала, ее и этим не отвлечь, но потом Лисса перевела взгляд на «кормилицу». Та по-прежнему сидела в углу, скрючившись и обхватив себя руками. Голубые глаза стали как блюдца, лицо залито слезами. Она сдавленно, испуганно всхлипывала.

Лицо Лиссы оставалось невозмутимым, но я чувствовала: внутри ее идет борьба за то, чтобы снова обрести контроль над собой. Какой-то частью души она не хотела причинять вред Вейду, несмотря на весь свой гнев. Ее лицо сморщилось, она закрыла глаза. Правая рука потянулась к левому запястью и сжала его с такой силой, что ногти впились в плоть. Она вздрогнула от боли, но боль отвлекла ее от Вейда, это я почувствовала через нашу связь.

Принуждение перестало действовать, и он выронил биту, недоуменно оглядываясь. Оказывается, все это время я не дышала и только сейчас с облегчением выдохнула. В коридоре послышались шаги — видимо, грохот привлек наконец внимание. Двоих служащих ворвались в комнату и замерли, увидев результаты погрома.

— Что случилось?

Мы смотрели друг на друга. Вейд выглядел совершенно сбитым с

толку — таращился на комнату, на биту, на Лиссу, на меня.

— Не знаю... Я не мог... — Внезапно, заметно разъярившись, он сосредоточил свое внимание на мне. — Какого... Это все ты! Ты хотела, чтобы я отпустил «кормилицу»!

Служащие вопросительно посмотрели на меня, и в считанные мгновения я приняла решение.

«Ты должна защитить ее. Чем больше она использует свои способности, тем хуже будет. Останови ее, Роза. Останови ее до того, как они заметят и уничтожат и ее тоже. Увези ее отсюда».

Перед моим внутренним взором возникло лицо страстно умоляющей меня госпожи Карп. Я бросила на Вейда высокомерный взгляд, прекрасно понимая, что никто не поставит под вопрос сделанное мной признание и не заподозрит Лиссу.

— Ну да, если бы ты позволил ей уйти, — сказала я, — мне не пришлось бы делать этого.

«Спаси ее. Спаси ее от нее самой».

После того вечера я никогда больше не напивалась снова — чтобы не утрачивать бдительности, находясь рядом с Лиссой. И два дня спустя, когда меня вот-вот должны были исключить за «порчу имущества», мы с Лиссой сбежали из Академии.

* * *

Я вернулась в настоящее, Ксандер обхватил меня рукой, Лисса смотрела на нас огорченно, с возмущением, и я понятия не имела, может ли она снова выкинуть что-нибудь из ряда вон. Однако ситуация слишком походила на ту, два года назад, и я понимала, что должна разрядить ее.

— Всего капельку крови, — продолжал Ксандер. — Я много не возьму. Просто хочется попробовать кровь дампира на вкус. Никто и внимания не обратит.

— Ксандер, — раздраженно сказала Лисса, — оставь ее в покое.

Я выскользнула из-под его руки и улыбнулась, подыскивая ответную реплику, которая не спровоцировала бы драку, а свела все к шутке.

— Давай! — подразнивающим тоном сказала я. — В последний раз, когда парень попросил меня об этом, пришлось его хорошенько стукнуть, а ты чертовски миловиднее Джесси. Только зря попорчу твою красоту.

— Миловиднее? — переспросил он. — Я сногшибательно сексуальный, но не миловидный.

Карли засмеялась.

— Нет, ты миловидный. Тодд рассказывал, что ты купил французский гель для волос.

Как человека сильно подвыпившего, Ксандера оказалось несложно отвлечь; забыв обо мне, он кинулся защищать свою честь. Напряжение спало. Он умело отбивал нападки по поводу своих волос.

Взгляд Лиссы встретился с моим, и я прочла в ее глазах облегчение. Она улыбнулась, еле заметно кивнула мне в знак благодарности и снова переключила внимание на Аарона.

ШЕСТНАДЦАТЬ

На следующий день меня поразило, сколь многое изменилось с тех пор, как Джесси и Ральф начали распускать слухи. Некоторые, конечно, продолжали перешептываться и хихикать по моему поводу. Новообращенные Лиссы относились ко мне по-дружески и время от времени даже защищали. В целом же, поняла я, одноклассники уделяли мне теперь совсем мало внимания. Тем более что возникло нечто, интересующее их несравненно больше.

Лисса и Аарон.

По-видимому, Мия узнала о нашей вечеринке и рвала и метала, когда выяснилось, что Аарон был там без нее. Она ворчала на него, говорила, что если он хочет быть с ней, то нечего бегать туда-сюда и встречаться с Лиссой. Но Аарон решил, что не хочет быть с ней, и рас прощался тем же утром.

Теперь они с Лиссой были неразлучны. Сцепив руки, болтая и смеясь, стояли в коридоре, вместе ходили на ланч. Она смотрела на него таким взглядом, словно он был самым очаровательным парнем на планете, хотя, судя по доходящим до меня эмоциям, испытывала к нему не более чем умеренный интерес. В основном все делалось напоказ, о чем он не догадывался. Сам он смотрел на нее, как на святыню.

А что я? Я чувствовала себя скверно.

Мои чувства, однако, не шли ни в какое сравнение с тем, что испытывала Мия. Во время ланча она сидела как можно дальше от нас, с устремленным прямо перед собой взглядом, игнорируя утешительные замечания друзей. На бледных круглых щеках пылали розовые пятна, глаза были обведены красным. Она не говорила никаких колкостей, когда я проходила мимо. Никаких самодовольных шуток. Никаких насмешливых взглядов. Лисса растоптала ее — в точности как Мия поклялась поступить с нами.

Единственным, кто чувствовал себя еще несчастнее Мии, был Кристиан. В отличие от нее, у него хватало силы духа разглядывать счастливую парочку, причем с выражением неприкрытой ненависти на лице. Как обычно, никто не обращал на него внимания. Кроме меня.

В десятый раз за день наткнувшись на Лиссу и Аарона, я ушла с ланча пораньше и отправилась к госпоже Кармак, учительнице, преподающей основы контроля над стихиями. Мне нужно было выяснить у нее кое-что.

— Роза?

Она, казалось, удивилась при виде меня, но не выказывала никаких признаков раздражения, как это происходило с половиной учителей в последнее время.

— Да. У меня есть вопрос насчет... мmm... магии.

Она вскинула брови. Новички не изучают магию.

— Конечно. Что тебя интересует?

— Я слышала рассказ священника о святом Владимире... Вам известно, в какой стихии он специализировался? В смысле, Владимир, не священник.

Она нахмурилась.

— Странно. Притом что его так почитают здесь, этот вопрос никогда не всплывал. Я не специалист, но согласно всем известным мне источникам он не делал ничего, что позволило бы соотнести его с какой-то конкретной стихией. Ни он сам, ни пишущие о нем об этом не упоминают ни слова.

— А как насчет его исцелений? Существует стихия, которая позволяет совершать их?

— Нет, насколько мне известно. — Она еле заметно улыбнулась. — Верующие люди сказали бы, что он исцелял, опираясь на могущество Божье, а не на тот или иной вид стихийной магии. В конце концов, все источники в один голос твердят, что он был «исполнен духа».

— Возможно такое, что у него не было никакой специализации?

Ее улыбка погасла.

— Роза, тебя на самом деле интересует святой Владимир? Или Лисса?

— Ну, не совсем... — промямлила я.

— Знаю, это для нее нелегко — в особенности по сравнению со всеми ее одноклассниками, — но она должна быть терпелива, — мягко объяснила госпожа Кармак. — Это придет. Это всегда приходит.

— Но иногда все же нет.

— Крайне редко. Но мне не кажется, что это тот самый случай. Она имеет способности выше среднего во всех четырех стихиях, пусть пока и недотягивает в какой-то одной до уровня специализации. Не за горами тот день, когда это произойдет.

Ее рассуждения натолкнули меня на новую мысль:

— А можно специализироваться больше чем в одной стихии?

Она засмеялась и покачала головой.

— Нет. Слишком много силы. Справиться сразу с несколькими видами магии... Нет, это невозможно — без того, чтобы лишиться разума.

Ничего себе!

— Ладно. Спасибо. — Я совсем было собралась уходить, и тут у меня мелькнула еще одна мысль. — Вы помните госпожу Карп? В чем она специализировалась?

Как и у других учителей, упоминание этого имени вызвало у госпожи Кармак заметное ощущение неловкости.

— А ведь правда...

— Что?

— Я почти забыла. Она относилась к числу тех редких мороев, которые так и не обрели специализации. Просто могла управлять всеми четырьмя стихиями, хотя на очень низком уровне.

* * *

На уроках второй половины учебного дня я размышляла над словами госпожи Кармак, пытаясь увязать их со своей объединяющей теорией «Лисса — Карп — Владимир». Еще я наблюдала за Лиссой. Сейчас множество людей жаждали поболтать с ней, и она почти не замечала, что я все больше помалкиваю. Правда, я часто ловила на себе ее взгляд, в котором читалась усталость. Весь день разговаривать и смеяться с людьми, которые были симпатичны ей лишь отчасти, — на это уходило много сил.

— Миссия завершена, — сказала я ей после школы. — Можно притормозить проект промывания мозгов.

Мы сидели на скамейке во дворе, она покачивала ногами туда и обратно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты добилась, чего хотела. Помешала людям превратить мою жизнь в кошмар. Растигнула Мию, отбила у нее Аарона. Позабавься с ним еще недельки две, а потом брось и его, и других королевских чад. Ты почувствуешь себя счастливее.

— По-твоему, сейчас я несчастна?

— Я знаю, что это так. Вечеринки — это, конечно, весело, но ты терпеть не можешь притворяться, будто дружишь с людьми, которые тебе не нравятся, — а тебе большинство из них не нравится. Я знаю, как сильно этой ночью Ксандер взбесил тебя.

— Он ничтожество, но я в силах с этим справиться. Если я перестану водить дружбу с ними, все вернется к тому, как было. Мия возникнет снова, а сейчас она не может досаждать нам.

— Оно того не стоит — учитывая, как все остальное досаждает тебе.

— Ничто мне не досаждает, — как бы защищаясь, сказала она.

— Да? Потому что ты безумно влюблена в Аарона и ждешь не дождешься, когда вы с ним снова зайдетесь сексом?

Она сердито посмотрела на меня.

— Я уже говорила, что иногда ты ведешь себя как последняя сука?

Я проигнорировала ее выпад.

— Я просто хочу сказать, что тебе есть о чем беспокоиться и без всего этого дерьяма. Ты так часто применяешь принуждение, что можешь просто выжечь себя изнутри.

— Роза! — Она взмолнико оглянулась. — Потише!

— Но это правда. У тебя крыша поедет, если ты и дальше будешь применять его.

— По-моему, ты несешь чушь.

— А как насчет госпожи Карп?

Лицо Лиссы застыло.

— Что насчет нее?

— Ты в точности как она.

— Нет!

В зеленых глазах вспыхнуло возмущение.

— Она тоже умела исцелять.

Услышать от меня такое — уже одно это повергло ее в шок. Эта тема очень долго тяготила нас, но мы почти никогда не затрагивали ее.

— Это ничего не означает.

— Ты так считаешь? Тебе известен еще хоть кто-то, способный делать такие вещи? Или использовать принуждение применительно к дампирам и мороям?

— Она никогда не применяла принуждение таким образом, — возразила Лисса.

— А вот и нет. Тем вечером, когда ее забрали отсюда, она пыталась применить его ко мне. И у нее начало получаться, но ее увезли прежде, чем она успела закончить.

Или она все же закончила? В конце концов, всего месяц спустя мы с Лиссой сбежали из Академии. Я всегда считала, что это была моя собственная идея, но, может, внушение госпожи Карп подспудно действовало на меня?

С выражением вызова на лице Лисса скрестила руки на груди, но, судя по ее эмоциям, она испытывала при этом беспокойство.

— Прекрасно. Ну так что? Хорошо, она такая же ненормальная, как я. Это ничего не означает. Она сошла с ума потому, что... ну, просто потому,

что сошла. Это не имеет никакого отношения ко всему остальному.

— Но речь идет не только о ней, — медленно сказала я. — Есть и еще кое-кто сродни вам обеим. — Я заколебалась. — Знаешь, святой Владимир...

Ну, тут я ей все и выложила. О том, что она, госпожа Карп и святой Владимир могли исцелять и использовать принуждение таким образом, какое другим мороям и не снилось. Видя, как она поеживается, я тем не менее рассказала ей, что они все чаще впадали в депрессию и даже причиняли себе вред.

— Он пытался совершить самоубийство. — Я отвела взгляд. — И я заметила шрамы на коже госпожи Карп — она царапала собственное лицо. Она прикрывала царапины волосами, но при желании их можно было разглядеть и даже отличить свежие от старых.

— Это ничего не означает, — стояла на своем Лисса. — Просто совпадение.

Чувствовалось, она верит в это, хочет верить. Но частью души она давно и отчаянно хотела убедиться в том, что это не ненормальность, что она не одна такая. И пусть сказанное мной не радовало, по крайней мере, теперь она знала, что есть и другие такие же.

— Это тоже совпадение — что никто из трех не имел специализации?

Я пересказала Лиссе разговор с госпожой Кармак, изложила свою теорию о специализации во всех четырех стихиях. Я также сообщила ей замечание госпожи Кармак о том, как, используя сразу несколько стихий, можно сгореть.

Когда я закончила, Лисса потерла глаза, слегка размазав макияж, и улыбнулась мне бледной улыбкой.

— Прямо и не знаю, что безумнее: то, о чем ты рассказываешь, или тот факт, что ты читала, пытаясь разобраться во всем.

Ее способность шутить вызвала у меня чувство облегчения. Я улыбнулась.

— Я вообще-то умею читать.

— Знаю, знаю, Но также знаю, что ты целый год читала «Код да Винчи».

Она засмеялась.

— Это не моя вина! И нечего менять тему разговора.

— Я и не меняю. — Она вздохнула. — Даже не знаю, что обо всем этом и думать.

— А что об этом думать? Просто не делай того, что тебя огорчает. Держись в стороне. Так тебе будет легче.

Она покачала головой.

— Не могу. Пока не могу.

— Почему? Я уже говорила тебе... — Я оборвала себя, удивляясь, как не догадалась прежде. — Дело не просто в Мие. Ты ведешь себя так, потому что испытываешь ощущение, будто обязана. Все еще пытаешься быть Андреем.

— Родители хотели бы, чтобы я...

— Твои родители хотели бы, чтобы ты была счастлива.

— Все не так просто, Роза. Нельзя вечно игнорировать этих людей. Я тоже принадлежу к королевской семье.

— Большинство из них подлизы.

— И тем не менее именно они помогут мороям править. Андрей понимал это. Он был не в восторге от них, но делал то, что должно, зная, насколько они важны.

Я откинулась на спинку скамьи.

— Ну, не исключено, что это тоже проблема. Мы решаем, кто важен, а кто нет, основываясь исключительно на происхождении, вот и пришли к тому, что нами правят люди с вывихнутыми мозгами. Именно поэтому число мороев неуклонно сокращается, а королевой у нас сука Татьяна. Не исключено, что требуется совсем новая королевская система.

— Перестань, Роза. Это освящено веками. Ничего другого нам не дано.

Я бросила на нее сердитый взгляд.

— Ладно, ладно, а как ты отнесешься к этому? — продолжала она. — Ты беспокоишься, что я могу стать похожа на них — на госпожу Карп и святого Владимира. Ну, она сказала, чтобы я не использовала свои способности, от этого будет только хуже. А если я перестану их использовать? Откажусь от принуждения, исцеления и всего такого?

Я прищурилась.

— А ты можешь?

Собственно говоря, именно этого я и добивалась все время. Ее депрессия возникла одновременно с первыми проявлениями этих сил, сразу после аварии. Я была убеждена, что одно с другим связано, в особенности в свете последующих событий и предостережения госпожи Карп.

— Да.

Ее лицо дышало спокойствием, уверенностью и серьезностью. Со светлыми, заплетенными в аккуратную французскую косу волосами и в замшевом блейзере поверх платья, она выглядела так, словно прямо сейчас могла занять в совете место своей семьи.

— Но только ты должна отказаться от всего, — предупредила я. —

Никаких исцелений, каким бы милым и достойным сожаления ни выглядело животное. И никакого принуждения, чтобы затуманивать головы королевским отпрыскам.

Она серьезно кивнула.

— Это я могу. Так тебе будет спокойнее?

— Да, но я чувствовала бы себя еще спокойнее, если бы ты не только отказалась от магии, но и вернулась к обществу Натальи.

— Знаю, знаю, но этого не обещаю. По крайней мере, пока.

Я никак не могла сдвинуть ее с этой точки — пока не могла — и все же чувствовала облегчение оттого, что она готова отказаться от использования своих сил.

— Ладно, — сказала я и подхватила рюкзак. Я опаздывала на тренировку. Уже в который раз. — Поиграй с ними в популярность, если тебе так хочется, но только пока все остальное держишь в узде. — Я на мгновение заколебалась. — И знаешь, что касается Аарона и Мии, ты уже добилась, чего хотела. Чтобы продолжать общаться с этими королевскими подлизами, вовсе не требуется держать его около себя.

— Почему у меня все время такое чувство, будто он тебе разонравился?

— Он мне нравится, сносно, я бы сказала: ровно в той степени, что и тебе. Просто не думаю, что ты обязана изображать страсть по отношению к тем, к кому относишься всего лишь «сносно».

Лисса в притворном изумлении широко распахнула глаза.

— И это говорит Роза Хэзевей? Ты изменилась? Или у тебя есть кто-то, к кому ты относишься больше чем «сносно»?

— Ты не забыла — я присматриваю за тобой? — смущенно сказала я. — Кстати, я никогда раньше не замечала, какой Аарон нудный.

Она усмехнулась.

— Тебя послушать, все нудные.

— Кристиан — нет.

И как только это вырвалось у меня? Она улыбнулась.

— Он псих. В один прекрасный день просто перестал со мной разговаривать. Без всякой причины. — Она скрестила на груди руки. — А мне казалось, ты его терпеть не можешь.

— Да, я по-прежнему терпеть его не могу, но признаю — он интересный.

Вообще-то к этому времени я считала, что совершила ошибку насчет Кристиана. От него бросало в дрожь, он был мрачный тип, которому нравилось поджигать людей, все правда. С другой стороны, он был умный,

забавный — на свой извращенный лад — и каким-то образом успокаивающе действовал на Лиссу.

Но я на все это наплевала. Позволила злости и ревности взять верх над собой и добилась того, что они расстались. Если бы тем вечером я не помешала ему увидеться с ней, может, она не расстроилась бы так сильно и не стала бы резать себе запястья. Может, сейчас они были бы вместе, в стороне от школьных политических махинаций. Судьба, по-видимому, придерживалась на этот счет того же мнения, потому что буквально через пять минут после того, как я рассталась с Лиссой, мне попался во внутреннем дворе Кристиан. На мгновение наши взгляды встретились. Потом мы разошлись. Я продолжала идти, но все медленнее. Сделала глубокий вдох и остановилась.

— Постой... Кристиан! — окликнула я его. Проклятье, я и так опаздывала на тренировку.

Дмитрий убьет меня.

Кристиан повернулся ко мне — руки в карманах длинного черного пальто, общее впечатление подавленности и заброшенности.

— Чего тебе?

— Спасибо за книги.

Он не отвечал.

— Те, которые ты передал через Мейсона.

— А, а я-то думал, ты имеешь в виду какие-то другие книги.

Какая самоуверенность!

— Тебе неинтересно, зачем они мне понадобились?

— Это твое дело. Наверно, скучно в своем заточении.

— Чтобы читать, меня знаешь какая скука должна одолеть?

Он не откликнулся на мою шутку.

— Что тебе нужно, Роза? У меня полно дел.

Я знала, что это неправда, но весь мой сарказм куда-то подевался.

— Я хочу, чтобы ты... ну... снова начал встречаться с Лиссой.

— Ты это серьезно? — Он внимательно, с подозрением вглядывался в мое лицо. — После того, что ты мне тогда сказала?

— Ну... Мейсон передал тебе?..

Губы Кристиана изогнулись в усмешке.

— Он передал мне... кое-что.

— И?

— И я не хочу слышать это от Мейсона. — Его усмешка стала шире, и я вперила в него сердитый взгляд. — Ты послала его извиняться за себя. Прояви мужество и сделай это сама.

— Ты ничтожество.

— Ага. А ты обманщица. Я хочу посмотреть, как ты проглотишь свою гордость.

— Я уже две недели жую свою гордость, — проворчала я.

Он пожал плечами, повернулся и двинулся дальше.

— Подожди! — Я положила руку ему на плечо. Он остановился и снова повернулся ко мне. — Хорошо, хорошо. Я наврала насчет ее отношения к тебе. Она никогда ничего такого не говорила, понял? Ты ей нравишься. Я сделала это, потому что мне ты не нравишься.

— И однако ты хочешь, чтобы я встречался с ней.

Когда следующие слова сорвались с моих губ, я просто ушам своим не поверила.

— Думаю, может... может, ты... подходишь ей.

Несколько долгих, трудных мгновений мы пристально смотрели друг на друга. Его усмешка немного увяла. Все-таки я удивила его.

— Извини, не расслышал. Повтори.

Я чуть не треснула его.

— Может, хватит? Я хочу, чтобы ты снова встречался с ней.

— Нет.

— Послушай, я же объяснила, что соврала...

— Дело не в этом. Дело в ней. Думаешь, я могу теперь заговорить с ней? Она снова принцесса Лисса. — Его слова истекали ядом. — Я не могу даже подойти к ней — когда вокруг толкуются все эти королевские особы.

— Ты тоже королевская особа, — сказала я больше для себя, чем для него, поскольку постоянно забывала, что Озера тоже принадлежат к двенадцати избранным семействам.

— Какое это имеет значение для семьи, из которой вышли стригои?

— Но ты же не... Постой. Вот почему она связалась с тобой, — внезапно поняла я.

— Потому что я собираюсь стать стригоем? — ехидно спросил он.

— Нет... Потому что ты тоже потерял родителей. И оба вы видели, как они умирают.

— Это она видела, как ее родители умирают. А я видел, как моих убивают.

Я вздрогнула.

— Знаю. Извини. Это, должно быть... Ну, я даже представить себе не могу, на что это похоже.

Взгляд его льдисто-голубых глаз устремился в пустоту.

— Это было похоже на то, будто целая Армия смерти вторглась в наш

дом.

— Ты имеешь в виду... своих родителей?

Он покачал головой.

— Стражей, которые пришли убить их. В смысле, мои родители стали жуткими, да, но в целом по-прежнему выглядели как мои родители, разве что чуть бледнее. Глаза отсвечивали красным. Но ходили они и разговаривали, как прежде. Я не понимал, что с ними не так, а вот моя тетя понимала. Я был на ее попечении, когда они пришли и за мной.

— Родители собирались и тебя трансформировать? — Я уж и забыла, из-за чего застряла тут, так меня захватила его история. — Ты же был совсем маленький.

— Думаю, они хотели меня трансформировать, когда я стану чуть постарше. Однако тетя Таша не отдала меня. Они пытались уговорить ее, а когда она перестала их слушать, попробовали захватить силой. Она боролась с ними и действительно серьезно пострадала, когда ворвались стражи. — Он перевел взгляд на меня и невесело улыбнулся. — Армия смерти, как я уже говорил. Ты и сейчас не в своем уме, Роза, но если в итоге станешь такой же, как все они, то сможешь причинить очень серьезный вред. Даже я не стал бы связываться с тобой.

Я почувствовала себя мерзко. Ему так не повезло в жизни, а я лишила его одной из немногих радостей, которые он имел.

— Кристиан, мне очень жаль, что я разрушила ваши с Лиссой отношения. Это было глупо. Она хотела встречаться с тобой. Думаю, и теперь еще хочет. Если бы ты мог просто...

— Не могу, я же сказал.

— Я беспокоюсь о ней. Она снова влезла во все эти королевские дела, чтобы отомстить Мие... и сделала это ради меня.

— И ты что же, не испытываешь благодарности?

Сарказм Кристиана вернулся.

— Я обеспокоена. Играть во все эти коварные политические игры — плохо для нее. Я ей говорю, но она меня не слушает. Мне... Мне не помешала бы помочь.

— Ей не помешала бы помочь. Нечего смотреть на меня так удивленно — я уже давно понял, что с ней происходит что-то странное. Не говоря уж об этой истории с запястьями.

Я так и подскочила.

— Это она рассказала тебе?

Почему бы и нет? Она ему обо всем рассказывала.

— В этом нет нужды, — ответил Кристиан. — У меня есть глаза. —

Наверно, у меня сделался жалкий вид, потому что он вздохнул и провел рукой по волосам. — Послушай, если я застану Лиссу одну... то попытаюсь заговорить с ней. Но, честно говоря... если ты действительно хочешь помочь ей... ты же знаешь, я пария, какой от меня толк? Поговори лучше с кем-нибудь еще. С Кировой. С этим твоим наставником-стражем. С кем-то, кто что-нибудь да значит. С кем-то, кому ты доверяешь.

— Лиссе это не понравится. Да и мне тоже.

— Ну, всем нам приходится делать то, что не нравится. Такова жизнь.
Мое ехидство тут же пробудилось к жизни.

— У тебя такое хобби — поучать в свободное от занятий время?

Призрачная улыбка скользнула по его лицу.

— Знаешь, не будь ты такой психованной, с тобой было бы забавно поболтать.

— Удивительно, но я думаю то же самое о тебе.

Его улыбка стала шире, и, не сказав больше ни слова, он ушел.

СЕМНАДЦАТЬ

Несколько дней спустя Лисса нашла меня рядом со столовой и сообщила потрясающие новости.

— В этот уик-энд дядя Виктор повезет Наталью в Мизулу. Походить по магазинам. Купить что-нибудь для танцев. Они говорят, я могу поехать с ними.

Я молчала. Это, казалось, удивило ее.

— Разве это не круто?

— Для тебя, да. Лично мне не светят ни магазины, ни танцы.

Она взвужденно улыбнулась.

— Он сказал Наталье, что кроме меня она может пригласить еще двоих. Я уговорила ее взять тебя и Камиллу.

Я вскинула руки.

— Ну, спасибо, но мне после школы даже в библиотеку не позволено ходить, а уж в Мизулу меня тем более не отпустят.

— Дядя Виктор надеется, что сумеет убедить директрису Кирову позволить тебе ехать с нами. Дмитрий старается добиться того же.

— Дмитрий?

— Да. Он должен сопровождать меня, если я покидаю кампус. — Она усмехнулась, решив, что мой интерес к Дмитрию объясняется желанием походить по магазинам. — В конце концов они вычислили номер моего счета — и я получила допуск к своим деньгам. Можем купить платья и всякое такое. И уж если тебе позволят ходить по магазинам, то и на танцы ты тоже сможешь пойти.

— Мы что, часто ходим на танцы? — спросила я.

До сих пор мы этого не делали. Санкционированные школой мероприятия? Ни за что.

— Конечно нет. Но ты же знаешь, существуют тайные вечеринки. Можно пойти как бы на танцы, а оттуда удрать. — Она испустила счастливый вздох. — Мия чуть не лопается от зависти.

Она продолжала взахлеб болтать о магазинах, в которые мы пойдем, и вещах, которые купим. Мысль обзавестись новыми нарядами, конечно, приятно волновала меня, но я по-прежнему не верила, что это мифическое разрешение будет получено.

— Ой, послушай! — воскликнула она. — Ты должна взглянуть на туфли, которые Камилла одолжила мне. Я и понятия не имела, что у нас

один и тот же размер. Подожди-ка.

Она открыла свой рюкзак и принялась в нем рыться.

И вдруг вскрикнула и бросила его на землю; оттуда посыпались книги, туфли и... мертвый голубь.

Это был бледно-коричневый голубь, которые во множестве сидят на проводах вдоль автострады и бродят под деревьями в кампусе. Крови было так много, что я затруднилась определить, где рана. Откуда у такой небольшой птицы столько крови? Безотносительно к этому голубь, несомненно, был мертв.

С широко распахнутыми глазами, прикрыв рот ладонью, Лисса молча смотрела на него.

— Сукин сын! — выругалась я, схватила прутик и отодвинула маленькое, покрытое перьями тельце в сторону, после чего принялась засовывать ее вещи в рюкзак, стараясь выкинуть из головы мысли о переносимых птицами микробах. — Зачем, черт побери, это все делается... Лисс!

Я схватила ее и оттащила в сторону, увидев, что она опустилась на колени и протянула руку к птице. По-моему, она даже не осознавала, что делает, просто повиновалась инстинкту, столь мощному, что он действовал независимо от ее воли.

— Лисса! — Она все еще тянулась к птице, и я с силой обхватила ее за плечи. — Не делай этого. Не надо.

— Я могу спасти его.

— Нет, не можешь. Ты обещала, помнишь? Кто умер, тот умер, и пусть так и остается. — Все еще чувствуя ее напряжение, я заговорила умоляющим тоном: — Пожалуйста, Лисс! Ты обещала. Больше никаких исцелений. Ты говорила, что не будешь делать этого. Ты обещала мне.

Спустя несколько мгновений ее рука упала, а сама она привалилась ко мне.

— Я ненавижу это, Роза. Ненавижу все это!

К нам приближалась Наталья, не догадываясь, какое ужасное зрелище ее ожидает.

— Эй, девчонки... О бог мой! — вскрикнула она при виде голубя. — Что это?

Я помогла Лиссе встать.

— Еще одна... мmm... выходка.

— Он... мертв?

Ее лицо сморщилось от отвращения.

— Да, — ответила я.

Наталья, почувствовав наше напряжение, переводила взгляд с меня на Лиссу и обратно.

— Что-нибудь еще случилось?

— Ничего. — Я отдала Лиссе ее рюкзак. — Просто чья-то тупая, безумная шутка. Я собираюсь сообщить Кировой, чтобы они могли убрать его.

Наталья только что не позеленела и отвернулась.

— Почему кто-то продолжает проделывать с тобой такие вещи? Это ужасно.

Мы с Лиссой обменялись взглядами.

— Понятия не имею, — сказала я.

Тем не менее, шагая к офису Кировой, я начала размышлять.

Когда мы обнаружили лису, Лисса намекнула, что кто-то, должно быть, знает об истории с вороном. Я не поверила в это. Мы были одни в лесу, и госпожа Карп уж точно никому не рассказала. Но что, если на самом деле кто-то еще все видел? Что, если это делается с целью не напугать ее, а посмотреть, станет ли она исцелять снова? Что там было в записке с кроликом? «Я знаю, кто ты такая».

Лиссе, однако, я не стала сообщать о своих предположениях, хватит с нее моих теорий заговоров. Кроме того, когда на следующий день я встретилась с ней, она практически забыла о голубе в свете других новостей: Кирова дала мне разрешение отправиться в поездку на уик-энд. Перспектива пошататься по магазинам может многое скрасить — даже убийство животного, — и я решила оставить свои тревоги при себе.

Правда, вскоре выяснилось, что во время поездки меня будут водить на веревочке.

— Директриса Кирова полагает, что со времени возвращения ты вела себя хорошо, — заявил мне Дмитрий.

— Даже несмотря на драку, которую я затеяла на уроке мистера Надя?

— Она не винит тебя за это. В смысле, не только тебя. Я сумел убедить ее, что ты нуждаешься в передышке... и сможешь использовать эту поездку как тренировку.

— Тренировку?

Он коротко объяснил мне, что имеется в виду, пока мы шли, чтобы встретиться с остальными. Виктора Дашкова, хилого, как никогда, сопровождали два его стражи. Наталья на полной скорости чуть не врезалась в него. Он улыбнулся ей и ласково обнял, что кончилось жутким приступом кашля. Пока Наталья дожидалась окончания приступа, в ее глазах плескалось беспокойство.

Он заявил, что в состоянии сопровождать нас. Восхищаясь его решимостью, я думала о том, на что он обрекает себя только ради того, чтобы компания девиц могла походить по магазинам.

Мы выехали в Мизулу в большом школьном фургоне вскоре после рассвета. Если желаешь походить по человеческим магазинам, нужно учитывать часы их работы. Затененные окна фургона пропускали мало света, чтобы он не мог причинить вреда вампирам.

В нашей группе было девять человек: Лисса, Виктор, Наталья, Камилла, Дмитрий, я и еще три стража. Двое из них. Бен и Спиридон, всегда сопровождали Виктора. Третий был из числа школьных стражей: ничтожество Стэн, унизивший меня в первый день в школе.

— У Камиллы и Натальи пока нет личных стражей, — объяснил мне Дмитрий. — Они под защитой стражей своих семей, а если покидают Академию, их должен сопровождать школьный страж — в данном случае Стэн. Я здесь как страж Лиссы. Большинство девушек ее возраста не имеют личных стражей, но, учитывая обстоятельства, для нее сделано исключение.

Я сидела в задней части фургона с ним и Спиридоном, таким образом, они получили возможность изливать на меня мудрость стражей, что было частью моей «тренировки». Бен и Стэн сидели впереди, а остальные в середине. Лисса и Виктор много разговаривали, видимо, обсуждали новости. Камилла, которую воспитали вести себя вежливо в присутствии старших представителей королевских семей, в основном улыбалась и кивала. Наталья же выглядела покинутой и старалась отвлечь на себя внимание отца, но безуспешно. Он, по-видимому, умел отключаться от ее трескотни.

— У Лиссы вообще-то должно быть два стража, — заявила я, обращаясь к Дмитрию, — как у всякой принцессы.

Спиридон был возраста Дмитрия, с колючими светлыми волосами и более легкомысленной манерой поведения. Несмотря на свое греческое имя, он имел типичное произношение уроженца южных штатов.

— Не волнуйся, придет время, и у нее их будет сколько нужно. Дмитрий уже один из них. Велики шансы, что ты станешь вторым. Именно поэтому сегодня ты здесь.

— Это как бы часть обучения, — предположила я.

— Ага. Сегодня ты будешь партнером Дмитрия.

На мгновение воцарилось странное молчание, вряд ли замеченное кем-нибудь, кроме меня и Дмитрия. Наши взгляды встретились.

— Партнером по страже, — без всякой необходимости разъяснил

Дмитрий, точно с трудом отгоняя мысли о других видах партнерства.

— Ага, — подтвердил Спиридон.

Не замечая возникшего между нами напряжения, он принялся объяснять, как стражи работают в паре. Все это был стандартный материал, прямо из учебников, но сейчас, когда мне предстояло действовать в реальном мире, он звучал совсем по-другому, более значительно, что ли. Стражи приставлялись к мороям в зависимости от степени важности последних. Обычно в группе по двое, что, скорее всего, ожидало и меня. Один постоянно держался около объекта, другой находился позади и следил за окружающей обстановкой. Нетрудно догадаться, что они называются соответственно ближним и дальним стражами.

— Ты, скорее всего, всегда будешь ближним стражем, — сказал мне Дмитрий. — Ты девушка того же возраста, что принцесса, поэтому можешь держаться около нее, не привлекая ничьего внимания.

— И я должна не сводить с нее глаз, — заметила я. — И ты тоже.

Спиридон засмеялся и ткнул Дмитрия локтем.

— У тебя просто блестящая ученица. Ты уже дал ей кол?

— Нет. Она еще не готова.

— Я была бы готова, если бы кое-кто показал мне, как использовать его, — возразила я.

Я знала, что у каждого стража в фургоне были скрытые под одеждой кол и пистолет.

— Тут дело не просто в умении пользоваться колом, — сказал Дмитрий в своей манере умудренного опытом старца. — Нужна готовность убивать стригоев.

— Почему должны возникнуть трудности с тем, чтобы убивать их?

— Большинство стригоев — сознательно трансформировавшие себя бывшие морои. Некоторые были мороями или дампирами, которых обратили насилиственno. Велика вероятность того, что ты знакома с кем-нибудь из них. Как думаешь, сумеешь убить того, кого прежде знала?

С каждой минутой наша поездка становилась все менее забавной.

— По-моему, да. Я ведь обязана сделать это. Если вопрос стоит так — или они, или Лисса...

— И все же не исключено, что ты заколеблешься, пусть на мгновение, — сказал Дмитрий. — И колебание может погубить тебя. И ее.

— Ну и как сделать так, чтобы не колебаться?

— Нужно все время твердить себе, что перед тобой — не те люди, которых ты знала. Они — безнравственные, извращенные, противоестественные создания. Ты должна избавиться от прошлых

привязанностей и делать то, что нужно. Если в них сохранилась хоть частица прежних себя, они, скорее всего, будут благодарны тебе за это.

— Благодарны за то, что я убиваю их?

— А чего хотела бы ты, если бы кто-то превратил тебя в стригоя?

Я знала, что ответить на это, и потому промолчала.

Не сводя с меня взгляда, он продолжил:

— Чего хотела бы ты, если бы узнала, что тебя против воли собираются превратить в стригоя? Что ты утратишь все моральные устои и понимание того, что правильно, а что нет? Что всю оставшуюся жизнь — бессмертную жизнь — ты будешь убивать ни в чем не повинных людей? Чего бы ты хотела?

В фургоне воцарилось напряженное молчание. Глядя на Дмитрия, отягощенная всеми этими вопросами, я внезапно поняла, почему мы с ним привлекли всеобщее внимание — не считая наших хороших внешних данных.

Я никогда не встречала никого, кто относился к своей деятельности в качестве стражи так серьезно, кто понимал бы все ее роковые последствия. Уж точно не среди людей своего возраста. Даже Мейсон оказался не в состоянии понять, почему на вечеринке я не могла расслабиться и напиться. Дмитрий говорил, что я лучше многих взрослых стражей осознаю свой долг, а я не понимала почему, ведь они видели немало смертей и сталкивались с серьезными угрозами. И все же в тот момент я осознавала: он прав, мне присуще некое странное понимание того, как соотносятся между собой жизнь и смерть, добро и зло.

И ему оно тоже было присуще. Иногда мы можем испытывать чувство одиночества, но, если нужно, личное откладывается в сторону. Мы осознаем, что, возможно, никогда не будем жить той жизнью, которой хотели бы для себя, но воспринимаем это как должное. Мы понимаем друг друга, понимаем, что главное для нас — защищать других и что наша жизнь легкой не будет никогда.

И как часть единого целого я должна была принять решение.

— Если бы я стала стригоем... я бы хотела, чтобы меня убили.

— Как и я, — ответил он.

Возникло ощущение, что он тоже только что испытал озарение вроде моего, почувствовал некую связь между нами.

— Это напоминает мне, как Михаил преследовал Соню, — задумчиво пробормотал Виктор.

— Кто такие Михаил и Соня? — спросила Лисса.

У Виктора сделался удивленный вид.

— Ну, я думал, ты знаешь. Соня Карп.

— Соня Карп... Вы имеете в виду госпожу Карп? При чем тут она?

Лисса переводила взгляд с меня на своего дядю и обратно.

— Она... стала стригоем, — ответила я, избегая взгляда Лиссы. — Добровольно.

Я не сомневалась, что когда-нибудь Лисса узнает об этом. Таков был финал саги о госпоже Карп, тайна, которую я не доверяла никому, но которая тревожила меня постоянно. Судя по лицу Лиссы и ее эмоциям, которые я ощутила благодаря нашей связи, она была в шоке — в особенности когда до нее дошло, что я знала, но молчала.

— Но мне неизвестно, кто такой Михаил, — добавила я.

— Михаил Теннер, — ответил Спиридон.

— Ох! Страж Теннер. Он был здесь до нашего побега. И почему он преследовал госпожу Карп?

— Чтобы убить ее, — ответил Дмитрий. — Они любили друг друга.

Вся ситуация со стригоями предстала передо мной в совсем новом свете. Наткнуться на стригоя, которого я когда-то знала, в пылу сражения — это одно, и совсем другое — сознательно преследовать того, кого я... любила. Ну, не знаю, способна ли я на такое, пусть даже формально это правильно.

— Может, пора сменить тему разговора? — мягко сказал Виктор. — Сегодня не тот день, когда стоит углубляться в тягостные проблемы.

Думаю, все мы испытали облегчение, когда наконец оказались в торговых рядах. Не забывая о своей роли телохранителя, я все время держалась рядом с Лиссой. Мы переходили из магазина в магазин, изучали новые фасоны. Приятно было снова оказаться на людях и вместе с Лиссой заниматься чем-то, что было просто интересно и не имело никакого отношения к политическим махинациям Академии. Почти как в старые добрые времена. Мне недоставало возможности простого общения с ней. Я скучала по своей старой подруге.

Хотя совсем недавно миновала лишь середина ноября, торговые ряды уже украсили к празднику. Право слово, такая работа мне нравилась. Правда, возникло чувство, будто я немного не в теме, — когда стало ясно, что старшие стражи постоянно поддерживают друг с другом связь с помощью маленьких, крутых на вид устройств. Я не удержалась и высказала Дмитрию свое недовольство отсутствием у меня такого устройства, а он ответил, что лучше учиться обходиться без них. Если я смогу защитить Лиссу без всяких этих новомодных штучек, мне ничто не страшно.

Виктор и Спиридон держались около нас, а Дмитрий и Бен ходили туда и обратно, ухитряясь не напоминать парней, навязчиво преследующих девушек-подростков.

— Это прямо для тебя, — сказала Лисса в «Мейси», [9] протягивая мне безрукавку с низким вырезом, отделанную кружевами. — Я куплю ее.

Я с вожделением разглядывала безрукавку, мысленно уже прикидывая ее на себя. Потом, в очередной раз переглянувшись с Дмитрием, покачала головой и вернула ее Лиссе.

— Скоро зима. Я в ней замерзну.

— Раньше тебя это не останавливало.

Лисса пожала плечами и повесила безрукавку на место. Она и Камилла без устали примеряли платье за платьем, обе располагали такими деньгами, что никакая цена не составляла проблемы. Лисса предложила купить мне то, что я захочу. Мы всегда были щедры друг с другом, и я без малейших колебаний согласилась. Однако мой выбор удивил ее.

— Зачем тебе три терморубашки и башлык? — спросила она, роясь в кипе джинсов. — Ты нагоняешь на меня скуку.

— Что-то я не вижу, чтобы ты купила что-нибудь сногсшибательное.

— Мне такие вещи не идут.

— Ну, спасибо большое.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты даже волосы зачесываешь наверх.

Это была правда. Я прислушалась к совету Дмитрия и стала собирать волосы в высокий узел, чем вызвала у него улыбку. Когда у меня появятся знаки молнии, они будут на виду.

Она оглянулась и убедилась, что никто нас не слышит. Благодаря связи я почувствовала в ней нарастающее беспокойство.

— Ты знала о госпоже Карп.

— Да. Услышала об этом примерно спустя месяц после того, как ее увезли.

Не глядя на меня, Лисса перекинула через руку украшенные вышивкой джинсы.

— Почему ты ничего мне не рассказала?

— Тебе не следовало знать.

— Ты думала, я не в состоянии справиться с этим?

Я постаралась сохранить бесстрастное выражение лица, мысленно вернувшись в те дни, два года назад. Меня уже дня два как отстранили от занятий за то, что я будто бы разгромила комнату Вейда, когда королева с эскортом прибыла с визитом в школу. Мне позволили пойти на прием, но под строжайшей охраной, дабы я снова «что-нибудь не натворила».

* * *

Два стража, сопровождавшие меня в столовую, по дороге негромко разговаривали между собой.

— Пробиваясь на свободу, она убила своего лечащего врача и сильно покалечила половину пациентов и сестер.

— Есть представление, куда она отправилась?

— Нет, ее все еще выслеживают, но... Ну, ты знаешь, как это бывает.

— Я никогда не ожидал от нее ничего такого.

— Но ведь Соня сошла с ума. Ты видел, какой неистовой она стала ближе к концу? Она была способна на все.

До этого момента я с несчастным видом тащилась рядом с ними, но тут резко вскинула голову.

— Соня? Вы имеете в виду госпожу Карп? — спросила я. — Она убила кого-то?

Стражи обменялись взглядами. В конце концов один сказал, потупив глаза:

— Она стала стригоем, Роза.

Я остановилась и вытаращилась на них.

— Госпожа Карп? Нет... Это немыслимо...

— Увы, да, — сказал второй. — Но... Никому ничего не рассказывай. Это трагедия. Не стоит превращать ее в школьную сплетню.

Тот вечер прошел для меня как в тумане. Госпожа Карп. Психованная Карп. Убила кого-то, чтобы стать стригоем. Я никак не могла поверить в это.

Когда прием закончился, я сумела ускользнуть от своих стражей и провела несколько драгоценных мгновений с Лиссой. К тому времени наша связь стала сильнее, и мне не требовалось вглядываться в ее лицо, чтобы понять, какой несчастной она себя чувствовала.

— Что случилось? — спросила я.

Мы стояли в углу коридора, рядом с выходом из столовой.

Ее глаза ничего не выражали. Я ощущала, что у нее болит голова, эта боль передавалась мне.

— Я... Не знаю. Просто очень странное чувство. Как будто меня преследуют, и я должна быть очень осторожна, представляешь?

Я не знала, что сказать. Не думаю, что ее преследовали, но госпожа Карп постоянно говорила то же самое. Чистая паранойя.

— Скорее всего, это ничего не значит, — по возможности беспечно

сказала я.

— Скорее всего. — Она прищурилась. — Однако о Вейде то же самое не скажешь. Он не молчит о том, что произошло. Ты не представляешь, что он болтает о тебе.

Ну, я вполне могла представить, но меня это не заботило.

— Забудь о нем. Он ничтожество.

— Ненавижу его! — выпалила она, ее голос звучал необычайно резко. — Я вместе с ним в комитете по сбору средств, и меня просто тошнит оттого, как он каждый день раскрывает свой жирный рот и флиртует с любой проходящей мимо особой женского пола. Почему ты должна расплачиваться за то, что сделал он? Это его нужно наказать!

Во рту у меня пересохло.

— Да ну, ерунда... Мне плевать. Успокойся, Лисс.

— А мне не плевать! — Теперь, казалось, она разозлилась на меня. — Хотелось бы найти способ отомстить ему. Причинить ему вред, как он причинил его тебе.

Заложив руки за спину, она порывисто, с самым решительным видом принялась расхаживать туда и обратно. В ее душе клокотали ненависть и гнев — я чувствовала это через нашу связь. Прямо буря какая-то, и она чертовски напугала меня. Еще ощущались неуверенность, неуравновешенность. Лисса не знала, что делать, но очень хотела сделать хоть что-то. Все, что угодно. Перед моим внутренним взором возникла сцена с бейсбольной битой. И потом я вспомнила о госпоже Карп.

«Она стала стригоем, Роза».

Это был едва ли не самый ужасный момент моей жизни. Даже ужаснее, чем когда я увидела Лиссу в комнате Вейда. Ужаснее, чем смотреть, как она исцеляет ворона. Потому что получалось — я не знаю свою лучшую подругу. Не знаю, на что она способна. Год назад я расхохоталась бы, если бы мне сказали, что она может захотеть стать стригоем. Впрочем, год назад я расхохоталась бы также и оттого, если бы мне сказали, что у нее возникнет желание резать собственные запястья или заставить кого-то «расплатиться» за содеянное.

В этот момент я внезапно поверила, что она способна сделать невозможное. И должна обеспечить, чтобы этого не произошло.

«Спаси ее. Спаси ее от нее самой».

— Мы уходим. — Я схватила ее за руку и потащила по коридору. — Прямо сейчас.

Гнев мгновенно сменился непониманием.

— О чём ты? В лес, что ли, пойдем?

Я не отвечала. Что-то в выражении моего лица или словах, видимо, напугало ее, она больше не задавала никаких вопросов, пока я уводила ее от столовой и дальше, к парковке, на которой стояли автомобили, принадлежащие гостям сегодняшнего вечера. Один из них был большой «линкольн таун-кар», и его водитель как раз запускал мотор.

— Кто-то, наверно, рано уезжает, — сказала я, глядя на него из-за кустов. Оглянувшись, я убедилась, что позади никого нет. — Они, наверно, могут появиться в любую минуту.

И тут до Лиссы дошло.

— Когда ты сказала: «Мы уходим», ты имела в виду... Нет, Роза, мы не можем покинуть Академию. Нам в жизни не пройти через караульных и пропускные пункты.

— Нам и не придется, — твердо заявила я. — Шофер все сделает.

— Но как заставить его помогать нам?

Я набрала в грудь побольше воздуха, сожалея о том, что предстояло сказать, но выбирая из двух зол меньшее.

— Помнишь, как ты заставила Вейда?

Она вздрогнула, но кивнула.

— Сейчас тебе придется сделать то же самое. Подойди к шоферу и вели ему спрятать нас в своем багажнике.

Шок и страх нахлынули на нее. Она не понимала и была напугана. Очень сильно напугана. Впрочем, это началось не сейчас: сначала исцеление и сопровождающая его депрессия, потом Вейд. Очень уязвимая вообще, сейчас в особенности, она находилась на грани чего-то, недоступного нашему пониманию. Однако, несмотря на все это, она верила мне. Верила, что я сумею защитить нас обеих.

— Хорошо. — Она сделала несколько шагов в сторону шофера и оглянулась на меня. — Зачем? Зачем мы делаем это?

Я подумала о яростном гневе Лиссы, о ее желании пойти на все, лишь бы отомстить Вейду. И подумала о госпоже Карп — симпатичной, но неуравновешенной госпоже Карп, которая стала стригоем.

— Потому что я забочусь о тебе, — ответила я. — Больше тебе ничего не нужно знать...

* * *

В торговых рядах в Мизуле, стоя между вешалками с модной одеждой, Лисса повторила свой вопрос:

— Почему ты ничего мне не рассказала?

— Тебе не нужно было этого знать, — почти дословно повторила я свой ответ.

Она зашагала в примерочную комнату, шепнув по дороге:

— Ты волновалась, что я могу сломаться? Могу стать стригоем?

— Нет. Ни в коем случае. Она — это она. Ты никогда такого не сделаешь.

— Даже если сойду с ума?

— Нет. — Я попыталась свести наш разговор к шутке. — В этом случае ты просто обреешься наголо и заведешь тридцать кошек.

Мрачное настроение Лиссы усилилось, но она ничего не сказала. Остановившись рядом с примерочной комнатой, она сняла с вешалки черное платье и улыбнулась.

— Это платье просто создано для тебя. И плевать я хотела на внезапно овладевшую тобой практичность.

Сшитое из гладкого черного шелка платье без бретелек, длиной до колен. И хотя подол у него чуть подкачал, все равно оно должно было обтягивать тело и в целом выглядело очень сексуально. Потрясающе сексуально.

— Да, это мое платье, — признала я, не спуская с него глаз и желая до боли в груди.

Оно относилось к разряду тех платьев, которые способны изменить мир. Создать целую религию.

Лисса сняла вешалку с моим размером.

— На, примерь.

Я покачала головой.

— Не могу. Это значит подвергнуть тебя опасности. Никакое платье не стоит твоей ужасной гибели.

— Тогда я просто куплю его без примерки.

Что она и сделала.

День тянулся, и я все больше уставала. Постоянно быть начеку оказалось не таким уж забавным делом. И когда мы добрались до последнего, ювелирного, магазина, я даже обрадовалась.

— Иди-ка сюда, — поманила меня Лисса к одной из витрин. — Вот это ожерелье очень подойдет к твоему платью.

Я посмотрела. Тонкая золотая цепочка с кулоном в виде розы из золота и бриллиантов. С перевесом в сторону бриллиантов.

— Терпеть не могу розы.

Лиссе всегда нравилось предлагать мне что-то с розами — просто

чтобы посмотреть мою реакцию, наверно. Когда она увидела, сколько стоит ожерелье, ее улыбка увяла.

— Ох, ты только посмотри! Даже у тебя есть пределы, — поддразнила я ее. — Наконец-то ты перестанешь швыряться деньгами.

Мы подождали, пока Виктор и Наталья закончат с покупками. Она выглядела так, будто у нее выросли крылья счастья и она вот-вот улетит на них. Видимо, отец купил что-то сильно ей понравившееся и очень дорогое. Я порадовалась за нее. Она так жаждала его внимания — и получила его.

Мы возвращались домой в усталом молчании, по нашему расписанию днем полагалось спать, а теперь все сдвинулось. Сидя рядом с Дмитрием, я откинулась на спинку сиденья и зевнула, остро ощущая, что наши руки соприкасаются. Чувство близости и связи между нами воспламеняло.

— Что, мне больше никогда не носить платьев? — спросила я тихонько, не желая разбудить остальных.

Виктор и стражи бодрствовали, но девушки уже спали.

— Почему же? Если ты не при исполнении служебных обязанностей, пожалуйста, например во время отпуска.

— Не надо мне никакого отпуска. Я хочу всегда оберегать Лиссу. — Я снова зевнула. — Видел это платье?

— Видел.

— Тебе понравилось?

Он не ответил, я решила воспринять это как «да».

— Моя репутация окажется под угрозой, если я надену его на танцы?

— Вся школа окажется под угрозой, — ответил он еле слышно.

Я улыбнулась и заснула.

Когда я проснулась, моя голова лежала у него на плече, а его длинное пальто — пыльник — прикрывало меня, точно одеяло. Фургон стоял, мы вернулись в школу. Я сняла с себя пыльник и вслед за Дмитрием вышла наружу, внезапно почувствовав себя полностью выспавшейся и счастливой. Жаль, что моя свобода подходила к концу.

— Снова в заточение, — вздохнула я, идя рядом с Лиссой в столовую. — Если ты изобразишь сердечный приступ, может, я смогу сбежать.

— Без своих покупок? — Она вручила мне сумку, и я радостно закружилась вместе с нею. — Жду не дождусь увидеть это платье.

— Я тоже. Если мне позволят пойти. Кирова все еще решает, достойна ли я послабления.

— Покажи ей скучные рубашки, которые ты купила, и она впадет в кому. Я сама чуть не грохнулась в обморок.

Я засмеялась, вскочила на деревянную скамейку, прошла по ней и в конце спрыгнула.

— Не такие уж они скучные.

— Не знаю что и думать о новой, ответственной Розе.

Я вспрыгнула на другую скамью.

— Не такая уж я ответственная.

— Эй! — окликнул меня Спиридон, он и остальные шли сзади. — Ты все еще при исполнении. Никаких развлечений.

В его голосе слышался смех.

— Конечно, никаких развлечений. Клянусь... Дерьмо!

Я была уже на третьей скамье, у самого конца. Мышцы напружинились — я готовилась спрыгнуть вниз. Вот только когда я попыталась сделать это, ноги не последовали за мной. Дерево, мгновение назад казавшееся прочным и твердым, раздалось подо мной, словно это было не дерево, а бумага. Оно расщепилось, одна нога прошла сквозь дыру и застряла в ней, а тело устремилось вниз. Скамья удерживала меня, нога неестественно выгнулась в щиколотке. Я рухнула — с треском, но трещало не дерево. Тело прострелила жуткая боль.

И потом меня накрыла тьма.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Я очнулась, глядя на скучный белый больничный потолок. На меня падал отфильтрованный свет — чтобы не навредить пациентам-моросям. Я чувствовала себя странно, как бы дезориентированной, но боли не было.

— Роза.

Этот голос ласкал кожу, словно шелк. Мягкий. Низкий. Повернув голову, я встретилась со взглядом темных глаз Дмитрия. Он сидел в кресле рядом с постелью, каштановые волосы свесились вперед и обрамляли лицо.

— Привет... — не столько сказала, сколько прокаркала я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Странно. Вроде как под хмельком.

— Доктор Олендзки дала тебе что-то обезболивающее — ты выглядела совсем плохо, когда мы принесли тебя сюда.

— Я этого не помню. Долго я была в отключке?

— Несколько часов.

— Должно быть, она дала что-то сильное.

Некоторые детали начали всплывать в памяти. Скамья. Нога на уровне щиколотки захвачена. После этого все как в тумане. Чувство жара, потом холода и снова жара. Я на пробу пошевелила кончиком здоровой ноги.

— Совсем не疼.

— Потому что на самом деле ты серьезно не пострадала.

Я вспомнила звук, с которым треснула щиколотка.

— Уверен? Я помню, как... нога согнулась. Нет. Не может быть, чтобы не было перелома. — Я сумела сесть, чтобы осмотреть щиколотку. — Или, по крайней мере, растяжения.

Он привстал, чтобы удержать меня.

— Будь осторожна. Может, с ногой все в порядке, но ты еще немножко не в себе.

Я медленно нагнулась к ногам. Джинсы были закатаны. Щиколотка немного покраснела, но ни синяков, ни припухлости не было.

— Господи, вот повезло! Если бы я сломала ее, то долгое время не смогла бы тренироваться.

Улыбаясь, он опустился в кресло.

— Знаю. Пока я нес тебя, ты все время это твердила. Была жутко огорчена.

— Ты... Ты принес меня сюда?

— После того, как мы разломали скамью и освободили твою ногу.

Господи! Многое же я упустила. Представить только, Дмитрий несет меня на руках! Для полного счастья не хватало только того, чтобы при этом он был бы еще без рубашки.

Потом до меня дошло, что же, собственно, случилось.

— Какая-то скамья все мне испортила! — простонала я.

— Что?

— Я целый день охраняла Лиссу, и все вы говорили, что яправлялась хорошо. Потом я возвращаюсь сюда, и какая-то жалкая скамья выводит меня из строя. На глазах у всех. Ничего себе.

— Это не твоя вина, — сказал он. — Никто не знал, что скамья гнилая. Выглядела она нормально.

— Все равно. Мне следовало, как обыкновенному человеку, просто идти по дорожке. Другие новички смешают меня с грязью, когда я выйду отсюда.

Его губы растянулись в улыбке.

— Может, подарки развеселят тебя.

Я выпрямилась на постели.

— Подарки?

Улыбка исчезла. Он протянул мне маленькую коробочку и листок бумаги.

— От принца Виктора.

Удивленная тем, что Виктор решил сделать мне подарок, я прочитала записку — всего несколько торопливо нацарапанных строк:

Роза!

Я очень рад, что ты серьезно не пострадала. Это поистине чудо. Ты словно заколдована, и Василисе повезло, что у нее есть ты.

— Как мило с его стороны. — Я открыла коробочку. — Вот это да!

Там лежало то самое ожерелье с розочкой, которое Лисса хотела купить мне, но не могла себе позволить. Я подняла блестящую цепочку, так что усыпанная бриллиантами розочка свободно свесилась вниз.

— Немного чересчур для подарка выздоравливающей, — заметила я, вспомнив цену.

— На самом деле он купил его в честь того, что твой первый день в качестве официального стражи прошел с таким успехом. Он заметил, что

вы с Лиссой разглядывали его.

— Вот это да! — Больше мне ничего не приходило на ум. — Не думаю, что он прошел с таким уж успехом.

— А я думаю.

Усмехнувшись, я положила ожерелье в коробочку и поставила ее на столик.

— Ты сказал «подарки». Есть еще что-то?

Он рассмеялся, звук его смеха ласкал меня.

Господи, как мне нравился звук его смеха!

— Это от меня.

Он протянул мне маленький простой кошелек. Озадаченная, взволнованная, я открыла его. Помада для губ, как раз такая, какая мне нравится. Я сто раз жаловалась, что она у меня кончилась, но никогда не думала, что Дмитрий обращал на это внимание.

— Когда ты успел купить ее? Я глаз с тебя не спускала в торговых рядах.

— Секрет стражи.

— А это за что? Тоже за мой первый день?

— Нет. Просто захотелось тебя порадовать.

Без раздумий я наклонилась и обняла его.

— Спасибо.

Судя по тому, как он замер, я застала его врасплох... на самом деле я и себя застала врасплох. Однако спустя несколько мгновений он расслабился и обхватил меня обеими руками, ладони пришлились как раз на нижнюю часть спины. Я подумала, что умру прямо тут, на месте.

— Я рад, что тебе лучше. — Его голос звучал так, словно он говорил мне в волосы, прямо над ухом. — Когда я увидел, как ты упала...

— Ты подумал: «Вот неудачница».

— Нет, я совсем другое подумал.

Он слегка отодвинулся, чтобы видеть меня. Мы оба молчали. Глядя в его глубокие темные глаза, я испытывала желание утонуть в них, тепло разлилось по телу, словно внутри вспыхнуло пламя. Очень медленно, очень бережно его рука потянулась ко мне, и длинные пальцы легли на мою щеку. При первом прикосновении я вздрогнула.

Он накрутил на палец локон моих волос, как тогда, в гимнастическом зале.

Сглотнув ком в горле, я с трудом оторвала взгляд от его губ, пытаясь представить себе, каково это — поцеловать его. Эта мысль и возбуждала, и пугала, что, конечно, было ужасно глупо. Сколько раз я без малейших

раздумий целовалась с парнями! Подумаешь, большое дело — поцеловаться еще с одним, пусть даже он сильно старше. Тем не менее при одной мысли о том, что расстояние между нами сократится и его губы приблизятся к моим, мир вокруг начинал вращаться.

Послышался негромкий стук в дверь, и я быстро отпрянула. Доктор Олендзки просунула голову в помещение.

— Мне послышалось, вы разговариваете. Как ты себя чувствуешь?

Она вошла и заставила меня лечь. Дотронулась до моей щиколотки, наклонилась, чтобы как следует осмотреть ее, и, закончив, покачала головой.

— Тебе повезло. Ты так вонюла, когда тебя принесли сюда, что я подумала — ногу придется ампутировать. Видимо, просто шок. Думаю, завтра тебе лучше воздержаться от тренировок, но во всем остальном ты в порядке.

Я испустила вздох облегчения. Никаких воспоминаний о собственной истерике у меня не сохранилось, и, по правде говоря, я чувствовала определенное смущение, что закатила ее, хотя понять меня можно: если бы я сломала или потянула ногу, возникли бы серьезные проблемы. Я не могла позволить себе впустую тратить здесь время, любой ценой я должна весной пройти испытания и закончить обучение.

Доктор Олендзки разрешила мне покинуть больницу и вышла. Дмитрий принес с другого кресла мои туфли и пальто. Глядя на него и вспоминая, что произошло перед приходом доктора, я чувствовала, как внутри разливается тепло.

— У тебя есть ангел-хранитель, — сказал он, глядя, как я надеваю туфли.

— Я в ангелов не верю. Я верю только в то, о чем могу позаботиться сама.

— Ну, значит, у тебя потрясающее тело, — продолжал он, и я подняла на него вопросительный взгляд. — В смысле способности исцеления, я имею в виду. Мне рассказывали об этой аварии...

Он не уточнил, о какой конкретно аварии идет речь, но это могла быть лишь одна. Обычно разговор на подобную тему нервировал меня, но я чувствовала, что с Дмитрием могу обсуждать все.

— Все говорили, что я не должна была выжить, если учесть, где я сидела и то, каким именно образом машина врезалась в дерево. Фактически только Лисса находилась в безопасной зоне. Мы обе отделались несколькими царапинами.

— И после этого ты не веришь в ангелов и чудеса.

— Нет. Я...

— Это поистине чудо. Ты словно заколдovана...

Мысли с бешеноj скоростью заметались в голове. Может... может, у меня и впрямь есть ангел-хранитель...

Дмитрий тут же заметил изменение в моем настроении.

— Что такое?

Я попыталась стряхнуть с себя эффект воздействия медицинских препаратов, мысленно потянулась к Лиссе и восприняла некоторые ее ощущения. Тревогу. Огорчение.

— Где Лисса? Она была здесь?

— Где она сейчас, я не знаю. Когда я нес тебя сюда, она все время была рядом, а потом сидела у постели до прихода доктора. Пока она сидела с тобой, ты была спокойнее.

Я закрыла глаза с таким ощущением, будто вот-вот потеряю сознание. Я была спокойнее, пока Лисса сидела рядом со мной, потому что она забирала мою боль. Она исцеляла меня...

Как и тем вечером, когда произошла авария.

Теперь все стало на свои места. Я не должна была выжить, все так говорили. Кто знал, какие повреждения я на самом деле получила? Внутреннее кровотечение. Сломанные кости. Не важно, что именно, потому что Лисса исправила все. Вот почему, очнувшись, я увидела, что она склонилась надо мной.

И скорее всего, именно поэтому она потеряла сознание, когда ее доставили в больницу, и на протяжении нескольких последующих дней чувствовала себя измученной. И тогда же началась ее депрессия. Это воспринималось как нормальная реакция на потерю семьи, но вот вопрос — не стояло ли за этим что-то еще, не сыграло ли тут свою роль исцеление меня?

Я снова открыла разум и мысленно потянулась к ней. Если и сейчас она исцелила меня, нетрудно догадаться, в каком она состоянии. Ее настроение и магия связаны, а исцеление такого рода — очень мощное проявление магии.

Обезболивающие прекратили свое действие, и я буквально ворвалась в нее. Сейчас это стало почти легко. Волна эмоций нахлынула на меня, и это оказалось хуже, чем когда я воспринимала одолевающие ееочные кошмары. Никогда прежде я не сталкивалась с эмоциями такой интенсивности.

Она сидела на чердаке церкви и плакала, сама до конца не понимая, чем вызваны слезы. Тот факт, что она сумела исцелить меня и в результате

я не пострадала, вызвал у нее чувство огромного облегчения и радости. Одновременно она ощущала ужасную слабость в душе и теле. Словно какая-то часть ее выгорела дотла. Лисса понимала, что я приду в бешенство, узнав, что она снова использовала свою силу, и это беспокоило ее. Лиссу пугал завтрашний учебный день, необходимость притворяться, будто ей нравится общаться с теми, чьи интересы сводились к трате семейных денег и насмешкам над менее удачливыми и популярными. Она не хотела идти на танцы с Аароном, не хотела ловить его восхищенные взгляды, — не хотела, чтобы он прикасался к ней, она испытывала к нему лишь дружеское расположение.

Ничего такого особенного в этих переживаниях не было, но, по-моему, они действовали на нее гораздо сильнее, чем на обычного человека. Она не могла разобраться в них, не могла сообразить, как справиться с ними.

— С тобой все в порядке?

Она подняла взгляд и откинула прилипшие к влажным щекам волосы. У входа на чердак стоял Кристиан. Потерявшись в своих огорчениях, она даже не слышала, как он поднимался по ступенькам. В ее душе вспыхнули влечение к нему и гнев.

— Все прекрасно! — огрызнулась она и, шмыгая носом, попыталась остановить поток слез, не желая, чтобы он стал свидетелем ее слабости.

С бесстрастным выражением лица он прислонился к стене и скрестил на груди руки.

— Хочешь... Хочешь поговорить?

Она издала хриплый смешок.

— Ты хочешь поговорить теперь? После того, как я столько раз пытались...

— Я не хотел этого! Это все Роза...

Он оборвал себя. Я вздрогнула: ну все, теперь мне конец.

Лисса встала и подошла к нему.

— При чем тут Роза?

— Ни при чем. — Он снова натянул на лицо маску безразличия. — Забудь.

— При чем тут Роза? — Лисса подошла ближе; даже злясь на него, она ощущала, как ее неудержимо к нему тянет. И потом до нее дошло. — Она заставила тебя? Сказала, чтобы ты прекратил эти разговоры со мной?

Он с каменным выражением лица смотрел прямо перед собой.

— Скорее всего, это было к лучшему. Я лишь усложнил бы твою ситуацию. Ты не достигла бы того, что имеешь сейчас.

— Как это понимать?

— А что тут непонятного? Господи! Сейчас люди живут и умирают по твоему приказу, ваше высочество.

— Ты впадаешь в мелодраму.

— Неужели? Целыми днями я слышу, как люди толкуют о том, что ты делаешь, что думаешь и что носишь. Что ты одобряешь, кого любишь, кого ненавидишь. Они — твои марионетки.

— Вовсе нет. Кроме того, я вынуждена поступать так, чтобы отомстить Мие...

Он закатил глаза.

— Ты даже не знаешь, за что мстишь ей.

Лисса снова разозлилась.

— Она подучила Джесси и Ральфа говорить всякие гадости о Розе! Я не могла допустить, чтобы злоязычие сошло ей с рук.

— Роза сильная. Она справилась бы.

— Ты не видел ее, — упрямо сказала Лисса. — Она плакала.

— Ну и что? Люди плачут. Ты плачешь.

— Но не Роза.

Он повернулся к ней с мрачной улыбкой на губах.

— В жизни не видел таких, как вы обе. Всегда так беспокоитесь друг о друге. Ну, ее в какой-то мере можно понять — что-то вроде пунктика стражи, — но ты ведешь себя точно так же.

— Она моя подруга.

— Думаю, это слишком простое объяснение. — Он вздохнул, на мгновение впал в задумчивость, но тут же вернулся к своему саркастическому тону. — Значит, ты мстишь Мие за то, как она поступила с Розой. Но ты кое-что упускаешь. Почему она сделала это?

Лисса нахмурилась.

— Потому что ревновала Аарона ко мне...

— Все гораздо сложнее, принцесса. С чего бы ей ревновать? Она уже имела его. Ей не требовалось нападать на тебя, чтобы удержать его. Просто нужно было продолжать делать вид, что он для нее все. Вот как ты сейчас, — с кривой улыбкой добавил он.

— Ладно. Что еще, в таком случае? Почему она так стремилась разрушить мою жизнь? Я не делала ей ничего плохого... в смысле, до всего этого.

Он наклонился вперед, буравя ее взглядом льдисто-голубых глаз.

— Это правда. Ты не делала... зато твой брат делал.

Лисса отшатнулась от него.

— Ты ничего не знаешь о моем брате.

— Я знаю, что он страшно унизил Мию.

— Перестань лгать!

— Я не лгу! Клянусь Богом или кем тебе угодно! Когда Мия была первокурсницей, я время от времени разговаривал с ней. Популярной она не была, зато обладала немалой хитростью. Она и сейчас такая. Работала в разных комитетах с членами королевских семей — танцы там и прочее в том же духе. Всего не знаю. Но в одном из них она познакомилась с твоим братом, и они, типа, встречались.

— Это невозможно. Я бы знала. Андрей рассказал бы мне.

— А вот и нет. Он не рассказывал никому и ей велел помалкивать. Убедил ее, что это их маленькая романтическая тайна, хотя на самом деле просто не хотел, чтобы его друзьям стало известно, что он путается с первокурсницей, да еще и не из королевской семьи.

— Если ты узнал об этом от Мии, она могла все выдумать.

— Ну, не думаю, что она что-то там выдумывала, когда я застал ее плачущей. Спустя несколько недель она ему надоела, и он бросил ее. Сказал, что она слишком юная и он не может завязывать серьезные отношения с девушкой, которая не принадлежит к королевской семье. Насколько я понял, он даже не попытался как-то сгладить разрыв — например, предложить «остаться друзьями» или что-то в этом роде.

Лисса чуть не набросилась на Кристиана.

— Ты не знал Андрея! Он никогда так не поступил бы.

— Это ты его не знала. Не сомневаюсь, он был очень мил со своей младшей сестренкой, более того, наверняка любил тебя. Однако в школе, со своими друзьями, он вел себя как такое же ничтожество, что и остальные королевские особы. Я замечал это, потому что замечаю все. Это легко, когда для других ты как бы не существуешь.

Не зная, верить ему или нет, она с трудом сдерживала рыдания.

— Значит, вот из-за чего Мия ненавидит меня?

— Да. Она ненавидит тебя из-за него. Ну и потому, что ты из королевской семьи, а ее положение ненадежно. Именно по этой причине она так стремится пробиться в их ряды и дружить с ними. Я думаю, это просто совпадение — то, что она заполучила твоего бывшего бойфренда, но теперь, когда ты вернулась, данное обстоятельство лишь усугубило ситуацию. Уведя у нее Аарона и распустив слухи о родителях Мии, вы, подружки, заставили ее по-настоящему страдать. Хорошая работа.

Я ощутила внутри Лиссы крошечный укол чувства вины.

— Мне по-прежнему кажется, что ты лжешь.

— У меня много недостатков, но я не лжец. Это твоя область. И Розы.

— Мы не...

— Распускать приукрашенные слухи о чьих-то семейных делах. Говорить, что ненавидишь меня. Притворяться, что дружишь с теми, кого считаешь болванами. Встречаться с парнем, который тебе не нравится.

— Мне он нравится.

— Нравится или нечто большее?

— А есть разница?

— Да. Нравится — это когда ты встречаешься с крупным светловолосым болваном и смеешься его глупым шуткам.

И совершенно неожиданно Кристиан наклонился вперед и поцеловал Лиссу — горячо, крепко, яростно, изливая гнев, страсть и вожделение, которые всегда сдерживал в себе. Ее никогда так не целовали, и я почувствовала, что она отвечает на поцелуй, реагирует на Кристиана — ведь он заставил ее ощутить себя такой живой, как никогда не удавалось Аарону или кому-то еще.

Кристиан оторвался от нее, но не отодвинулся.

— Вот как это происходит, когда тебе кто-то больше чем нравится.

Сердце Лиссы бешено колотилось от гнева и желания.

— Ну, ты мне не то что нравишься. Думаю, и ты, и Мия лжете насчет Андрея. Аарон никогда ничего такого не выдумал бы.

— Конечно, он способен произносить исключительно односложные слова.

Лисса отодвинулась.

— Уходи. Отвяжись от меня.

Он с комическим видом повел взглядом по сторонам.

— Ты не можешь вышвырнуть меня отсюда. Мы оба подписали договор аренды.

— Убирайся! — закричала она. — Ненавижу тебя!

Он поклонился.

— Все, что пожелаете, ваше высочество.

Бросив напоследок на Лиссу мрачный взгляд, Кристиан покинул чердак.

Она упала на колени и дала волю слезам, которые так долго сдерживала при нем. Я с трудом пыталась разобраться, из-за чего она, собственно, так страдает. Бог знает, я тоже могу расстраиваться — как, к примеру, после инцидента с Джесси, — но не так же сильно! Воспоминания обуревали ее, жалили мозг. Разговор об Андрее. Ненависть Мии. Поцелуй Кристиана. Исцеление меня. Все разом навалилось на нее. Вот что такое настоящая депрессия, поняла я. Вот что такое безумие.

Захлестнутая вихрем чувств, утопая в своей боли, Лисса сделала единственное, что могло дать выход бушующим внутри эмоциям. Открыла кошелек и достала маленькую бритву, которую всегда носила с собой...

Ощущая тошноту, но не имея сил вырваться из нее, я увидела, как она разрезала себе левую руку и по белой коже потекла кровь. Как всегда, она не касалась вен, однако на этот раз надрезы были глубже обычного. Боль ужасная, однако именно благодаря своей интенсивности она позволяла отвлечься от душевных страданий и почувствовать, как снова овладеваешь ситуацией.

Капли крови усеивали пыльный пол, и мир вокруг начал вращаться. Зрелище собственной крови заинтересовало ее. Всю жизнь она пила кровь других — мою, «кормильцев». А теперь — вот она, ее собственная, течет без остановки. С нервным смешком она подумала, что это забавно. Может, позволяя крови течь, она каким-то образом возвращает ее тем, у кого брала ее раньше. А может, тратит впустую, тратит впустую священную кровь Драгомиров, над которой все так трясутся.

Я научилась прокладывать путь в ее голову, а теперь никак не могла вырваться оттуда, оказавшись в ловушке ее эмоций, слишком сильных, слишком захватывающих. Но я должна освободиться — это я понимала каждой частичкой своего существа. Должна остановить ее. Она слишком ослабела от исцеления, чтобы вдобавок терять так много крови.

Наконец-то сумев вырваться, я обнаружила, что по-прежнему нахожусь в больнице. Дмитрий мягко встряхивал меня, снова и снова произнося мое имя. Рядом с ним стояла доктор Олендзки с мрачным, встревоженным лицом.

Глядя на Дмитрия, я чувствовала, как сильно и, главное, искренне он тревожится за меня. Кристиан когда-то посоветовал мне обратиться за помощью к человеку, которому я могла бы довериться в том, что касается Лиссы, но я пренебрегла его советом, потому что не доверяла никому, кроме нее. Однако, глядя на Дмитрия сейчас, снова ощущая возникшее между нами чувство глубокого взаимопонимания, я осознала, что на свете есть еще один человек, которому можно довериться.

— Я знаю, где она, — хрипло прокаркала я. — Лисса. Мы должны помочь ей.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Трудно сказать, что в конечном счете заставило меня решиться на это. Я долго хранила в душе множество тайн, думая, что таким образом защищаю Лиссу. Однако умалчивать об этой истории с порезами не означало защищать ее. Я не могла заставить ее прекратить, более того, сейчас я задавалась вопросом — не по моей ли вине все началось? Ничего плохого с ней не происходило, пока она не исцелила меня после аварии. Что, если бы она оставила меня раненой? Может, я и сама поправилась бы и сегодня с ней все было бы хорошо.

Я оставалась в больнице, пока Дмитрий пошел за Альбертой. Он не колебался ни мгновения, когда я рассказала ему, где Лисса, добавив, что ей угрожает опасность.

После этого все происходило как в замедленном фильме ужасов. Я ждала, время как будто остановилось. Наконец Дмитрий вернулся с Лиссой, пребывающей в бессознательном состоянии. В больнице поднялась суматоха, и все прикладывали усилия, чтобы я не совала нос в происходящее. Лисса потеряла много крови, и, хотя у них была под рукой «кормилица», требовалось сначала привести Лиссу в сознание, чтобы она могла пить кровь, а это оказалось нелегко. Только к середине академической ночи кто-то решил, что она достаточно стабильна и меня можно допустить к ней.

— Это правда? — спросила она, едва я вошла в палату. Она лежала в постели, запястья ее были перебинтованы. Я знала, что потерю крови восполнили, но, по мне, она все еще выглядела бледновато. — Они сказали, что это была ты. Ты сообщила им.

— У меня не было другого выхода. Лисс... Ты порезала себя хуже, чем когда-либо. И после того как ты исцелила меня... а потом вся эта история с Кристианом... ты могла не справиться и нуждалась в помощи.

Она закрыла глаза.

— Кристиан. Ты знаешь о нем. Конечно. Ты знаешь обо всем.

— Прости. Я просто хотела помочь.

— А как же то, о чем говорила госпожа Карп? Что нужно все держать в тайне?

— Она имела в виду другое. Не думаю, что она хотела бы, чтобы ты продолжала резать себя.

— А о «другом» ты тоже им рассказала?

Я покачала головой.

— Пока нет.

Она устремила на меня холодный взгляд.

— Пока. Но собираешься.

— Я вынуждена. Ты можешь исцелять других... но это убивает тебя.

— Я исцеляла тебя.

— Со временем я и так поправилась бы. Щиколотка зажила бы. Тебе не нужно было этого делать — оно того не стоило. Думаю, я знаю, когда это началось... когда ты впервые исцелила меня...

Я объяснила, что произошло после аварии и как потом пробудилась ее сила — и одновременно началась депрессия. Заметила, что и наша связь возникла тогда же, хотя и не совсем понятно почему.

— Не знаю, что в точности происходит, но это выше нашего понимания. Мы нуждаемся в помощи.

— Они увезут меня, — безжизненно сказала она. — Как госпожу Карп.

— Думаю, они постараются помочь тебе. Они действительно были очень обеспокоены. Лисс, я сделала это ради тебя. Просто очень хочу, чтобы с тобой все было хорошо.

Она отвернулась.

— Уйди, Роза.

Что я и сделала.

На следующее утро ее отпустили с условием, что каждый день она будет являться на прием к консультанту. Дмитрий сказал, что для борьбы с депрессией к ней применят медикаментозное лечение. Вообще-то я не в восторге от таблеток, но приветствовала все, что угодно, лишь бы оно помогало ей.

К несчастью, один студент-второкурсник из-за приступа астмы находился в больнице. Он видел, как Дмитрий и Альберта привели Лиссу. Он понятия не имел, что именно произошло, но это не помешало ему разболтать о том, свидетелем чего он стал. За завтраком новости стали известны всем.

И что более важно, все знали, что она не разговаривает со мной.

Соответственно, те очки в общественном мнении, которые я до этого набрала, пошли на убыль. Напрямую она не осуждала меня, но ее молчание выглядело очень красноречиво, и все быстренько сделали нужный вывод.

Весь день я бродила по Академии, точно призрак. На меня посматривали, иногда даже заговаривали, но не более того. В основном, подражая Лиссе, все молчали. Никто открыто не выступал против меня — скорее всего, не хотели рисковать на случай, если мы помиримся. Тем не

менее до меня снова начали доноситься перешептывания с упоминанием «кровавой шлюхи».

Во время ланча Мейсон пригласил меня за свой столик, но я не была уверена, что его приятели настроены столь же дружелюбно, и не хотела стать причиной разногласия между ними. Поэтому я приняла приглашение Натальи.

— Я слышала, Лисса снова пыталась сбежать, а ты помешала ей, — сообщила она.

Пока никто понятия не имел, зачем Лисса оказалась в больнице. Я от всей души надеялась, что так оно и останется.

Пыталась сбежать? Откуда, черт побери, возникла эта идея?

— Зачем ей было убегать?

— Не знаю. — Наталья понизила голос. — Зачем она сделала это в прошлый раз? Я просто говорю то, что слышала.

По мере того как проходил день, этот слух распространялся все шире, так же как и всякие другие предположения о том, что Лисса могла делать в больнице. Особой популярностью пользовались теории о беременности и aborte. Некоторые перешептывались, что она заразилась от Виктора. К истинной разгадке никто даже не приблизился.

Со всей возможной быстротой сбегая по окончании последнего урока, я с удивлением заметила направляющуюся в мою сторону Мию.

— Чего тебе? — спросила я. — Сегодня мне не до игр, деточка.

— Зря выделяешься — никто ведь не видит.

Вспомнив то, о чем рассказывал Кристиан, я пожалела ее. Однако это чувство исчезло, стоило мне бросить один-единственный взгляд на ее лицо. Может, когда-то она и была жертвой, но сейчас превратилась в настоящего монстра. В ней ощущалось что-то холодное, коварное, отличное от прежнего состояния отчаяния и подавленности. Она не осталась в положении побежденной от того, как с ней обошелся Андрей, — если такова правда, а я верила, что это так, — и, по-моему, точно так же не собиралась просто проглотить оскорблений, нанесенные ей Лиссой. Мия из тех, кому любые трудности нипочем.

— Она отдалась от тебя, но ты слишком крутая и слишком высокого мнения о себе, чтобы признать это, — заявила она, выпучив глаза. — Не хочешь отомстить ей?

— У тебя совсем крыша поехала? Она моя лучшая подруга. Ну, чего тебе еще?

— Что-то не похоже — судя по тому, как она себя ведет. Слушай, расскажи мне, что произошло в больнице. Это ведь что-то серьезное? Она

беременна?

— Убирайся.

— Если расскажешь, я велю Джесси и Ральфу говорить, что они все о тебе выдумали.

Я остановилась и развернулась лицом к ней. Испугавшись, она отступила на несколько шагов.

Наверно, вспомнила, что я уже угрожала ей физической расправой.

— Я и так знаю, что они все выдумали, потому что ничего такого не делала. И если ты еще раз попытаешься настроить меня против Лиссы, все будут пересказывать друг другу историю о том, что ты истекаешь кровью, потому что я перерву тебе горло!

С каждым словом мой голос звучал все громче и громче; в конце я уже просто кричала. Мия, явно в ужасе, продолжала пятиться от меня.

— Ты точно сумасшедшая. Неудивительно, что она тебя бросила. Ну, как хочешь. — Она пожала плечами. — Я и без тебя узнаю, что произошло.

* * *

На эти выходные были назначены танцы, но я решила, что не пойду. Во-первых, это выглядело как-то глупо — начинать сейчас, а во-вторых, меня интересовали не сами танцы, а лишь вечеринки, которые обычно происходили потом. Однако без Лиссы мне ни на одну из них не попасть. Вместо этого я засела у себя в комнате, пытаясь — безуспешно — выполнить домашние задания. Благодаря нашей связи я ощущала ее эмоции — преобладали возбуждение и беспокойство. Нелегко целый вечер проводить с парнем, который на самом деле тебе не нравится.

Спустя примерно десять минут после начала танцев мне захотелось принять душ. Когда я, обернув голову полотенцем, возвращалась из ванной комнаты, то увидала стоящего у двери моей комнаты Мейсона. Он не то чтобы вырядился, но, по крайней мере, был не в джинсах.

— А вот и ты наконец. Я уж был готов сдаться.

— Снова поджег огонь? Парням нельзя появляться в этом коридоре.

— Плевать. Какая разница?

Тут он был прав. Может, школа и удерживала на расстоянии стригоев, но явно неправлялась с тем, чтобы мешать нам общаться друг с другом.

— Можно войти? Ты, я вижу, еще не готова.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Нет. Я никуда не иду.

— Брось. — Он протопал за мной внутрь. — В чем дело? Твой разлад с Лиссой? Уверен, вы скоро помиритесь. И с какой стати тебе торчать здесь весь вечер? Если не хочешь встречаться с ней, Эдди позже устраивает вечеринку в своей комнате.

Мой прежний дух, большой любитель развлечений, тут же вскинул голову. Без Лиссы. Скорее всего и без королевских особ.

— Правда?

Поняв, что я начинаю поддаваться, Мейсон расплылся в улыбке. Глядя в его глаза, я снова почувствовала, как сильно нравлюсь ему. И снова удивилась — ну почему я не могу просто иметь нормального бойфренда? Почему так жажду своего крутого и, прямо скажем, староватого наставника, — наставника, которого в итоге, скорее всего, пристрелят еще в расцвете сил?

— Там будут только новички, — продолжал Мейсон, не догадываясь о моих мыслях. — И у меня для тебя есть сюрприз.

— В бутылке?

Если Лисса желает игнорировать меня, причин сохранять трезвость нет.

— Нет, этим Эдди занимается. Давай одевайся. Не в таком же виде ты пойдешь?

Я оглядела свои порванные джинсы и футболку Орегонского университета. Да, определенно не в таком.

Пятнадцать минут спустя мы пересекали внутренний двор на пути к столовой и хохотали, вспоминая в деталях, как во время тренировки на этой неделе один наш особо неуклюжий одноклассник дал сам себе в глаз. Быстро идти на высоких каблуках по замерзшей земле было нелегко. Мейсон взял меня под руку и, можно сказать, наполовину тащил за собой. Это развеселило нас еще больше. В душе начало подниматься ощущение счастья — конечно, совсем от беспокойства о Лиссе я не избавилась, но некоторое чувство освобождения пришло. Обойдусь без нее и ее друзей, у меня есть и свои. И скорее всего, упьюсь до чертиков сегодня вечером. Это, конечно, не разрешит моих проблем, но, по крайней мере, будет весело. Да. Все могло быть гораздо хуже.

И потом мы встретились с Дмитрием и Альбертой.

Они шли куда-то, обсуждая свои дела. Альберта улыбнулась и бросила на нас снисходительный взгляд, которым люди постарше награждают молодых, когда те веселятся и ведут себя глупо. Вроде как посчитала, что мы разошлись и ведем себя чуть-чуть нахально. Мы остановились. Мейсон по-прежнему держал меня под руку.

— Мистер Эшфорд, мисс Хэзевей. Удивительно, что вы еще не в столовой.

Мейсон одарил ее ангельской улыбкой любимца учителей.

— Немного задержались, страж Петрова. Вы же знаете, как это бывает с девушками. Всегда стремятся к совершенству. Вам-то это уж точно должно быть знакомо.

В обычных обстоятельствах я ткнула бы его локтем за то, что он несет такую чушь, но в данный момент я смотрела на Дмитрия и потому утратила дар речи. Что еще важнее, он тоже не отрываясь смотрел на меня.

Наверно, дело было в том, что я надела черное платье. Удивительно, что Альберта не обругала меня по поводу манеры одеваться прямо здесь и сейчас. Ткань облепляла все тело, и ни на одной морской девушке, с их, мягко говоря, не слишком большой грудью, платье не удержалось бы. Розочка Виктора свисала с шеи, и я второпях высушила волосы феном, оставив их распущенными, что, как я знала, нравилось Дмитрию. Колготок на мне не было, потому что с таким платьем колготок не носят, и ноги заледенели. Все, что угодно, лишь бы хорошо выглядеть.

И без сомнения, я выглядела чертовски хорошо, однако лицо Дмитрия ничего не выражало. Он просто смотрел на меня — и смотрел, и смотрел. Может, это само по себе говорило о том, как я выглядела. Вспомнив, что Мейсон держит меня под руку, я выдернула свою. Он и Альберта закончили обмен шутливыми замечаниями, и наши пути снова разошлись.

Когда мы появились в столовой, там гремела музыка, по стенам висели белые рождественские лампочки, и — ух ты! — их свет отбрасывал вращающийся шар для дискотеки, никакого другого освещения не было. Площадку заполонили извивающиеся тела, в основном младшие ученики. Студенты нашего возраста сбились в тесные кучки по углам зала, дожидаясь подходящего момента, чтобы улизнуть. Воспитатели, стражи и учителя расхаживали по залу, останавливая тех, кто слишком уж разошелся.

Увидев Кирову в клетчатом платье без рукавов, я повернулась к Мейсону.

— По-твоему, еще не время выпить чего-нибудь покрепче?

Он ухмыльнулся и снова взял меня под руку.

— Пошли, сейчас время для твоего сюрприза.

Он повел меня через весь зал, по дороге растолкав группу первокурсников, выглядевших слишком юными для того, чем они занимались, а именно: пытались в танце бедрами ударяться друг о друга. Куда, интересно, деваются все наставники, когда в них действительно есть

нужда? Потом я поняла, куда Мейсон меня ведет, и резко остановилась.

— Нет.

Он потащил меня за руку, но я стояла как скала.

— Пошли! Увидишь, это будет здорово.

— Ты ведешь меня к Джесси и Ральфу. Я готова увидеться с ними только в том случае, если в руках у меня будет тупой предмет, которым я врежу им между ног.

Он снова потянул меня за собой.

— Теперь нет. Пошли.

В конце концов я с неохотой двинулась дальше. Мои худшие опасения подтвердились, когда я почувствовала прикованные к себе взгляды. Прекрасно. Все начинается снова. Сначала Джесси и Ральф не замечали нас, но, когда это произошло, на их физиономиях промелькнули быстро сменяющие друг друга весьма забавные выражения. Прежде всего они обратили внимание на мою фигуру и платье. Произошел мощный выброс тестостерона, и чисто мужское вожделение засияло на их лицах. И только потом до них, похоже, дошло, что это не кто-нибудь, а я. Теперь их физиономии выражали ужас. Круто.

Мейсон ткнул Джесси в грудь кончиком пальца.

— Порядок, Зеклос. Скажи ей.

Джесси молчал, и Мейсон чуть сильнее вдавил палец.

— Говори.

Отводя взгляд, Джесси промямлил:

— Роза, мы прекрасно понимаем, что ничего такого не было.

Я чуть не задохнулась от смеха.

— Правда? Класс! Рада слышать. Потому что, видишь ли, пока ты этого не сказал, я думала, будто что-то такое было. Слава богу, ты просветил меня! Теперь я точно знаю, что было, а чего не было.

Парни вздрогнули, легкомысленное выражение на лице Мейсона сменилось решимостью.

— Это она и без вас знает, — проворчал он. — Говори остальное.

Джесси вздохнул.

— Мы делали это под давлением Мии.

— И? — подбодрил его Мейсон.

— И мы извиняемся.

Мейсон перевел взгляд на Ральфа.

— Я хочу услышать это и от тебя тоже, «большой мальчик».

Ральф, также не глядя мне в глаза, буркнул что-то отдаленно похожее на извинение.

Добившись своего, Мейсон снова повеселел.

— Ты еще самого интересного не слышала, — заявил он.

Я искоса взглянула на него.

— Правда? Типа, мы отмотаем время назад и ничего вообще не произойдет?

— Еще лучше. — Он снова ткнул Джесси. — Скажи ей. Скажи ей, почему вы делали это.

Джесси и Ральф, явно испытывая неловкость, обменялись взглядами.

— Парни, вы выводите мисс Хэзевей и меня из себя. Говорите, почему вы делали это.

С видом человека, угодившего в ситуацию, хуже которой и не придумаешь, Джесси в конце концов посмотрел мне в глаза.

— Мы делали это потому, что она спала с нами. С обоими.

ДВАДЦАТЬ

Челюсть у меня отвисла.

— Ммм... Постой... Ты имеешь в виду секс?

Я была так поражена, что лучше этого вопроса ничего в голову не пришло. Мейсон решил, что у меня истерика. У Джесси сделался такой вид, словно он хочет умереть прямо тут, на месте.

— Конечно я имею в виду секс. Она обещала нам это, если мы будем говорить, что мы... ну, ты знаешь...

Я состроила гримасу.

— Но не одновременно же вы этим с ней занимались?

— Нет, — ответил Джесси с видом отвращения. Ральф кивнул в знак согласия.

— Господи... — пробормотала я и встряхнула головой, отбрасывая с лица волосы. — Просто не верится, что она так сильно нас ненавидит.

— Эй! — воскликнул Джесси, по-своему истолковав мои слова. — На что ты намекаешь? Мы ничего такого ужасного не делали. Если уж на то пошло, мы с тобой... мы тоже были близки к тому, чтобы...

— Нет. Ни к чему мы не были близки, — отрезала я, а Мейсон снова рассмеялся, и тут меня осенило. — Если это... Если это случилось до того, как вы распустили языки, значит... она тогда еще встречалась с Аароном.

Все трое закивали.

— Вот это да!

Мия действительно ненавидела нас. Она вышла из роли бедняжки, обиженной братом другой девочки. Спала с этими двумя, да еще и обманывала своего бойфренда, которого якобы обожала. Джесси и Ральф явно испытали облегчение, когда мы двинулись прочь. Мейсон ленивым жестом закинул мне на плечо руку.

— Ну, что скажешь? Я дожал их? Можешь похвалить меня, я не возражаю.

Я рассмеялась.

— Как ты до всего этого докопался?

— Попросил расплатиться за кое-какие оказанные услуги. Прибег к угрозам. Факт тот, что теперь у Мии вырвано жало.

Я вспомнила, как Мия приставала ко мне не так давно. Мне не казалось, что теперь у нее «вырвано жало», но вслух я высказываться не стала.

— Они начнут рассказывать остальным в понедельник, — продолжал Мейсон. — Так мы договорились. После ланча уже все будут знать.

— Почему не сейчас? — надулась я. — Они спали с девушкой. Известие об этом повредит больше ей, чем им.

— Ну, тоже верно. Просто сегодня у них есть другие занятия. Ты, если хочешь, можешь сама уже сейчас начать рассказывать всем. Или, скажем, мы изготовим плакат.

Учитывая, сколько раз Мия обзывала меня шлюхой? Не такая уж плохая идея.

— Достанешь бумагу и карандаши?..

Я замолчала, заметив на той стороне зала Лиссу, окруженную своими поклонниками. Аарон стоял, обхватив ее за талию. На ней было розовое хлопчатобумажное облегающее платье, которое мне никогда не удавалось натянуть. Зачесанные вверх белокурые волосы образовывали пучок, прихваченный маленькими хрустальными шпильками. Это выглядело почти так, как будто на голове у нее корона. Принцесса Василиса.

Ею владели те же чувства, которые я воспринимала раньше, — беспокойство и возбуждение. Для нее это не просто приятный вечер.

С другой стороны зала, почти полностью растворившись в тени, за Лиссой наблюдал Кристиан.

— Перестань! — одернул меня Мейсон, заметив, куда я смотрю. — Не волнуйся из-за нее хотя бы сегодня.

— Трудно, знаешь ли.

— Это придает тебе подавленный вид, а ты слишкомексапильная в этом платье, чтобы выглядеть подавленной. Пошли, вон Эдди.

Он потащил меня за собой, но я успела через плечо в последний раз посмотреть на Лиссу. Наши взгляды на мгновение встретились, и я почувствовала через нашу связь, как в ней вспыхнуло сожаление.

Но я выкинула ее из головы — figurально выражаясь — и сумела придать лицу милое выражение, когда мы присоединились к одной из групп новичков. Не теряя даром времени, мы рассказали им о скандале с Мией. Пустячок, а приятно — защитить свое добре имя, заодно и отомстив. Новость тут же начала распространяться, потому что те, кто стоял с нами, время от времени бродили по залу и разговаривали с другими.

Плевать, меня все это не сильно волновало. На самом деле мне было хорошо. Я снова почувствовала себя в прежней роли, могла подшучивать и флиртовать, не опасаясь за свою репутацию. Тем не менее время шло, и в какой-то момент я ощутила, что беспокойство Лиссы усиливается.

Нахмурившись, я перестала болтать, повернулась и в поисках ее оглядела зал.

Ага, вон она где. Все еще в окружении поклонников — солнце в своей солнечной системе. Однако Аарон близко наклонился к ней и шептал что-то на ухо. На ее лице застыла фальшивая улыбка, а испускаемые ею раздражение и беспокойство продолжали расти. И потом достигли пика. К ним приближалась малышка Мия в своем красном платье.

И прямо с ходу начала говорить, яростно жестикулируя и быстро двигая губами. Слов я не слышала, но благодаря связи ощущала, как все мрачнее и мрачнее становится Лисса.

— Мне нужно туда, — сказала я Мейсону.

Я почти побежала к Лиссе и услышала лишь конец тирады Мни. Сейчас она вопила в полный голос, наклонившись к Лиссе почти вплотную. Как я поняла, до нее дошли слухи о том, что Джесси и Ральф ее предали.

— ...ты и твоя подруга-шлюха! Учи, я всем расскажу, что тебя пришлось запереть в больнице, потому что ты сумасшедшая. И не только запереть, но и накачать всякой дрянью. Вот почему вы с Розой сбежали — чтобы никто не узнал, что ты режешь...

Вот так-так, совсем плохо. Точно как во время нашей первой встречи в кафетерии, я схватила ее за руку и резко дернула.

— Эй, подруга-шлюха здесь. Помнишь, я говорила, чтобы ты не смела приближаться к ней?

Мия буквально зарычала, обнажив клыки. Никакой жалости к ней я больше не испытывала. Она была опасна, очень опасна. Она низко пригнулась, словно собираясь броситься на меня. Каким-то образом ей удалось узнать о порезах Лиссы. На самом деле узнать, ее слова не звучали как предположение. В целом она излагала то, о чем упоминали в своих отчетах стражи, что рассказывала им я, ну, может, еще кое-что из конфиденциальной информации врача. Каким-то образом Мия сумела добраться до этих записей.

Лисса тоже поняла это, и выражение ее лица заставило меня решиться. Ничто не имело значения: ни условия, на которых Кирова обещала вернуть мне свободу, ни то, что я сейчас хорошо проводила время и могла позволить себе оттянуться сегодня вечером, отдохнуть от тревог. Я собиралась порушить все это прямо здесь и сейчас. Я слишком импульсивна, это правда.

Я ударила Мию со всей силой — наверно, сильнее даже, чем в свое время Джесси. Послышался хруст, когда мой кулак врезался в ее нос, и

хлынула кровь. Кто-то вскрикнул. Мия взвизгнула и отлетела назад, прямо в стайку девушек, которые тоже завизжали, поскольку не хотели, чтобы кровь испортила их наряды. Я кинулась следом за ней и успела хорошенько ударить еще раз, прежде чем меня оттащили.

Я не стала сопротивляться — как тогда, когда меня уводили из класса мистера Надя. Еще в момент удара я понимала, что произойдет дальше, и позволила двум стражам вывести меня из танцевального зала, где госпожа Кирова пыталась восстановить некое подобие порядка. Плевать, что они сделают со мной. Хоть наказание, хоть исключение. Да что угодно. Я справлюсь...

Впереди, в волнах хлынувших из зала студентов, я заметила фигуру в розовом. Лисса. Я вышла из себя, мои эмоции перекрыли ее, но сейчас я снова их воспринимала. Опустошенность. Отчаяние. Теперь все знают ее тайну. Ей предстояло лицом к лицу столкнуться не просто с грязными догадками. Отдельные куски головоломки встанут на свои места. И ей с этим не справиться.

Понимая, что связана в своих действиях, я мысленно заметалась, пытаясь придумать способ помочь ей. Мой взгляд наткнулся на темную фигуру.

— Кристиан! — закричала я.

Он провожал взглядом удаляющуюся фигуру Лиссы, но при звуке своего имени посмотрел на меня.

— Тихо, тихо! — шикнул на меня один из сопровождающих.

Плевала я на него.

— Иди за ней! — снова крикнула я. — Быстро!

Он сидел точно приклеенный, и я едва сдержала стон.

— Иди же, идиот!

Стражи снова принялись утихомиривать меня, однако внутри Кристиана что-то проснулось. Он вскочил и бросился следом за Лиссой.

Никто не хотел заниматься мною тем вечером. Расплата могла подождать до завтра — я слышала разговоры о временном отстранении от занятий или даже исключении, — а сейчас у Кировой хватало дел с истекающей кровью Мией и впавшими в истерику учениками. Стражи доставили меня в мою комнату и оставили под недремлюющим оком одной из надзирательниц, которой было велено каждый час проверять, по-прежнему ли я у себя. Также двух стражей поставили у выходов из корпуса. По-видимому, меня воспринимали как опасную особу, которую требовалось строго охранять. Вечеринку Эдди я наверняка тоже загубила, как ему теперь провести в свою комнату гостей?

Не заботясь о платье, я шлепнулась на пол и села, скрестив ноги. Потянулась к Лиссе. Сейчас она была спокойнее. То, что произошло на танцах, по-прежнему причиняло ей ужасные страдания, однако Кристиан отчасти успокоил ее, то ли словами, то ли каким-то чисто физическим способом, этого я не знала. Да и неважно. Главное, ей стало лучше и она не наделала никаких глупостей. Я вернулась в себя.

Да, сейчас все стало из рук вон плохо. Взаимные обвинения Мии и Джесси, без сомнения, поставят школу на уши. Меня, скорее всего, вышвырнут, придется жить среди всеми презираемых женщин-дампиров. Может, по крайней мере, Лисса осознает, что Аарон зануда и она хочет быть с Кристианом. Но даже если оно к лучшему, это по-прежнему означает...

Кристиан. Кристиан.

Кристиан в беде!

Я снова проникла в тело Лиссы, внезапно втянутая туда охватившим ее ужасом. Она была окружена мужчинами и женщинами, возникшими словно бы ниоткуда, ворвавшимися на чердак церкви, где Лисса с Кристианом разговаривали. Кристиан вскочил, с его пальцев сорвался огонь. Один из вторгшихся ударил его по голове чем-то тяжелым, он обмяк и рухнул на пол.

Я отчаянно надеялась, что он оправится, однако сейчас все мое внимание сосредоточилось только на Лиссе. Я не могла позволить им причинить ей вред. Должна была спасти ее, вытащить оттуда, но не знала как. Она находилась слишком далеко, и в этот момент, втянутая ее мощными эмоциями, я даже не могла уйти из ее головы, не говоря уж о том, чтобы побежать в церковь или получить какую-то помощь.

Нападающие приближались к ней, называя ее принцессой и говоря, что не стоит беспокоиться, они стражи. И они действительно походили на стражей. Определенно дампиры. Движения точные, рассчитанные. Однако среди них не было ни одного школьного стража. И Лисса тоже их не узнавала. Стражи не напали бы на Кристиана. И стражи определенно не стали бы связывать ее и вставлять кляп...

Что-то вышвырнуло меня из ее головы, и я недоуменно оглядела свою комнату. Нужно вернуться в Лиссу, узнать, что будет происходить дальше. Обычно мое подключение к ней просто ослабевало само собой или же я прекращала его, но сейчас... сейчас это выглядело так, будто что-то вытолкнуло меня. Вытолкнуло меня сюда.

Но это не имело смысла. Что могло вытолкнуть меня из...

В голове стало пусто хоть шаром покати. Я не могла вспомнить, о чем

только что думала. Все исчезло, словно в мозгу возникли помехи. Где я была? С Лиссой? И что с Лиссой?

В смятении я встала и обхватила себя руками, пытаясь понять, что происходит. Лисса. Что-то с Лиссой.

«Дмитрий, — внезапно произнес голос в голове. — Иди к Дмитрию».

Да. Дмитрий. Внезапно тело и душа возжаждали его, я хотела быть с ним больше, чем когда бы то ни было. Он сообразит, что делать. Он ведь говорил мне, чтобы я обращалась к нему, если с Лиссой что-то случится. Плохо, что я не могу вспомнить, что с ней такое. По-прежнему не могу. Ничего. Я знала — он позаботится обо всем.

Добраться до служебного крыла корпуса не составило труда, поскольку главной заботой моих стражей было, чтобы я не покидала здания. Я не знала, где именно его комната, но это не имело значения. Что-то притягивало меня к нему, подталкивало все ближе и ближе. Инстинкт привел меня к одной из дверей, и я постучалась.

Спустя несколько мгновений он открыл ее, удивленно вскинув брови при виде меня.

— Роза?

— Впусти меня. Дело в Лиссе.

Дмитрий тут же отступил в сторону. По-видимому, он уже лежал в постели, поскольку одеяло было откинуто, и лишь маленькая лампа на столике разгоняла тьму. На нем были только пижамные брюки, и грудь — я никогда не видела ее прежде, и выглядела она потрясающе — была обнажена. Концы темных волос слегка загибались и казались влажными, как будто он недавно принял душ.

— Что случилось?

От звука его голоса я затрепетала и не смогла произнести ни слова, только не отрывала от него взгляда. Сила, которая привела меня сюда, теперь притягивала меня к нему. Мне так сильно хотелось прикоснуться к нему, что я едва сдерживала себя. Он был такой изумительный, такой невероятно прекрасный. Я понимала, что где-то происходит что-то скверное, но это казалось неважным — сейчас, когда я была с ним.

Нас разделял почти фут, и дотянуться до губ Дмитрия я не могла. Поэтому нацелилась на его грудь, испытывая страстное желание попробовать на вкус теплую гладкую кожу.

— Роза! — воскликнул он, отступая назад. — Что ты делаешь?

— А что, по-твоему?

Я снова двинулась в его сторону, желая прикоснуться к нему, поцеловать его и сделать множество других не менее приятных вещей.

Он предостерегающим жестом вскинул руку.

— Ты пьяна?

— Как бы не так.

Я попыталась обойти его, но остановилась, на мгновение охваченная неуверенностью.

— Я думала, ты хочешь... Как, по-твоему, я хорошенькая?

За все время, что мы знали друг друга, за все время, пока формировалось и крепло это влечение, он ни разу не сказал, что я хорошенькая. Намекал, да, но это не одно и то же. Парни много раз говорили мне, что я воплощенная сексуальность, но мне нужно было услышать это от того единственного, кого я по-настоящему хотела.

— Роза, я не знаю, что происходит, но тебе нужно вернуться к себе.

Я снова сделала шаг вперед. Он вытянул руки и схватил меня за запястья. При этом прикосновении нас обоих точно пробило электрическим током, и я почувствовала, что все заботы выскочили у него из головы. Что-то захватило и его тоже, заставило внезапно возжелать меня так же сильно, как я желала его.

Отпустив мои запястья, он, медленно скользя по коже, повел ладонями вверх по моим рукам. Не отрывая от меня темного, жаждущего взгляда, притянул к себе, прижал к себе. Одна рука потянулась к моей шее, накрутила волосы на пальцы и притянула мою голову к его. Его губы легко скользнули по моим.

Сглотнув, я снова спросила:

— По-твоему, я хорошенькая?

Он рассматривал меня со всей характерной для него серьезностью.

— По-моему, ты прекрасна.

— Прекрасна?

— Ты так прекрасна, что временами это причиняет мне боль.

Его губы прильнули к моим, поначалу мягкие, потом твердые и алчущие. Руки заскользили вниз, вниз, к бедрам, к краю платья. Захватив ткань, он начал поднимать ее. Я таяла от его прикосновений, от его поцелуя, от того, как запылали от этого поцелуя губы. Руки поднимались все выше и выше; наконец он через голову стянул с меня платье и бросил его на пол.

— Быстро... Быстро же ты избавился от платья. — Я ткнула себя между тяжелыми грудями. — Думаю, это тебе понравится.

— Это мне нравится, — сказал он, теперь мы оба тяжело дышали. — Я люблю это.

И потом он отнес меня в постель.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Никогда в жизни я не была с парнем полностью обнаженной. Это чертовски пугало — но и возбуждало тоже. Мы прильнули друг к другу, продолжая целоваться. И целовались, и целовались, и целовались. Его руки и губы завладели моим телом, и каждое прикосновение ощущалось как огонь.

Я так долго томилась по нему, что едва верила в происходящее. Физически все было просто замечательно, но мало этого, мне просто нравилось находиться так близко к нему. Нравилось, как он смотрит на меня — будто я самаяексапильная, самая изумительная в мире. Нравилось, как он повторяет мое имя точно молитву: «Роза, Роза...»

И где-то посреди всего этого в голове снова настойчиво зазвучал тот же голос, который привел меня к его комнате. Он не был похож на мой собственный, но противиться ему я не могла.

«Оставайся с ним, оставайся с ним. Не думай ни о чем, кроме него. Забудь обо всем остальном».

И я послушалась — хотя, в общем-то, убеждать меня не требовалось.

Огонь в его глазах свидетельствовал о том, что он жаждал большего, но он не торопился. Может, догадывался, что я нервничаю. Пижамные штаны оставались на нем. В какой-то момент я переместилась так, чтобы оказаться наверху; мои волосы свисали на его лицо. Он слегка наклонил голову, и в поле моего зрения попала его шея. Я провела пальцем по шести крошечным татуировкам.

— Ты правда убил шесть стригоев?

Он кивнул.

— Потрясающе!

Он обхватил меня за шею, пригнулся к себе и поцеловал, мягко покусывая кожу, не так, как это делают вампиры, но очень, очень волнующе.

— Не беспокойся. Когда-нибудь у тебя таких меток будет гораздо больше.

— Ты испытываешь чувство вины?

— Ммм?

— За то, что убивал их. Тогда в фургоне ты сказал, что это правильно, так и нужно поступать, но что-то все равно гложет тебя. А иначе зачем ты ходишь в церковь? Я видела тебя там, хотя в службе ты никогда не

участвовал.

Он улыбнулся, удивляясь тому, что я догадалась еще об одной его тайне.

— Как ты умеешь понимать такие вещи? Нет, это не совсем чувство вины... просто печаль, иногда. Все они прежде были людьми, дампирами или мороями. Как я уже говорил, это то, что я должен делать. То, что все мы должны делать. Иногда это тревожит меня, и церковь — подходящее место, чтобы подумать о таких вещах. Временами мне удается найти там мир, но не часто. Скорее, я найду его с тобой.

Он сдвинул меня с себя и снова оказался наверху. Поцелуй продолжились, с еще большей страстью.

«О господи! — подумала я. — В конце концов это произойдет. Вот оно, я чувствую!»

Наверно, он увидел в моих глазах решимость. Улыбаясь, он обхватил меня руками за шею, расстегнул ожерелье Виктора и положил его на ночной столик. Как только ожерелье выскользнуло из его пальцев, я почувствовала себя так, словно получила пощечину, и удивленно уставилась на него.

Дмитрий, наверно, ощущил то же самое.

— Что случилось? — спросил он.

— Не... Не знаю.

Возникло ощущение, будто я пытаюсь проснуться, будто я проспала два дня, а теперь должна вспомнить что-то.

Лисса. Что-то с Лиссой.

В голове возникло неприятное ощущение. Не боль, не головокружение, а... голос, да. Голос, толкающий меня к Дмитрию, исчез. Нельзя сказать, что я больше не хотела Дмитрия, потому что видеть его в этих сексуальных пижамных штанах, с разметавшимися вокруг головы каштановыми волосами было чертовски приятно. Однако никакого подталкивания извне больше не было. Странно.

Он напряженно размышлял, забыв о ласках. Потом потянулся к столику и взял ожерелье. Едва пальцы Дмитрия коснулись его, я почувствовала, как желание снова овладело им. Другая рука скользнула вдоль моего бедра, и внезапно жгучее вожделение вернулось ко мне. Возникло ощущение легкой тошноты, кожу закололо словно иголками, тело запыпало. Дыхание участилось. Его губы потянулись к моим.

И все же какая-то часть меня не хотела сдаваться без борьбы.

— Лисса, — прошептала я, плотно зажмутившись. — Я должны рассказать тебе что-то о Лиссе. Но не могу... вспомнить... у меня такое

странное чувство...

— Понимаю. — Все еще лежа на мне, он прижался щекой к моему лбу. — Что-то... Что-то здесь... — Он отодвинулся, и я открыла глаза. — В этом ожерелье. Это то, которое тебе подарили Виктор?

Я кивнула; по глазам было видно, как в нем медленно и вяло пробуждается мыслительный процесс. Сделав глубокий вдох, он убрал руку с моего бедра и отодвинулся.

— Что ты делаешь? — воскликнула я. — Вернись...

С таким видом, будто ему хотелось этого больше всего на свете, он выбрался из постели, унося с собой ожерелье. Казалось, будто при этом он отрывает часть меня, но одновременно возникло необыкновенно пугающее ощущение пробуждения. Теперь я могла думать ясно, а не под воздействием тела с его порывами.

С другой стороны, на лице Дмитрия все еще сохранялось выражение животной страсти, казалось, ему стоило невероятных усилий просто отойти от меня. Одной рукой он открыл окно. Холодный ветер ворвался внутрь, и, пытаясь согреться, я потерла ладонями предплечья.

— Что ты собираешься?.. — Ответ пришел прежде, чем прозвучал вопрос. Я спрыгнула с постели как раз в тот момент, когда ожерелье вылетело за окно. — Нет! Ты знаешь, сколько оно?..

Ожерелье исчезло, и теперь я не чувствовала себя так, будто просыпаюсь. Теперь я проснулась.

И потрясенно оглянулась. Комната Дмитрия. Мы обнажены. Постель в беспорядке.

Однако все это было ничто по сравнению с тем, что произошло дальше.

— Лисса! — воскликнула я.

Все вернулось — воспоминания и чувства, более того, ее долго сдерживаемые чем-то эмоции нахлынули на меня с потрясающей силой. Ужас.

Невероятный ужас. Эмоции были настолько сильны, что так и притягивали меня в ее голову, но этого я не могла допустить. Не сейчас. Я боролась с нею, потому что должна оставаться здесь. Торопясь и сбиваясь, я рассказала Дмитрию обо всем, что произошло.

Я еще не закончила, а он уже начал одеваться и выглядел при этом как могущественный бог. Велел мне одеться и бросил хлопчатобумажную рубашку с надписью на кириллице, чтобы надеть ее поверх мало что прикрывающего платья.

Спускаться по лестнице было нелегко; на этот раз Дмитрий не

замедлил шага ради меня. Оказавшись внизу, он вызвал кого надо и прокричал приказы. Вскоре после этого мы с ним оказались в главном офисе стражей. Там уже собирались Кирова, другие учителя и большинство стражей кампуса, которые, казалось, говорили все сразу. И все это время я ощущала страх Лиссы, чувствовала, что она удаляется все дальше и дальше.

Я закричала, чтобы они поторопились и предприняли что-нибудь, но, за исключением Дмитрия, никто не верил моему рассказу о ее похищении, пока кто-то не привел из церкви Кристиана и выяснилось, что на территории кампуса Лиссы нет.

Кристиан пошатывался, его поддерживали два стража. Вскоре появилась доктор Олендзки, осмотрела его и смыла с затылка кровь.

«Ну наконец-то дело сдвинется с мертвой точки», — подумала я.

— Сколько там было стригоев? — спросил меня какой-то страж.

— Как, черт побери, они сюда проникли? — пробормотал другой.

Я вытаращилась на них.

— Что? Это были не стригои.

Все уставились на меня.

— Кто же еще мог забрать ее? — Госпожа Кирова поджала губы. — Наверно, вы видели все это... искаженно.

— Нет. Я уверена. Это были... были... стражи.

— Она права, — невнятно произнес Кристиан. Пока доктор обрабатывала его затылок, он время от времени вздрагивал. — Стражи.

— Немыслимо! — воскликнут кто-то.

— Не школьные стражи. — Я потерла лоб, стараясь удержаться от того, чтобы ускользнуть в Лиссу. Мое раздражение нарастало. — Вы собираетесь шевелиться? Ее увозят все дальше!

— Вы утверждаете, что ее похитили нанятые кем-то стражи?

Судя по тону Кировой, она считала, что я шучу!

— Да, — ответила я сквозь стиснутые зубы. — Они...

Медленно, осторожно я мысленно перестала сдерживать себя и проскользнула в тело Лиссы.

Я сидела в машине, дорогой машине с затемненными стеклами, пропускающими совсем мало света. Может, в Академии сейчас и «ночь», но для всего света белый день. Машину вел один из стражей, которых я видела в церкви, другой сидел впереди, рядом с ним... и я его узнала. Спиридон. Лисса сидела сзади со связанными руками, рядом с ней еще один страж, а с другой стороны...

— Они работают на Виктора Дацкова, — задыхаясь, сказала я, снова

сфокусировав внимание на Кировой и остальных. — Это его стражи.

— Принц Виктор Дашков? — фыркнул один из стражей.

Можно подумать, существовал какой-то другой чертов Виктор Дашков.

— Пожалуйста, — простонала я, стиснув руками голову. — Делайте что-нибудь. Они уже далеко. Они на... — В моем сознании на мгновение вспыхнул вид из окна машины. — Они на восемьдесят третьем. Едут на юг.

— Уже на восемьдесят третьем? В таком случае, как же давно они уехали? Почему вы не пришли раньше?

Мой взгляд с тревогой метнулся к Дмитрию.

— Заклинание принуждения, — медленно сказал Дмитрий. — Заклинание принуждения в ожерелье с кулоном, которое он подарил ей. Оно заставило ее напасть на меня.

— Никто не может использовать принуждение такого рода! — воскликнула Кирова. — Этого не происходило века.

— Ну, кто-то может. К тому моменту, когда я одолел его и в конце концов снял ожерелье, было потеряно много времени.

Дмитрий произнес все это с совершенно бесстрастным лицом; никто не поставил его слова под сомнение. И наконец-то все завертелось. Брать себя со мной они не хотели, но Дмитрий настоял, понимая, что я могу привести их к Лиссе. Три команды стражей уселись в зловещие черные внедорожники. Я ехала в первом, рядом с Дмитрием, который правил. Минута проходила за минутой. Заговорили мы только раз, когда я сообщила очередные новости:

— Они все еще на восемьдесят третьем... но скоро свернут. Едут не очень быстро. Не хотят, чтобы их задержали за превышение скорости.

Он кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Он-то определенно ехал очень быстро.

Искоса глядя на него, я проиграла в уме недавние события, внутренним взором снова увидев все — как он смотрел на меня, как целовал.

Что это было? Иллюзия? Трюк? Когда мы шли к машине, он сказал мне, что в ожерелье действительно было заклинание принуждения, — принуждения к страсти. Я никогда не слышала ни о чем подобном и попросила объяснить подробнее. Он просто ответил, что это тип магии земли, которую практиковали когда-то, но потом перестали.

— Они поворачивают, — сказала я. — Не вижу названия дороги, но узнаю ее, когда мы окажемся рядом.

Дмитрий проворчал, что понял, а я откинулась на сиденье.

Значило ли произошедшее что-то для него? Для меня — определенно

значило, и много.

— Вот, — сказала я двадцать минут спустя, кивнув на ухабистую дорогу, куда свернула машина Виктора, немощеную, покрытую гравием.

В этих условиях внедорожники имели преимущество перед его роскошным автомобилем. Мы ехали в молчании, только гравий хрустел под шинами. За окнами вздымались клубы пыли, вихрем кружась вокруг нас.

— Они снова поворачивают.

Они уезжали все дальше и дальше от автострад, и мы, следуя моим инструкциям, ехали за ними. В конце концов я почувствовала, что машина Виктора остановилась.

— Рядом небольшая хижина, — сказала я. — Они ведут ее...

* * *

— Зачем вы делаете все это? Что происходит?

Лисса. Съежившаяся от страха. Выброс эмоций снова втянул меня в нее.

— Пошли, дитя, — сказал Виктор и направился к хижине, опираясь на трость.

Один из его стражей распахнул дверь. Второй втолкнул Лиссу внутрь и усадил в кресло рядом с маленьким столиком. Там было холодно, в особенности если учесть, что на ней лишь розовое платье. Виктор уселся напротив. Она начала подниматься, но страж бросил на нее предостерегающий взгляд.

— Неужели ты думаешь, что я причиню тебе серьезный вред?

— Что вы сделали с Кристианом? — воскликнула она, игнорируя его вопрос. — Он умер?

— Мальчик Озера? То, что произошло, не входило в мои намерения. У нас и в мыслях не было, что он окажется там. Мы рассчитывали застать тебя одну, а потом убедить всех, что ты снова сбежала. И даже уже начали распускать об этом слухи.

Мы? Я вспомнила, о чем на этой неделе рассказывала мне... Наталья.

— И что теперь? — Он вздохнул, жестом беспомощности разведя руки. — Не знаю. Не думаю, что твое исчезновение свяжут с нами, даже если они не поверят, что ты сбежала. Роза — вот самая большая помеха. Мы намеревались... избавиться от нее. Тогда все подумали бы, что она тоже сбежала. Однако спектакль, который она устроила на танцах, сделал такой ход невозможным, но на всякий случай у меня был разработан другой

план, который всерьез должен отвлечь ее на некоторое время... скорее всего, до завтрашнего утра. Придется разобраться с ней чуть позже.

Он не рассчитывал, что Дмитрий догадается о заклинании. Думал, для этого мы будем слишком заняты. Всю ночь.

— Зачем? — спросила Лисса. — Зачем вы все это затеяли?

Его зеленые глаза, так похожие на глаза ее отца, широко распахнулись. Может, они и дальние родственники, но этот зеленый цвет с оттенком нефрита присущ и Драгомирам, и Дашковым.

— Удивительно, что ты задаешь этот вопрос, дитя. Ты нужна мне. Ты должна исцелить меня.

ДВАДЦАТЬ ДВА

— Исцелить вас?

«Исцелить его?» — эхом откликнулось в моем сознании.

— Ты — единственная возможность, — настойчиво продолжал он. — Единственная возможность справиться с моей болезнью. Я годами наблюдал за тобой, пока наконец не обрел уверенность.

Лисса покачала головой.

— Не могу. Не умею делать ничего такого.

— Ты обладаешь невероятной исцеляющей силой. Никто даже не представляет, насколько она велика.

— Не понимаю, о чем вы.

— Перестань, Василиса. Мне известно о вороне... Наталья видела, как ты сделала это. Она кралась за вами. И я знаю, ты исцелила Розу.

Она поняла, что отрицать бесполезно.

— Это... Это совсем другое. Роза пострадала не так уж сильно. Но вы... Мне не по силам справиться с синдромом Сандовского.

— Не так уж сильно? — рассмеялся он. — Я говорю не о щиколотке, хотя и это было очень впечатляюще. Я говорю об автомобильной аварии. Потому что, знаешь ли, ты права. Роза «пострадала не так уж сильно». Она просто умерла.

Слова повисли в воздухе, последовало молчание.

— Н-н-нет. Она выжила, — в конце концов удалось произнести Лиссе.

— Нет. Ну да, выжила. Однако я прочел все медицинские отчеты. Она не должна была выжить — учитывая, как сильно пострадала. Ты исцелила ее. Вернула к жизни. — Он вздохнул тоскливо и устало. — Я уже давно заподозрил, что ты умеешь делать такие вещи, и пытался создать условия для повторения... эксперимента... чтобы оценить твои возможности...

Лисса потрясенно ахнула — до нее дошло, о чем он.

— Животные. Это ваших рук дело.

— С помощью Натальи.

— Как вы могли?

— Потому что должен был точно знать. Мне осталось жить всего несколько недель, Василиса. Если ты в состоянии вернуть к жизни покойника, то сможешь излечить и синдром Сандовского. Прежде чем увезти тебя, я должен был убедиться, что ты способна исцелять по доброй воле, а не только в состоянии паники.

— Зачем вы вообще увезли меня? — В душе Лиссы вспыхнул гнев. — Вы почти мой дядя. Если вы хотели, чтобы я сделала это, и действительно думаете, что я могу... — Судя по звучанию ее голоса и эмоциям, сама она не была уверена, что может исцелить его. — Тогда зачем понадобилось похищать меня? Почему бы просто не попросить?

— Ведь здесь одним разом не обойдешься. Я потратил много времени на выяснение того, кто ты такая, и, в частности, мне удалось приобрести некоторые старые хроники... свитки, не попавшие в морайские музеи. Когда я читал о том, на что способны обладающие духом...

— Обладающие чем?

— Духом. Это и есть твоя специализация.

— У меня нет никакой специализации! Вы сошли с ума.

— А откуда, по-твоему, исходит эта твоя сила? Дух — просто еще одна стихия, и сейчас она есть у очень немногих.

Лисса еще не пришла в себя от самого факта похищения и идеи того, что, возможно, после аварии она вернула меня из мертвых.

— Это не имеет смысла. Даже если такая стихия встречается редко, я все равно должна была бы услышать о ней! Или о ком-то, у кого она есть.

— Теперь практически никто не знает о духе. Все забыто. Если кто-то специализируется в ней, окружающие не осознают этого. Думают, будто у человека просто нет никакой специализации.

— Послушайте, если вы просто хотите заставить меня почувствовать...

Она резко оборвала себя. Сердитая, испуганная, она тем не менее была достаточно разумна, чтобы внезапно осознать суть его идеи о духе и специализации.

— О бог мой! Владимир и госпожа Карп.

Виктор бросил на нее понимающий взгляд.

— Ты все время знала это.

— Нет! Клянусь. Роза пыталась разобраться в этом... и сказала, что они похожи на меня...

Новости были шокирующие, и Лисса пугалась все больше.

— Они действительно похожи на тебя. В книгах так и сказано, что Владимир был «исполнен духа».

Виктор, похоже, находил это забавным. При виде его улыбки мне захотелось дать ему пощечину.

— Я думала... — Лиссе все еще очень хотелось, чтобы он ошибался. Идея не иметь никакой специализации казалась безопаснее идеи специализироваться в какой-то необычной стихии. — Я думала, оно

означает что-то вроде Духа Святого.

— Все так думают, но нет. Здесь нечто совсем иное. Стихия, которая внутри всех нас. Главная стихия, способная косвенным путем дать контроль над остальными.

По-видимому, моя теория, будто она специализируется во всех стихиях, была не так уж далека от истины. Лисса прикладывала невероятные усилия, чтобы воспринять новости и взять себя в руки.

— Это не ответ на мой вопрос. Разве это важно, обладаю я духом или нет? Вам не следовало похищать меня.

— Дух, как ты убедилась на опыте, может исцелять физические раны. К несчастью, он хорош только в острых случаях. Так сказать, в одноразовых ситуациях. Щиколотка Розы. Раны, полученные в результате аварии. Когда же речь идет о хронических заболеваниях — скажем, генетических, типа синдрома Сандовского, — требуется исцеление на постоянной основе. В противном случае болезнь вернется. Ты нужна мне, Василиса. Нужна, чтобы помогать сражаться с болезнью, держать ее на расстоянии. Только так я смогу жить.

— Все равно непонятно, зачем вы захватили меня, — возразила она. — Я помогала бы вам, если бы вы просто попросили.

— Они никогда не позволили бы тебе этого. Школа. Совет. Как только пройдет шок от понимания того, что есть те, кто может использовать силу духа, они тут же вспомнят об этике. Им же якобы лучше знать, кого исцелять, а кого нет. Они закричат о несправедливости. Все равно что разыгрывать из себя Бога. И еще они, конечно, обеспокоятся тем, как ты расплатишься за это.

Она вздрогнула, зная совершенно точно, какой будет расплата.

Он заметил выражение ее лица.

— Да. Не стану обманывать тебя. Трудности есть. Процесс изнурит тебя, душевно и физически. Но я должен пойти на это. Прости. «Кормильцы» и все, что пожелаешь, к твоим услугам.

Она вскочила, но Бен тут же сделал шаг вперед и толкнул ее обратно.

— И что потом? Вы собираетесь держать меня в плену? Как свою личную сиделку?

Он снова развел руками.

— Очень жаль. У меня нет выбора.

Овладевшая Лиссой ярость была настолько сильна, что развеяла весь ее страх.

— Да, — понизив голос, сказала она. — У вас нет выбора, но ведь речь идет обо мне.

— Так для тебя будет лучше. Ты же знаешь, как закончили остальные. Последние дни Владимира прошли в совершеннейшем бредовом безумии. Соню Карп пришлось убрать. Травма, пережитая тобой после аварии, объясняется не только потерей семьи, но и тем, что ты прибегла к помощи духа. Авария пробудила его в тебе, а ужас при виде мертвой Розы заставил его вырваться на свободу, чтобы помочь исцелить ее. Он же создал вашу связь. А стоит ему пробудиться, и обратно ты его не загонишь. Могущественная стихия — но опасная. Специализирующиеся в сфере земли получают силу от земли, специализирующиеся в сфере воздуха — от воздуха. Но дух? Откуда, по-твоему, исходит эта сила?

Она лишь сердито смотрела на него.

— Она исходит от тебя, от самой твоей сущности. Чтобы исцелить другого, ты должна вложить часть себя. Чем больше исцеляешь, тем сильнее разрушаешься. Ты наверняка уже заметила это. Я видел, как сильно тебя расстраивают некоторые вещи, насколько хрупкой ты стала.

— Я не хрупкая! — взорвалась Лисса. — И не собираюсь сходить с ума. Просто перестану использовать дух, прежде чем ситуация всерьез ухудшится.

Виктор улыбнулся.

— Перестанешь использовать дух? Это все равно что перестать дышать. У духа свои собственные намерения и планы. Ты всегда будешь испытывать настоятельную потребность помогать и исцелять. Это неотъемлемая часть тебя. Ты пыталась удержаться, когда дело касалось животных, но едва речь зашла о Розе, действовала, не задумываясь. Ты не можешь даже отказаться от принуждения — кстати, тоже дар духа. И так будет всегда. От духа не спрячешься. Лучше оставайся здесь, в изоляции, подальше от добавочных источников стресса. В Академии ты либо станешь более неуравновешенной, либо тебя посадят на таблетки, от которых ты почувствуешь себя лучше, но утратишь свою силу.

Внутри ее сформировался центр уверенности и спокойствия, ничего подобного я не наблюдала на протяжении двух последних лет.

— Я люблю вас, дядя Виктор, но только я должна решать, что делать, а что нет. Не вы. Вы хотите заставить меня отдать свою жизнь в обмен на вашу. Это несправедливо.

— Это проблема того, чья жизнь имеет большее значение. Я тоже люблю тебя, очень люблю. Однако мороев с каждым днем становится все меньше — стригои охотятся на нас. Раньше мы активно разыскивали их, но теперь Татьяна и остальные лидеры предпочитают прятаться. Держат молодое поколение в изоляции. В прежние дни вас наряду с вашими

стражами обучали бы сражаться! Обучали бы использовать магию как оружие. Теперь нет. Мы выжидаем. Мы жертвы. — По тому, как он говорил, и я, и Лисса почувствовали, насколько он одержим своими идеями. — Я изменю это, если стану королем. Осуществлю переворот, подобного какому никогда не видели ни морои, ни стригои. Я должен был унаследовать трон Татьяны. Она собиралась назвать мое имя, но потом обнаружилась страшная болезнь, и она этого не сделала. Если я поправлюсь... Если я поправлюсь, то займу свое законное место...

Его размышления о судьбах моройского государства не оставили Лиссу равнодушной. Она никогда не задумывалась о том, что все могло быть совсем иначе, если бы морои сражались бок о бок со своими стражами, очищая мир от стригоев и зла, которое те несли. Она припомнила и то, что говорил Кристиан об использовании магии как оружия. Но, даже разделяя убеждения Виктора, она — и я тоже — не считала, что во имя их стоит выполнить его желание.

— Мне очень жаль, — еле слышно сказала она. — Мне очень жаль вас. Но, пожалуйста, не заставляйте меня делать это.

— Я вынужден.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я не стану.

Он наклонил голову, и кто-то вышел из темного угла. Еще один морой. Я его не узнала. Обойдя Лиссу, он развязал ей руки.

— Это Кеннет. — Виктор протянул к Лиссе руки. — Пожалуйста, Василиса. Возьми их. Пропусти через меня свою магию, как ты делала с Розой.

Она покачала головой.

— Нет.

Когда он заговорил снова, его голос звучал гораздо менее дружественно.

— Пожалуйста. Так или иначе, ты будешь исцелять меня. Я предпочел бы, чтобы это происходило на твоих условиях, не на наших.

Она снова покачала головой. Он сделал еле заметный жест в сторону Кеннета.

И тут пришла боль.

Лисса вскрикнула. Я вскрикнула.

Дмитрий удивленно дернулся, и внедорожник слегка вильнул. Бросив на меня встревоженный взгляд, Дмитрий начал съезжать на обочину, чтобы остановиться.

— Нет, нет! Вперед! — Я прижала ладони к вискам. — Нужно как

можно быстрее добраться туда!

Сидящая сзади Альберта коснулась моего плеча.

— Роза, что случилось?

Я сморгнула слезы.

— Они пытают ее... с помощью воздуха. Этот парень... Кеннет... заставляет воздух давить на нее, накачивает ей в голову. Давление безумное. Ощущение такое, будто моя... ее... голова вот-вот взорвется.

Я разрыдалась.

Дмитрий глянул на меня уголком глаза и еще сильнее вдавил педаль газа.

Кеннету показалось мало использовать просто физическую силу воздуха, он также воздействовал на ее дыхание. То она буквально задыхалась, то он отпускал ее, и она начинала жадно хватать ртом воздух. Если бы я испытала такие мучения на себе — а это было достаточно тяжело даже из вторых рук, — то, без сомнения, сделала бы все, чего от меня добивались.

В конце концов и она уступила.

Измученная, с затуманенным взором, Лисса взяла руки Виктора. Я никогда не находилась в ее голове в моменты использования магии и не знала, чего ожидать. Поначалу я не почувствовала ничего. Просто сосредоточенность. Потом... это было похоже... не знаю, какими словами описать. Цвет, и свет, и музыка, и жизнь, и радость, и любовь... все то удивительное и прекрасное, ради чего стоит жить в этом мире.

Лисса призывала все эти вещи и посыпала их в Виктора. Магия текла через них обоих, сверкающая и милосердная. Живая. И ускользала жизнь Лиссы. Несмотря на прелест и очарование всего этого, Лисса слабела, а Виктор, наоборот, становился сильнее, когда стихии, подчиняясь таинственной стихии духа, вливались в него.

С ним происходили поразительные изменения. Кожа разглаживалась, исчезали морщины и отметины. Седые, истончившиеся волосы становились такими же темными и блестящими, как раньше. В зеленых глазах засверкала жизнь.

Он превращался в того Виктора, которого она помнила с детства.

Измотанная, Лисса в конце концов потеряла сознание.

Во внедорожнике я торопливо пересказывала, что произошло. Лицо Дмитрия становилось все мрачнее, он выругался по-русски — смысл этих слов он мне все еще не объяснил.

Когда до хижины оставалось четверть мили, Альберта позвонила по сотовому телефону и все наши машины съехали на обочину. Стражи — их

собралось больше дюжины — выбрались из внедорожников и сгрудились, обсуждая стратегию. Кто-то отправился вперед на разведку и, вернувшись, доложил, сколько человек внутри и снаружи. Когда все было готово, я тоже начала вылезать из машины, но Дмитрий остановил меня:

— Нет, Роза. Ты остаешься здесь.

— Черта с два! Я должна помочь ей.

Он приподнял рукой мой подбородок и пристально посмотрел мне в глаза.

— Ты уже помогла ей. Сделала свое дело — и сделала его хорошо. Но там тебе не место. И ей, и мне нужно, чтобы ты оставалась в безопасности.

Только понимание того, что дальнейший спор лишь отсрочит избавление Лиссы, заставило меня проглотить возражения, и я кивнула. Он отошел к остальным, и все они растворились среди деревьев.

Вздохнув, я откинула спинку пассажирского сиденья и легла. Я безумно устала. Хотя в окно светило солнце, для меня это была ночь. И большую часть ее я не спала, и много чего произошло за это время. Адреналин в крови... боль, которую я разделила с Лиссой... всего этого хватило бы, чтобы я тоже потеряла сознание.

Вот только сейчас она уже пришла в себя. Медленно ее восприятие еще раз подчинило себе мое. Она лежала на кушетке в хижине. Видимо, один из прихвостней Виктора перенес ее туда, когда она потеряла сознание. Сам Виктор — сейчас полный жизни ценой того, что так жестоко обошелся с ней, — стоял на кухне с остальными, они негромко обсуждали дальнейшие планы. Около Лиссы остался лишь один караульный. С ним не составит труда справиться, когда Дмитрий и команда захвата ворвутся внутрь.

Лисса посмотрела на одинокого стража, перевела взгляд на окно рядом с кушеткой. Сумела сесть, хотя все еще испытывала головокружение после исцеления. Страж повернулся, не спуская с нее взгляда. Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Вы не станете поднимать шума, что бы я ни делала, — сказала она. — Не будете звать на помощь, видя, что я ухожу, и никому ничего не расскажете.

Принуждение накрыло его, подчиняя себе. Он кивнул в знак согласия.

Лисса подошла к окну, отперла его и подняла. Она чувствовала слабость, не знала, на каком расстоянии находится от Академии, да и вообще от чего угодно. Не представляла себе, далеко ли сумеет уйти, прежде чем ее заметят.

Однако одновременно она понимала, что другого шанса сбежать может

не быть. В ее намерения не входило провести всю оставшуюся жизнь в этой затерянной в лесу хижине.

В любом другом случае я приветствовала бы ее мужество; но не сейчас, когда наши стражи должны были вот-вот спасти ее. Ей следовало оставаться на месте. К несчастью, услышать мой совет она не могла.

Лисса вылезла в окно, и я громко выругалась.

— Что? Что ты видишь? — произнес голос у меня за спиной.

Я так резко выпрямилась, что стукнулась головой о потолок. Оглянулась и увидела Кристиана, глядевшего на меня из грузового отсека внедорожника позади самых дальних сидений.

— Что ты тут делаешь? — спросила я.

— А ты как думаешь? Я «заяц».

— У тебя нет сотрясения мозга?

Он пожал плечами с таким видом, будто это не имело значения. Какая удивительная пара — он и Лисса. Готовы совершать безумные подвиги, несмотря ни на какие повреждения. И еще — раз Кирова не пустила меня вместе с остальными, это хорошо, что Кристиан сейчас рядом.

— Что произошло? — спросил он. — Ты увидела что-то новое?

Торопливо рассказывая ему, я выбралась из машины, и он тоже.

— Она не знает, что наши уже идут освобождать ее. Хочу перехватить ее до того, как она умрет от истощения.

— А нашим стражам не нужно сообщить, что она сбежала?

Я покачала головой.

— Они, скорее всего, уже ворвались внутрь. Я иду за ней.

Сейчас она была где-то справа от хижины. Точнее я смогу определить, только оказавшись ближе к ней. Ладно, неважно. Я должна найти ее. Бросив взгляд на лицо Кристиана, я не удержалась от холодной улыбки.

— Да, понимаю. Ты идешь со мной.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

Никогда прежде мне не было так трудно не позволять Лиссе втягивать меня в себя, но, с другой стороны, мы никогда не переживали ничего подобного тому, что происходило сейчас. Ее мысли и эмоции с ужасающей силой засасывали меня, пока я в сопровождении Кристиана бежала через лес.

Господи, как жаль, что Лисса не осталась на месте! Мне бы так хотелось увидеть захват ее глазами. Однако что теперь об этом думать? Я бежала, и наконец-то усилия Дмитрия, заставляющего меня на тренировках бесконечно описывать круги, окупили себя. Она двигалась очень быстро, но я чувствовала, что расстояние между нами сокращается, и все лучше представляла себе ее местонахождение. Кристиан не мог угнаться за мной. Ради него я побежала чуть медленнее, но вскоре поняла, что это глупо.

Он тоже понял это и крикнул, махнув мне рукой:

— Беги!

Наконец возникло ощущение, что она уже может меня услышать, и я окликнула ее, надеясь, что она остановится или хотя бы обернется. Вместо этого мне ответили завывания и собачий лай.

Пси-гончие. Конечно. Виктор говорил, что охотился с ними, он умел управлять этими животными. Внезапно до меня дошло, почему никто в школе не мог припомнить, чтобы в Чикаго они посыпали пси-гончих выслеживать нас с Лиссой. В Академии их просто не было, зато они имелись у Виктора.

Спустя минуту я добежала до поляны, где у подножия дерева съежилась Лисса. Судя по ее виду и доходящим до меня эмоциям, она уже давно должна была свалиться в обмороке. Только сила воли позволила ей так долго продержаться. Бледная, с широко распахнутыми глазами, она в ужасе смотрела на четырех окружающих ее пси-гончих. К тому же день разгорелся вовсю. Значит, солнечный свет также станет помехой для Лиссы и Кристиана.

— Эй! — крикнула я, пытаясь отвлечь гончих на себя.

Виктор наверняка отправил их охотиться конкретно на нее, но я надеялась, что, повинуясь здравому смыслу, они среагируют на новую опасность — в особенности в лице дампира. Пси-гончие любят нас не больше, чем другие животные.

Действительно, они повернулись ко мне, обнажив зубы, с раскрытых

пастей капала слюна. Они сильно смахивали на волков, только с коричневым мехом и глазами, в которых мерцал оранжевый огонь. Виктор, скорее всего, приказал им не причинять вреда Лиссе, а вот относительно меня таких инструкций они не получили.

Волки. Прямо как на уроке. Что там госпожа Мейснер рассказывала? Кажется, очень часто исход столкновения у них зависит от силы воли? Помня об этом, я попыталась проникнуться мыслью, что я вожак, и вести себя соответственно, но не думаю, будто они попались на эту удочку. Любой из них превосходил меня в весе. И еще они превосходили меня численно. Нет, в данном случае бояться им было нечего.

Делая вид, что это просто обычное состязание с Дмитрием, я подняла с земли ветку примерно того же размера и веса, что бейсбольная бита. И только успела как следует ухватить ее, как двое гончих прыгнули на меня. Челюсти и зубы вонзились в тело, но я удивительно хорошо сохранила позицию, стараясь вспомнить все, чему за последние два месяца научилась касательно борьбы с более крупными и сильными противниками.

Мне не хотелось причинять им вред — слишком уж они напоминали собак. Однако вопрос стоял так: либо я, либо они, и инстинкт самосохранения победил. Одну из них я сумела ударом свалить на землю, мертвую или без сознания, не знаю. Вторая все еще быстро, яростно набрасывалась на меня. Судя по виду оставшихся, они были готовы присоединиться к ней, но тут на поляну выскочил новый противник... ну, типа того. Кристиан.

— Катись отсюда! — закричала я на него, стряхивая гончую, когтями процарапавшую мое голое бедро и едва не свалившую меня на землю.

На мне все еще было платье, хотя туфли на высоких каблуках я давно сбросила.

Однако Кристиан, как любой одержимый любовью парень, не послушался. Он тоже схватил ветку и замахнулся ею на одну из гончих. Из ветки вырвалось пламя. Гончая отскочила назад, все еще не осмеливаясь нарушить приказ Виктора, но явно опасаясь огня.

Четвертая гончая, увертываясь от огня, забежала за спину Кристиану. Умная бестия. И прыгнула на него, свалив на землю. Ветка вылетела из его рук, огонь тут же погас. Обе гончие бросились на него. Я покончила со своей противницей — снова испытав тошнотворное чувство оттого, что пришлось сделать, — и переключилась на двух оставшихся. Интересно, хватит у меня сил разделаться и с ними?

Однако обошлось без этого. Спасение явилось в виде вынырнувшей из леса Альберты.

Она без малейших колебаний застрелила гончих. Против стригоев пистолеты бесполезны, но против других тварей — старое, испытанное оружие. Гончие рухнули рядом с Кристианом.

Точнее, рядом с телом Кристиана...

Все мы устремились к нему — Лисса и я практически ползком. Увидев то, что открылось моему взору, я отвернулась. Живот взбунтовался, и пришлось сделать грандиозное усилие, чтобы меня не вывернуло наизнанку. Кристиан был еще жив, но вряд ли это продлится долго.

Лисса, точно обезумев, не отрывала от него взгляда широко распахнутых глаз. Протянула к нему руку, но почти сразу уронила ее.

— Не могу, — прошептала она. — Совсем не осталось сил.

Альберта с выражением сочувствия и решимости на лице потянула ее за руку.

— Пошли, принцесса. Нужно убираться отсюда.

Снова повернувшись к Кристиану, я заставила себя посмотреть на него. Судя по доходившим до меня чувствам Лиссы, она сильно переживала из-за него.

— Лисс!

Она оглянулась с таким видом, словно забыла, что я здесь. Без единого слова я откинула волосы и подставила ей шею.

Мгновение ее лицо ничего не выражало, потом в глазах вспыхнуло понимание.

Клыки, скрывающиеся за ее милой улыбкой, впились в шею, и с моих губ сорвался негромкий стон. Я не отдавала себе отчета в том, как сильно недоставало мне этой сладкой, упоительной боли. Меня охватило блаженство. Головокружение. Радость. Я была словно во сне.

Точно не помню, сколько времени Лисса пила мою кровь. Скорее всего, не очень долго. Ей никогда даже в голову не приходило выпить столько, чтобы убить человека и тем самым превратиться в стригоя. Когда она закончила, я покачнулась, и Альберта подхватила меня.

Голова все еще кружилась. Я смотрела, как Лисса склонилась над Кристианом и положила на него руки. Судя по далеким звукам, к нам пробивались другие стражи.

Исцеление не сопровождалось ни свечением, ни какими бы то ни было другими яркими внешними проявлениями. Все происходило исключительно между Лиссой и Кристианом. Но хотя эндорфины от укуса приглушали мою связь с ней, я помнила исцеление Виктора, помнила удивительные краски и музыку, которыми оно сопровождалось.

На наших глазах происходило чудо, и Альберта потрясенно открыла

рот. Раны Кристиана закрылись. Кровь перестала течь. Его щеки вновь обрели цвет — насколько это вообще возможно для мороев. Веки затрепетали, в глазах вспыхнула жизнь. Сфокусировав взгляд на Лиссе, он улыбнулся. Это было все равно что смотреть диснеевский фильм.

Видимо, после этого я отключилась, потому что больше ничего не помню.

* * *

В конце концов я очнулась в академической больнице, где в меня два дня вливали всякие жидкости и сахар. Лисса почти все время проводила рядом со мной, и медленно, постепенно картина похищения стала проясняться.

Нам пришлось рассказать Кировой и еще нескольким избранным о способностях Лиссы, о том, как она исцелила Виктора, Кристиана и... ну... меня. Наш рассказ вызвал шок, но администраторы согласились держать все в тайне от остальной школы. Никому даже в голову не пришло увозить отсюда Лиссу, как госпожу Карп.

Ученики в основном знали, что Виктор Дашков похитил Лиссу Драгомир, но не знали зачем. Некоторые его стражи погибли во время атаки команды Дмитрия — просто позор, учитывая, как мало уже осталось стражей. Сейчас Виктора содержали в школе под круглосуточным наблюдением, в ожидании того, когда его заберет королевское подразделение стражей. Возможно, моройское правительство всего лишь символическое, поскольку существует в границах гораздо большей страны, где действует свое правительство, но у них есть система правосудия, и мне приходилось слышать о моройских тюрьмах. Вот уж куда не хотелось бы попасть.

Что касается Натальи... тут все оказалось сложнее. Она была еще несовершеннолетняя, но тем не менее участвовала в заговоре вместе с отцом. Подбрасывала мертвых животных, следила за Лиссой — еще до нашего побега. Ее стихией, как и у Виктора, была земля, и именно она разрушила скамью, сломавшую мне щиколотку. Увидев, как я помешала Лиссе оживить голубя, они с Виктором поняли — чтобы добраться до Лиссы, нужно причинить вред мне, только это заставит ее вернуться к исцелению. Наталья просто поджидала, когда подвернется подходящий случай. Ее не держали взаперти, в Академии не знали, что с ней делать до прибытия королевского подразделения.

Против воли я испытывала к ней жалость. Она такая неловкая, такая застенчивая. Любой мог манипулировать ею, не говоря уж об отце, которого она любила и чьего внимания отчаянно жаждала. Для него она сделала бы все. По слухам, она целыми днями стояла около его места заключения, плача и умоляя позволить ей увидеться с ним. Ей отказывали и силой уводили оттуда.

Тем временем наша дружба с Лиссой возобновилась, словно ничего и не произошло. Что касается остального ее мира, произошло очень многое. После всех этих треволнений и драм она, похоже, обрела новое понимание того, что для нее важно, а что нет. Порвала с Аароном. Наверняка очень мило, но, уверена, ему разрыв дался нелегко. Получается, теперь она уже дважды бросила беднягу. Тот факт, что предыдущая подружка обманывала его, тоже не придавал ему уверенности.

И без малейших колебаний Лисса стала встречаться с Кристианом, не заботясь о том, как это скажется на ее репутации. Увидев, как они на людях держатся за руки, я глазам своим не поверила. Он тоже, казалось, сомневался в происходящем, а наши одноклассники были настолько потрясены, что вообще ничего не могли взять в толк. До сих пор они едва отдавали себе отчет в его существовании, а то, что он может быть с кем-то вроде Лиссы... Нет, совершенно немыслимо.

Состояние моих романтических дел выглядело гораздо менее радужным, чем у нее, — если вообще тут можно говорить о каких-то романтических делах. Пока я выздоравливала, Дмитрий ни разу не посетил меня, и наши тренировки были отложены на неопределенное время. Так продолжалось до тех пор, пока на четвертый день после похищения Лиссы я не наткнулась на него в гимнастическом зале. Мы были там одни.

Я пошла туда за своей гимнастической сумкой и замерла, увидев его. Буквально потеряла дар речи. Он чуть было не прошел мимо, но потом остановился.

— Роза... — после неловкой паузы заговорил он. — Ты должна написать рапорт о том, что произошло. С нами.

Я долго ждала возможности поговорить с ним, но совсем иначе представляла себе этот разговор.

— Не могу. Тебя уволят. Или сделают что-нибудь и того хуже.

— Меня и должны уволить. Я вел себя неправильно.

— Ты не мог противиться заклинанию...

— Это не имеет значения. Все равно неправильно. И глупо.

Неправильно? Глупо? Я прикусила губу, глаза налились слезами. Я попыталась взять себя в руки.

— Подумаешь, большое дело!

— Очень даже большое дело! Я воспользовался своим положением по отношению к тебе.

— Нет, — невозмутимо ответила я. — Ты не воспользовался своим положением по отношению ко мне.

Видимо, что-то такое прозвучало в моем голосе, потому что он устремил на меня глубокий, серьезный взгляд.

— Роза, я на семь лет старше тебя. В десять лет это, может, и не так уж много значит, но сейчас разница огромна. Я взрослый. Ты дитя.

Ничего себе! Я вздрогнула. Лучше бы он просто ударил меня.

— Похоже, ты не думал, что я дитя, когда во все глаза разглядывал меня.

Теперь вздрогнул он.

— Это из-за твоего тела... ну, оно делает тебя взрослой. Мы живем в разных мирах. Я совершил ошибки. Я действовал на свой страх и риск. Я убивал, Роза, — людей, не животных. А ты... Ты только начинаешь жить. Твоя жизнь — домашние задания, наряды и танцы.

— По-твоему, это все, что меня интересует?

— Нет. Конечно нет. Не совсем. Но такова существенная часть твоего мира. Ты еще растешь, пытаешься осознать, кто ты есть и что для тебя важно, а что нет. Так и должно происходить. Тебе нужно встречаться с парнями своего возраста.

Не нужны мне парни моего возраста. Но я не сказала этого. Не сказала ничего.

— Даже если ты решишь не писать рапорт, нужно, чтобы ты поняла — это было ошибкой. И ни в коем случае не должно повториться, — добавил он.

— Потому что ты слишком стар для меня? Потому что это безответственно?

Сейчас его лицо ничего не выражало.

— Нет. Просто потому, что ты не интересуешь меня в этом смысле.

Я замерла. Он отвергает меня, это прозвучало громко и ясно. Все, что произошло той ночью, все, что казалось таким прекрасным и исполненным смысла, прямо у меня на глазах рассыпалось в прах.

— Это произошло только благодаря заклинанию. Понимаешь?

Чувствуя себя униженной и разгневанной, я не хотела ставить себя в еще более глупое положение, споря или умоляя, и потому просто пожала плечами.

— Да. Понимаю.

* * *

Оставшуюся часть дня я дулась, отвергая все попытки Лиссы и Мейсона вытащить меня из комнаты. Вот ведь ирония — мне самой хотелось сидеть тут сейчас, хотя Кирова, под впечатлением моих подвигов во время спасения Лиссы, освободила меня из-под домашнего ареста.

На следующий день до уроков я пошла туда, где держали Виктора. В Академии имелись камеры с решетками, и в коридоре караулили два стражи. Не пришлось прибегать к особой хитрости, чтобы меня пропустили внутрь, а ведь даже Наталье этого не позволили. Но один из стражей ехал со мной во внедорожнике и видел, как я вместе с Лиссой страдала, когда ее пытали. Я сказала ему, будто мне нужно расспросить Виктора о том, что тот делал с Лиссой. Соврала, конечно, но стражи сочувствовали мне и потому «клонули». Позволили поговорить пять минут и отошли дальше по коридору, откуда не могли ни видеть, ни слышать.

Когда я стояла рядом с камерой Виктора, мне просто не верилось, что когда-то я сочувствовала ему. При виде его обновленного, поздоровевшего тела меня охватил гнев. Скрестив ноги, он сидел на узкой койке и читал, но, услышав мое приближение, поднял взгляд.

— Да ведь это Роза! Какой приятный сюрприз. Твоя изобретательность всегда производила на меня впечатление. Ко мне не допускают никаких посетителей.

Я скрестила на груди руки, стараясь придать лицу жесткое выражение истинного стражи.

— Я хочу, чтобы вы разрушили то заклинание. Целиком и полностью.

— Что ты имеешь в виду?

— Заклинание, которое вы наложили на меня и Дмитрия.

— Это заклинание больше не работает. Перестало действовать само по себе.

Я покачала головой.

— Нет. Я продолжаю думать о Дмитрии. Продолжаю желать...

Я не закончила, и он понимающе улыбнулся.

— Моя дорогая, все это уже было в тебе задолго до того, как я настроил заклинание.

— Не так, как сейчас. Не так сильно.

— Может, не на уровне сознания, но влечение, физическое и духовное, уже было в тебе. И в нем. В противном случае заклинание не сработало бы. На самом деле оно не создало ничего нового, просто убрало торможение и

усилило чувства, которые вы уже испытывали друг к другу.

— Вы лжете! Он сказал, что не испытывал ко мне никаких чувств.

— Это он лжет. Говорю же, в противном случае заклинание не сработало бы, и, честно говоря, ему следовало быть осмотрительнее. Он не имел права позволять себе испытывать такие чувства. Школьница может страстно влюбиться, и ей это простят. Но ему? Он должен лучше скрывать свои чувства, а между тем Наталья заметила его неравнодушие к тебе и рассказала мне. Тогда я сам немного понаблюдал, и для меня оно тоже стало очевидно. Что давало превосходный шанс отвлечь вас обоих. Я лишь настроил заклинание на вас, а все остальное вы сделали сами.

— Вы гнусный мерзавец! Что вы сделали с ним и со мной? И с Лиссой?

— Я не сожалею о том, что сделал с ней, — заявил он, откинувшись к стене. — И если бы мог, повторил бы свои поступки. Веришь ты или нет, я люблю свой народ и действовал в его интересах. Что будет теперь? Трудно сказать. У них нет лидера, нет реального лидера. Ни одного достойного, на самом деле. — Он задумался, склонив голову набок. — Им могла бы стать Василиса — если бы внутренне поверила в свое предназначение и преодолела влияние духа. Вот ведь ирония судьбы! Дух способен превратить человека в лидера, но он же разрушает его способность оставаться им. Страх, депрессия и неуверенность берут верх, и подлинная сила остается похороненной глубоко внутри. Тем не менее в ней течет кровь Драгомиров, а это не пустяк. И конечно, у Василисы есть ты, «поцелованная тьмой» и ее страж. Кто знает? Может, она еще удивит нас.

— «Поцелованная тьмой»?

Снова прозвучали эти слова, когда-то меня точно так же назвала госпожа Карп.

— Да, ты «поцелована тьмой», потому что пересекла порог смерти, побывала на той стороне и вернулась. Думаешь, такой опыт не оставит отметины в душе? Восприятие жизни и мира у тебя обострено даже больше, чем у меня, хотя, возможно, ты и не осознаешь этого. Практически ты уже была в объятиях смерти. Василиса отогнала смерть, потому что хотела вернуть тебя и навсегда привязать к себе. Какая-то часть тебя всегда будет помнить эти объятия, поцелуй смерти, всегда будет цепляться за жизнь и все, что она может дать. Вот почему ты так безрассудна в своем поведении, не сдерживаешь чувств — ни страсти, ни гнева. Это делает тебя удивительной. Это делает тебя опасной.

Я не знала, что и сказать, буквально потеряв дар речи. И ему, похоже, моя реакция нравилась.

— Вот что создало вашу связь. Ее чувства всегда изливаются на других, но большинство людей не «ловят» их, если только она не добивается этого, сознательно прибегая к принуждению. А вот ты имеешь восприятие на уровне экстрасенсорного... в особенности в отношении ее. — Он вздохнул почти с довольным видом. Я вспомнила, как читала, что Владимир спас Анну от смерти. Вот так, наверно, возникла и их связь. — Да, эта нелепая Академия даже не догадывается, что имеет в лице каждой из вас. Если бы не тот факт, что мне придется убить тебя, я включил бы тебя в состав королевской стражи, когда ты стала бы старше.

— У вас никогда не будет королевской стражи. Вы не задумывались о том, что людям покажется странным ваше внезапное выздоровление? Даже если никто не узнает о Лиссе, Татьяна никогда не сделает вас королем.

— Тут ты, возможно, права, но это не имеет значения. Существуют другие способы захвата власти. Иногда возникает необходимость выходить за пределы устоявшихся методов. Думаешь, Кеннет единственный мой приверженец среди мороев? Самые выдающиеся, самые значительные перевороты часто начинаются очень тихо, до поры до времени прячась в тени. — Он вперил в меня пристальный взгляд. — Запомни это.

Со стороны входа в камеры предварительного заключения послышался странный шум, и я оглянулась. Пропустившие меня стражи исчезли. Из-за угла донеслись глухие звуки ударов и неясное бормотание. Я вытянула шею, чтобы лучше видеть.

Виктор встал.

— Ну наконец-то.

Холодок страха пробежал по позвоночнику — пока я не увидела выскочившую из-за угла Наталью.

Меня пронзили сочувствие и гнев, но я заставила себя дружески улыбнуться. Ее отца захватили, и она, скорее всего, больше никогда не увидит его. Пусть они и негодяи, но им нужно позволить попрощаться.

— Эй! — окликнула я ее. Она шагала на диво целеустремленно, и внутренний голос шепнул мне, что здесь что-то не так. — Я не думала, что тебе позволят войти.

Конечно, мне тоже этого не полагалось.

Она подошла прямиком ко мне и — без преувеличений — отшвырнула к дальней стене. Я ударилась с такой силой, что перед глазами заплясали черные точки.

— Какого?..

Я прижала руку ко лбу и попыталась встать.

Не обращая на меня внимания, Наталья отперла камеру ключом из

связки, которую я прежде видела на поясе у одного из стражей. Пошатываясь, я поднялась и подошла к ней.

— Что ты делаешь?

Она подняла на меня взгляд, и тут я увидела это. Бледное кольцо красного вокруг зрачков. Кожа совсем бледная, даже для мороя. Рот измазан кровью. Но выразительнее всего был ее взгляд, такой холодный, такой злобный, что у меня чуть сердце не остановилось. Взгляд, свидетельствующий о том, что она больше не принадлежит к миру живых, она стала стригоем.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Меня натаскивали и тренировали, обучая тому, на что способны стригои и как защищаться от них, однако на деле я никогда с ними не сталкивалась. Это оказалось гораздо страшнее, чем я предполагала.

На этот раз, когда она снова бросилась на меня, я была наготове. Ну, вроде того. Увернулась, уклонилась, спрашивая себе, есть ли у меня вообще хоть какие-то шансы. Вспомнилось, как Дмитрий шутил в торговых рядах. Никакого серебряного кола. Ничего, чем можно снести ей голову. Никакой возможности застрелить. Самым лучшим выходом казалось бегство, однако она блокировала мне путь.

Чувствуя свою беспомощность, я просто отступала по коридору, а она надвигалась на меня. Ее движения утратили всякую неуклюжесть и выглядели гораздо грациознее, чем когда бы то ни было. Потом, тоже быстрее, чем когда бы то ни было, она прыгнула на меня, схватила и стукнула головой о стену. Под черепом взорвалась боль, во рту появился привкус крови. Я яростно сражалась с ней, в смысле, просто отбивалась, но это все равно что бороться с Дмитрием.

— Моя дорогая, — промурлыкал Виктор, — постарайся не убивать ее без крайней необходимости. Позже можно будет ее использовать.

Наталья остановилась на мгновение, дав мне возможность отступить, но не отрывая от меня холодного взгляда.

— Хорошо, постараюсь. — В ее голосе прозвучали скептические нотки. — Выходи отсюда, — добавила она, обращаясь к отцу. — Встретимся, когда я закончу здесь.

— Глазам своим не верю! — закричала я вслед уходящему Виктору. — Вы пошли на то, чтобы собственную дочь превратить в стригоя?

— Последнее средство спасения. Жертва, которую пришлось принести во имя великой цели. Наталья все понимает.

С этими словами он скрылся за поворотом.

— Правда? — спросила я, надеясь отвлечь ее разговором, хотя бы немного, и пытаясь за словами скрыть ужас и потрясение, которые испытывала. — Действительно понимаешь? Господи, Наталья, ты... ты пошла на это. Только потому, что он велел тебе?

— Мой отец великий человек, — ответила она. — Он хочет спасти мороев от стригоев.

— Ты в своем уме? — закричала я, снова попятилась, внезапно

уткнулась в стену и впилась в нее ногтями, как будто надеялась прорыть насеквозд ход. — Ты и есть стригой.

Она пожала плечами почти как прежняя Наталья.

— Я должна была поступить так, чтобы вызволить его отсюда, пока не подойдут остальные. Один стригой спасает всех мороев. Оно того стоит. Стоит ради такого отказаться от солнца и магии.

— Но ты же захочешь убивать мороев и не сможешь противостоять этому желанию!

— Он поможет мне управлять собой. Если же нет, им придется убить меня.

Она выбросила вперед руку и схватила меня за плечо. Я вздрогнула, услышав, с какой легкостью она рассуждает о собственной смерти. Почти с такой же, с какой, по-видимому, была готова убить меня.

— Ты сошла с ума. Невозможно любить его так сильно. Невозможно...

Она снова отшвырнула меня к стене. Я бесформенной грудой сползла на пол, и на этот раз возникло чувство, что больше мне уже не встать. Виктор велел Наталье не убивать меня... но выражение ее глаз говорило, что она хочет этого. Хочет насытиться мною — голод, вот что там было. Таков путь стригоев. Не следовало разговаривать с ней, поняла я. Это привело к тому, что я заколебалась. В точности как предостерегал Дмитрий.

И потом внезапно он возник здесь, пронесясь по коридору, словно Смерть в ковбойском пыльнике. Наталья развернулась. Она двигалась быстро, ох как быстро. Однако Дмитрий почти не уступал ей в этом. С выражением силы и решимости на лице он уклонялся от ее атак. Зачарованная, я смотрела, как они кружат, словно партнеры в смертоносном танце. Ясное дело, она была сильнее его, но стригоем стала совсем недавно. Обладание сверхчеловеческой силой еще не означает умения использовать ее.

А вот Дмитрий прекрасно знал, как использовать то, что имел. После того как они обменялись несколькими жуткими ударами, он сделал свой ход. Словно молния, в его руке сверкнул серебряный кол и метнулся вперед — прямо ей в сердце. Он выдернул его и отступил, глядя, как она вскрикнула и рухнула на пол. Спустя несколько ужасных мгновений ее подергивания прекратились.

Так же молниеносно он склонился надо мной, подхватил и понес — как тогда, когда я повредила щиколотку.

— Эй, товарищ, — вяло пробормотала я. — Ты был прав насчет стригоев.

Нахлынула тьма, веки опустились.

— Роза, Роза, открой глаза! Не надо спать!

Никогда не слышала, чтобы его голос звучал так напряженно, так настойчиво. Он почти бегом нес меня к больнице. Я искоса взглянула на него.

— Он был прав?

— Кто?

— Виктор... Он сказал, что дело не в его ожерелье.

Я снова начала уплывать, растворяться в затопившей сознание тьме, но слова Дмитрия заставили меня очнуться.

— Что ты имеешь в виду?

— Заклинание. Виктор сказал, что ты хотел меня... был неравнодушен ко мне... только поэтому оно сработало.

Он не ответил, и я попыталась ухватиться за его рубашку, но пальцы были слишком слабы.

— Это правда? Ты хотел меня?

Я еле расслышала его ответ:

— Да, Роза, я хотел тебя. И по-прежнему хочу... Хочу, чтобы мы могли быть вместе.

— Тогда зачем ты солгал мне?

Он уже домчался до больницы, ногой открыл дверь и, оказавшись внутри, стал звать на помощь.

— Зачем ты солгал? — снова пробормотала я. Он перевел на меня взгляд. Я услышала приближающиеся шаги и голоса.

— Потому что мы не можем быть вместе.

— Из-за разницы в возрасте? Потому что ты мой наставник?

Он нежно смахнул скатившуюся по моей щеке слезу.

— Отчасти. Но кроме того... Когда-нибудь мы оба станем стражами Лиссы. Я должен буду защищать ее любой ценой. Если на нас накинется целая свора стригоев, я должен буду броситься между ними и ею.

— Это ясно. Конечно, ты так и поступишь.

Черные точки снова заплясали у меня перед глазами. Я почувствовала, что теряю сознание.

— Нет. Если я позволю себе любить тебя, то брошусь между ними и тобой.

Прибыли медики и приняли меня из его рук.

Вот таким образом, всего два дня назад выйдя из больницы, я снова оказалась там. Третий раз за два месяца, прошедшие после нашего возвращения в Академию. В некотором роде рекорд. У меня обнаружилось сотрясение мозга и, наверно, внутреннее кровотечение, хотя его так и не

выявили. Если твоя лучшая подруга чертовски умела целительница, тебе нечего тревожиться о таких вещах.

Тем не менее пришлось задержаться там на пару дней, но Лисса и Кристиан, ее новый закадычный друг, покидали меня только на время учебных занятий. Благодаря им я узнавала кое-что о том, что происходило снаружи. Дмитрий понял, что в кампусе стригой, когда нашли мертвую, обескровленную жертву Натальи: и не кого-нибудь, а мистера Надя. Странный выбор, хотя, возможно, дело в том, что он был немолод и потому меньше сопротивлялся. Со славянским искусством для нас теперь покончено. Стражи в центре временного заключения пострадали, но не погибли. Она просто отшвырнула их, как меня.

Виктора нашли и схватили, когда он пытался покинуть кампус. Эта новость обрадовала меня, хотя она означала, что жертва Натальи оказалась напрасной. По слухам, Виктор не выказывал ни малейших признаков страха, когда прибыли королевские стражи и увезли его. Улыбался все время, как будто знал секрет, о котором никому больше не было известно.

Жизнь — насколько это возможно — вернулась в нормальное русло. Лисса больше не резала себя. Доктор прописала ей что-то против депрессии и тревоги, не помню, что именно, и она стала чувствовать себя лучше. Вообще-то я абсолютно невежественна в том, что касается подобных таблеток. Считаю, что они делают людей глупо-счастливыми. Но эти просто приводят к тому, что Лисса чувствует себя уравновешенной и спокойной.

И это хорошо — потому что у нее возникли другие проблемы. Например, Андрей. В конце концов она поверила рассказу Кристиана о нем и смирилась с тем фактом, что он не был героем, как она себе его представляла. Это далось ей нелегко, но в итоге она приняла разумное решение, сводившееся к тому, что у Андрея были и хорошие, и дурные стороны — как у всех нас. Ее огорчало, как он поступил с Мией, но это не отменяло того факта, что он был хорошим братом и любил ее. Более важно то, что все это избавило ее от ощущения, будто она должна в интересах семьи непременно занять его место. Теперь она могла быть самой собой — что и демонстрировала ежедневно, встречаясь с Кристианом.

Школа все еще не могла смириться с их отношениями. Лиссу общественное мнение совершенно не волновало. Она отшучивалась, игнорировала шокированные взгляды и пренебрежение королевских отпрысков, которые не могли поверить, что она встречается с человеком из презираемой семьи. Правда, не все испытывали такие чувства. Те, кто ближе познакомился с ней во время ее короткого общественного взлета,

полюбили ее за то, какая она есть, а не под принуждением. И демонстрировали свое отношение честно и открыто, предпочитая такую позицию играм, в которые играло большинство членов королевских семей.

Эти последние игнорировали ее, конечно, и говорили гадости у нее за спиной. Самое удивительное, что Мия — несмотря на все унижение, через которое прошла, — сумела-таки снова втереться в доверие к некоторым королевским отпрыскам и наладить с ними хорошие отношения.

Более того, проходя как-то мимо нее по пути в класс, я заметила первые признаки того, что ее жажда мщения снова вскинула голову. Она стояла в группе людей и говорила нарочито громко, явно рассчитывая, что я ее услышу:

— ... подходящая парочка. Оба из опозоренных, отвергнутых всеми семьями.

Стиснув зубы, я прошла мимо, заметив, что ее взгляд устремлен на Лиссу и Кристиана. Затерянные в собственном мире, они представляли собой эффектное зрелище: она привлекательная блондинка, он голубоглазый и темноволосый. Я против воли не могла оторвать от них взгляда. Мия права. Обе их семьи несли на себе клеймо позора. Татьяна публично осудила Лиссу, и хотя открыто никто не обвинял семью Озера в том, что произошло с родителями Кристиана, остальные королевские семьи продолжали сохранять дистанцию.

Однако Мия была права и в другом отношении. В некотором роде Лисса и Кристиан идеально подходили друг другу. Может, они и стали изгоями, но когда-то Драгомиры и Озера слышили самыми могущественными моройскими лидерами. И на протяжении очень короткого времени Лисса и Кристиан начали таким образом влиять друг на друга, что в недалеком будущем вполне могли занять место своих предков. Он перенимал у нее некоторый лоск и манеру держаться в обществе, она училась отстаивать свои убеждения. Чем дольше я наблюдала за ними, тем более заметными становились излучаемые ими энергия и уверенность.

Чувствовалось, что они не собираются вечно оставаться внизу.

И мне кажется, именно это, наряду с добротой Лиссы, привлекало к ней людей. Круг, в котором мы вращались, начал медленно, но верно расширяться. Мейсон входил в него, конечно, не делая секрета из того, что интересуется мною. По этому поводу Лисса подразнивала меня, а я по-прежнему не знала, что с ним делать. Какая-то часть души нашептывала мне, что, может, сейчас самое время дать ему шанс стать моим серьезным бой-френдом, в то время как другая все еще томилась по Дмитрию.

Дмитрий же по большей части обращался со мной как наставник, и не

более того. Вел себя по-дружески, сурово, понимающе, требовательно. Ничего выходящего за рамки обычного, ничего могущего навести кого-то на мысль о том, что произошло между нами, — если не считать кратких моментов, когда наши взгляды встречались. И, справившись со своей первоначальной, чисто эмоциональной реакцией, я поняла — формально он прав насчет нас. Возраст создавал проблему, да, тем более, что я все еще училась в Академии. Но вот то, о чем он еще говорил... это никогда не приходило мне в голову. А должно бы. Два стражи, связанные определенными взаимоотношениями, могли отвлекать друг друга от мороя, которого должны защищать. Это недопустимо, нельзя рисковать жизнью Лиссы ради собственных желаний. В противном случае мы были бы не лучше, чем страж Бадики, который попросту сбежал. Когда-то я сама говорила Дмитрию, что мои чувства не имеют значения, Лисса на первом месте.

Оставалось надеяться, что я смогу доказать это на деле.

— Жаль, что все так плохо с исцелением, — сказала мне Лисса.

— Ммм?

Мы сидели в ее комнате и делали вид, что занимаемая, хотя на самом деле лично я думала о Дмитрии. Я знала, она умеет хранить секреты, но так и не рассказала ей о нем и о том, как близка была к потере невинности. По какой-то неясной для меня причине я не могла заставить себя об этом говорить.

Она опустила историческую книгу, которую читала.

— Я имею в виду, что мне пришлось отказаться от исцеления. И принуждения. — На последнем слове она нахмурилась.

Исцеление рассматривалось как чудесный дар, нуждающийся в дальнейшем изучении; принуждение встречало самый серьезный отпор со стороны Кировой и госпожи Кармак.

— В смысле, теперь мне хорошо. Ты была права — мне уже давным-давно следовало обратиться за помощью. Я рада, что принимаю эти лекарства. Однако Виктор тоже был прав. Я не могу больше использовать дух. Правда, я все еще чувствую его... и скучаю по возможности войти с ним в соприкосновение.

Что на это скажешь? Мне она больше нравилась такой. Угроза безумия миновала, и она снова стала собой, уверенной и общительной, в точности той Лиссой, которую я всегда знала и любила. Наблюдая за ней сейчас, я без труда верила, что она, как говорил Виктор, близка к тому, чтобы стать лидером. В этом Лисса очень напоминала своих родителей и Андрея — они так же вызывали чувство преданности у тех, кто их знал.

— И еще кое-что, о чем он говорил, — продолжала она. — Что я не смогу отказаться от этого. Он был прав. Это больно — не иметь возможности использовать магию. Временами я очень сильно скучаю по ней.

— Понимаю.

Я чувствовала ее душевную боль. Таблетки притупляли ее магические возможности, но не нашу связь.

— Я все думаю и думаю о том, что могла бы делать. Обо всех людях, которым могла бы помочь.

В ее словах ощущались сожаление и печаль.

— Прежде всего ты должна помочь себе самой, — жестко сказала я. — Не хочу, чтобы ты снова страдала. И не допущу этого.

— Знаю. Кристиан говорит то же самое. — Она чуть глуповато улыбнулась — как всегда, когда упоминала о нем.

Знай я, что любовь сделает с этими идиотами, я, может, и не так уж старалась бы снова свести их.

— И думаю, вы оба правы. Лучше тосковать по магии и быть в здравом уме, чем владеть ею и быть сумасшедшей. Золотой середины не существует.

— Нет. Во всяком случае в этом вопросе.

И потом, словно бы ниоткуда, в сознании всплыла мысль: существует золотая середина. Припомнились слова Натальи: «Оно того стоит. Стоит ради этого отказаться от солнца и магии».

Магия.

Госпожа Карп стала стригоем не потому, что сошла с ума. Она стала стригоем, чтобы не сойти с ума. Тот, кто становится стригоем, полностью отрезается от магии. Утрачивает возможность использовать ее. Перестает чувствовать ее. Не хочет ее больше. Глядя на Лиссу, я почувствовала внутри нарастающее беспокойство. Что, если она тоже поймет это? Что, если захочет сделать то же самое? Нет, тут же решила я. Лисса никогда так не поступит. Она слишком сильна как личность, слишком порядочна. Пока она принимает таблетки и не утрачивает способности рассуждать, радикальных мер ей не потребуется.

Тем не менее вся эта концепция побуждала меня выяснить еще одну, последнюю вещь. На следующее утро я пошла в церковь, уселась на скамью и дождалась прихода священника.

— Здравствуй, Роза, — сказал он, явно удивленный моим появлением. — Я могу тебе чем-то помочь?

Я встала.

— Мне нужно узнать кое-что о святом Владимире. Я прочла ту книгу, что вы дали мне, и еще несколько других. — Лучше не говорить ему о тех, которые были украдены с чердака. — Но нигде не упоминается, как он умер. Как окончил свою жизнь. Он был мучеником?

Священник вскинул кустистые брови.

— Нет. Он умер в преклонном возрасте. Почил с миром.

— Вы уверены? Он не стал стригоем и не покончил с собой?

— Нет, конечно нет. Откуда у тебя такие мысли?

— Ну... он был святым и все такое, но в то же время немногого... сумасшедшего. Я читала об этом. Ну и подумала, что в конце концов безумие могло взять над ним верх.

Его лицо приняло серьезное выражение.

— Это правда, он всю свою жизнь сражался с демонами безумия. Борьба была тяжкая, и временами ему хотелось умереть. Но он преодолевал эти порывы, не позволяя им одержать над собой победу.

Я удивленно смотрела на него. Владимир не принимал таблеток и тем не менее не отказывался от использования магии.

— Как? Как ему это удавалось?

— Сила воли, надо полагать. Ну и... — Он помолчал. — Анна.

— «Поцелованная тьмой» Анна, — пробормотала я. — Его страж.

Священник кивнул.

— Она всегда была рядом и поддерживала его в минуты слабости, помогая не поддаваться безумию.

Я уходила из церкви ошеломленная. Значит — Анна. Анна помогла Владимиру удержаться на золотой середине, то есть творить чудеса, но без саморазрушения, которое привело бы к ужасному концу. Госпоже Карп не повезло. У нее не было связанного с ней стража, и поддержать ее оказалось некому. Зато у Лиссы такой страж есть.

Улыбаясь, я пересекала внутренний двор, направляясь к столовой. И чувствовала себя, больше чем когда-либо за последнее время, исполненной оптимизма. Мы сможем сделать это, Лисса и я. Сможем сделать это вместе.

И тут уголком глаза я заметила темную фигурку, пронесшуюся мимо и опустившуюся на соседнее дерево. Я остановилась. Это был ворон, крупный, сильный, с блестящим черным оперением.

И лишь спустя мгновение до меня дошло, что это не просто ворон, а тот самый ворон, которого исцелила Лисса. Никакая другая птица не села бы так близко к дампиру. И никакая другая птица не смотрела бы на меня таким умным, таким узнаваемым взглядом. Это просто чудо — что он до сих пор в наших краях. Холодок пробежал по спине, я невольно отступила.

И тут до меня дошло.

— Ты тоже связан с ней? — спросила я, прекрасно понимая, что если бы кто-нибудь увидел меня в этот момент, то решил бы, что я не в своем уме. — Она и тебя вернула оттуда. Ты тоже «поцелованный тьмой».

Это было по-настоящему круто. Я протянула к ворону руку, отчасти надеясь, что он сядет на нее — в духе фильма ужасов. Он, однако, лишь поглядел на меня, точно на идиотку, расправил крылья и улетел.

Я провожала его взглядом, пока он не растворился в сумерках. А потом развернулась и отправилась на поиски Лиссы. Издалека до меня донеслось лишь карканье, больше похожее на смех.

notes

Примечания

1

Л.-А. — Лос-Анджелес. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

2

Шесть-шесть — имеется в виду шесть футов шесть дюймов, то есть где-то под два метра; аналогично расшифровывается и шесть-семь.

3

Сквоттеры — городские бедняки, самовольно вселяющиеся в заброшенные городские трущобы.

4

«Гэпкидс» — сеть магазинов, продающих детскую одежду.

5

Армия спасения — религиозная благотворительная организация.

6

«Таргет» — сеть крупных универсальных магазинов, продающих товары по относительно невысоким ценам.

7

Кривая эффективности обучения отражает повышение эффективности выполнения работы человеком по мере обучения.

8

Гранола — смесь плющеного овса с добавками коричневого сахара, изюма, кокосов и орехов; используется для изготовления сухих завтраков.

9

«Мейси» — сеть универсальных магазинов.